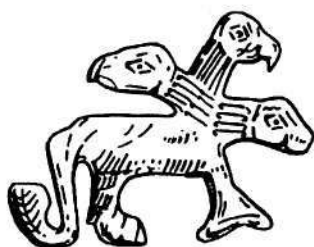

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**УСПЕХИ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

ВЫПУСК 3

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И
Н А У Ч Н Ы Й С О В Е Т П О П Р О Б Л Е М А М А Р Х Е О Л О Г И И С Р Е Д Н Е Й А З И И И К А З А Х С Т А Н А

УСПЕХИ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

В Ы П У С К 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1975

В сборнике освещаются вопросы истории и культуры ранних кочевников Средней Азии и Казахстана, сыгравших большую роль в судьбах Евразии и представленных яркими археологическими комплексами. В первой части сборника рассматриваются общие закономерности развития раннекочевнических культур, подробно анализируются вопросы установления абсолютной и относительной хронологии, а также так называемый скифский стиль в искусстве. Во второй части содержится подробная информация о последних археологических исследованиях, посвященных этой тематике, публикуются материалы о новейших раскопках раннекочевнических памятников на Памире, Узбое, в Фергане, Хорезме, Северной Киргизии и в других районах. Кроме того, в сборнике содержится информация о прочих новых открытиях и организационных мероприятиях в археологии Средней Азии и Казахстана в 1972—1973 гг., список вышедшей за это время литературы.

Издание рассчитано на специалистов — археологов и историков.

Редакционная коллегия

А. А. Абетков (отв. секретарь), канд. ист. наук К. А. Акишев,
канд. ист. наук А. А. Аскаров, канд. ист. наук Е. А. Атагарриев,
акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов, докт. ист. наук В. М. Массон (отв. редактор),
докт. ист. наук Н. Н. Пегмагов, докт. ист. наук Г. А. Федоров-Давыдов
(зам. отв. редактора)

І. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУР РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

А. М. Мандельштам

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Термин «ранние кочевники», предложенный более 30 лет назад (Грязнов, 1939) для обозначения населения, занимавшего степную полосу Евразии в период от сложения кочевой формы скотоводческого хозяйства до первых веков новой эры, получил значительное распространение в исторических и археологических трудах последнего десятилетия. Хотя смысл его для разных областей и периодов может быть конкретизирован в этническом и политическом плане (Черников, 1960), обобщающий характер в сочетании с вполне определенным историческим содержанием позволяет видеть в нем удачное понятие, способствующее четкой характеристике хода исторического процесса. Верхним хронологическим пределом применения этого понятия для Средней Азии и Казахстана может быть принято время появления здесь древних тюрков.

Более чем тысячелетняя эпоха существования ранних кочевников чрезвычайно скудно освещена в дошедших до нас письменных источниках. Однако прежде всего именно на их данных основываются представления об истории ранних кочевников интересующей нас территории и только они дают реальную возможность установить последовательность событий и точные их даты. Кроме того, лишь из трудов древних авторов известны племенные названия и некоторые материалы, позволяющие делать заключения относительно языков, а также этнической принадлежности различных групп кочевого населения. В этом плане письменные известия представляют собой ту исходную базу, которая необходима для любой реконструкции исторического прошлого, базу, ни в какой мере не теряющую своего значения и при наличии иных источников фактических сведений.

На протяжении последних десятилетий, особенно начиная с 40-х годов XX в., все большее значение для разработки вопросов исторического прошлого кочевого населения приобретают археологические материалы, количество которых неуклонно возрастает (сводки сведений о накоплении их см.: Бернштам, 1947; Обельченко, 1964, 1965). Эти материалы при соответствующем критическом подходе к ним являются надежным и объективным источником новых данных. Благодаря им появилась возможность значительно дополнить имевшиеся ранее сведения. В то же время, что чрезвычайно важно, анализ археологических материалов на определенной его стадии выдвигает перед исследователями вопросы, не возникавшие ранее главным образом ввиду неполноты сведений о конкретном ходе исторического процесса на протяжении отдельных периодов. Наиболее показательным примером этого может служить тот сложный комплекс вопросов,

который сейчас существует в связи с накоплением данных относительно могильников первых веков новой эры в северных областях Средней Азии.

В настоящее время еще трудно дать полную оценку значимости всех новых археологических материалов и главное тех результатов, к которым может привести их дальнейшее всестороннее исследование. Это обусловлено рядом объективных причин, среди которых главной является резкое несоответствие темпов накопления самих материалов в результате раскопок и введения их в научный оборот. Однако в целом можно с основанием говорить о том, что археологические материалы подтверждают правильность основных положений имеющихся реконструкций истории ранних кочевников, подтверждают они и принятую еще в 40-х годах хронологическую периодизацию, построенную по образцу выработанной ранее для западной части степного пояса. На рассматриваемой территории, а также и западнее можно условно выделить три последовательных периода, соответствующих предскифскому, скифскому и сарматскому в Южной России, но указанные названия не могут быть перенесены без существенных оговорок: речь может идти только о принципиальном членении, не влекущем за собой этнического определения ранних кочевников. Более точные наименования, соответствующие среднеазиатской реальности, еще предстоит выработать на основе всей суммы данных о местном кочевом населении.

По мере накопления новых фактов все более отчетливо встает вопрос о том, в какой мере можно предполагать совпадение хронологических рамок трех вышеуказанных периодов в Средней Азии и Казахстане с пределами их, принятыми для более западных областей. В связи с этим постоянно выступает необходимость определения отдельных дат и границ периодов. Но такая возможность реально появится лишь тогда, когда будут разработаны типологии и относительная хронология среднеазиатско-казахстанских вещевых материалов, принадлежащих ранним кочевникам.

Весьма показательно, что первые шаги в этом направлении уже предпринимаются (Кадырбаев, 1968; Акишев, 1973), однако вполне очевидно, что в целом указанная задача не может быть решена на базе материалов какого-то одного памятника или локальной группы памятников и усилиями одного или нескольких исследователей. Тут бесспорно необходима координированная и целенаправленная деятельность многих специалистов, охватывающая материалы по ранним кочевникам со всей среднеазиатско-казахстанской территории. При этом непременным условием конечного успеха является выработка единых принципов подхода и общей методики работы как по отдельным разделам, так и в обобщающей стадии.¹

Известные сейчас в отдельных областях памятники отличаются по конструкции сооружений, обряду погребения и составу сопровождающего инвентаря, причем различия носят и хронологический, и локальный характер; это обусловлено социальным положением, поло-возрастной дифференциацией, спецификой представлений о посмертной судьбе человека и др. Учет и исследование всех этих факторов совершенно необходимы для хронологических классификаций. Вопросы типологии и развития форм различных предметов на данном этапе не могут быть решены удовлетворительно без привлечения материалов соседних территорий, а в ряде случаев и всего степного пояса. Кроме того, для установления абсолют-

¹ Необходимость единого принципа подхода распространяется не только на широкий круг практических действий, но и на терминологию. Так, отсутствие общепринятых названий для различных форм глиняной посуды часто сильно затрудняет правильное понимание описаний памятников и даже может привести к ошибочным заключениям по не представленным в иллюстрациях материалам. Различные толкования таких наименований, как могильник, груша и др., также создают опасность несопоставимых выводов.

ных дат необходим тщательный учет материалов земледельческих областей Средней Азии. Таким образом, вырисовывается целый комплекс сложных исследований, осуществление которых явилось бы весьма важным этапом в археологическом изучении Средней Азии и Казахстана вообще.

При настоящем уровне знаний вырисовывается также необходимость поисков путей для решения другой проблемы общего характера, носящей отчасти методологический характер, — увязки археологических материалов с сообщениями письменных источников, в частности отнесение тех или иных памятников (или комплексов) к упоминаемым в последних племенным группам. Для этого прежде всего необходимо, чтобы выявленные памятники принадлежали к тому времени и находились на той территории, где древние авторы именно в данный период помещают конкретные, достоверно известные им племена.

Необходимо, очевидно, также выявить тот принципиальный комплекс археологически фиксируемых черт культуры, который может быть использован как этнический показатель. Это будет способствовать разграничению отдельных племен, обитавших на определенной, ограниченной территории в конкретный период. Весомость каждой из таких черт требует весьма тщательной оценки с учетом разделения их на устойчивые, подверженные изменению, автохтонные по своему происхождению и сложившиеся под воздействием извне. Для ранних кочевников неизбежно встает частный вопрос о путях формирования «скифской триады» и о возможности делать из факта ее наличия выводы об этническом сходстве или несходстве тех групп населения, у которых она засвидетельствована. Опять же весьма сложен, вероятно, даже в большей мере, чем представляется до полного учета соответствующих материалов, поэтому делать какие-либо предварительные заключения без нового глубокого анализа здесь невозможно. Аналогичное положение существует в отношении археологического комплекса, особенно характерного для сарматских племен, но представленного также в Средней Азии и более восточных областях. По мере накопления новых материалов этот комплекс начинает приобретать значение, аналогичное тому, которое имеет «скифская триада». Соответственно и здесь встает в принципе тот же вопрос, но в осложненном виде, поскольку, с одной стороны, сам комплекс полнее (он включает и конструкцию погребального сооружения), а с другой — необходим учет значительных племенных перемещений, происходивших уже на первых этапах «великого переселения народов».

В сущности мы имеем тут частный аспект проблемы установления археологических критериев этноса, а также таких категорий, как этнические группы и этнографические различия между ними. Значительно более хорошо изученные, чем в Средней Азии, памятники западных областей, на первый взгляд, могли бы служить наиболее надежной базой для исследований, однако при устойчивости и широкой распространенности основных комплексов вопрос о генезисе их остается до сих пор в значительной мере открытым. А именно от решения его во многом зависит правильное понимание историками единообразия материалов на обширных территориях, наблюдавшегося в скифский и сарматский периоды. Здесь среднеазиатско-казахстанские материалы, очевидно, сыграют немалую роль.

Если сейчас можно говорить об определенной психологической подготовленности к началу разработки упомянутой проблемы, то значительно сложнее обстоит дело с возможностями ее практического осуществления. Тут прежде всего выступают на передний план как объективный тормоз неясность и отсутствие единого толкования ряда кардинальных понятий, образующих основу, исходные позиции. Это касается, например, понятий

этнуса, этнографических признаков и археологической культуры, которые в данном случае непременно должны быть определены предельно точно, единообразно и с учетом их взаимных связей.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что с самого начала здесь требуются объединенные усилия археологов и этнографов, причем на основе единого методического подхода к различным фактическим материалам. Суждения относительно этнографических черт кочевого населения прошлых эпох безусловно должны базироваться в первую очередь на категориях, принятых в современной этнографии, хотя своеобразие реальных явлений прошлого, вероятно, заставит внести в них известные коррективы и дополнения. В этом плане большую роль следует отвести палеоэтнографии, предметом которой должны явиться вариации археологически фиксируемых черт культуры, отражающие локальные отличия групп населения, принадлежавших к одному этносу. Что касается самих черт, то ассортимент их теоретически не может быть установлен, однако практически всегда будет ограничен теми из них, которые прямо или косвенно отражены в археологических данных. Здесь вырисовывается частный вопрос методического характера — о границах возможностей использования археологических материалов, обеспечивающих получение достоверных фактических сведений; особое значение он имеет для суждений относительно идеологических представлений, являющихся существенным критерием для установления черт сходства или различия.

Для Средней Азии разработка указанной проблемы должна идти прежде всего по пути детального исследования памятников скифского периода с целью выделения тех из них, которые можно достоверно считать принадлежащими собственно сакам. Существующие здесь трудности общеизвестны и стали еще более очевидными в последние годы. Расширительное понимание наименования «саки», засвидетельствованное в письменных источниках, имеет прямую параллель в употреблении названия «скифы» применительно к населению западных областей степного пояса. Однако в археологическом аспекте положение иное: если синхронные памятники на территории южнорусских степей весьма единообразны, то в Средней Азии наблюдается другая картина — их разнообразие. Из этого следует, что содержание указанных названий не совпадает и в каждом случае подлежит выяснению уже с учетом археологических данных. Представляется, например, весьма спорным считать сакскими памятники Памира, свидетельствующие об использовании высокогорных пастбищ лишь небольшими группами кочевников и не дающие притом достоверно убедительных доказательств принадлежности их кочевому населению именно Средней Азии и Казахстана.

Другое необходимое направление работ — это выяснение вопроса о взаимоотношении культур сакских и усуньских племен, относительно чего пока нет единства мнений. Одной из причин такого положения, и притом, видимо, главной, следует считать отсутствие четких представлений об упоминавшихся выше понятиях. Акцептируемое в ряде исследований (Бернштам, 1949, 1951) расхождение между данными письменных источников и свидетельствами археологии предстает прежде всего как possessing субъективный характер, поскольку твердых критериев для оценки факта значительного сходства между памятниками двух последовательных периодов не имеется. При объективном подходе нет достаточных оснований ставить под сомнение достоверность известий о передвижении усуней с востока, поэтому археологические данные должны интерпретироваться исходя из этого, а не в плане поисков решения, соответствующего априорному мнению о непременном наличии существенных различий между культурами двух сменяющих друг друга групп населения.

Наряду с затронутыми выше проблемами общего порядка по мере накопления новых данных встают и другие, имеющие более частный характер. Многие из них связаны с конкретными пробелами в наших сведениях относительно истории различных племенных групп. Другие касаются отдельных аспектов реконструкции хода исторического процесса в целом — выявления постоянно действующих факторов и закономерностей развития. К числу последних, в частности, относится динамика развития кочевого скотоводства начиная со времени его распространения на рассматриваемой территории и до начала раннего средневековья. Вполне ясна непосредственная связь перехода к кочеванию с приспособлением к специфическим природным условиям, препятствовавшим ранее расширению сферы хозяйственной деятельности. Ареалы древних кочевников, как и более поздних, отчетливо показывают, что осваивались области, весьма отличные друг от друга по своему ландшафту и естественным ресурсам; для рассматриваемой территории диапазон вариаций лежит в пределах от пустынь до высокогорных альпийских лугов. Использование их в качестве сезонных пастбищ было обусловлено одним и теми же экономическими причинами — настоятельной необходимостью увеличения объема добываемых средств существования, но результативность в разных условиях не была одинаковой. Повышение ее в различных градациях — от минимального удовлетворения непосредственных нужд до получения устойчивых излишков — было связано со степенью адаптации к локальным особенностям естественной среды. Кочевое скотоводство независимо от того, придерживаться ли моногенетической или полигенетической гипотезы о его происхождении, не могло быть идентичным на всей территории.

Археологические материалы, взятые в целом, свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого промежутка времени несомненно происходил значительный рост численности кочевого населения и имели место крупные племенные передвижения — в некоторых случаях на весьма далекие расстояния. Как то, так и другое предполагает в качестве непрямого условия расширение экономической базы и повышение приспособленности хозяйства к различным естественным условиям. Общей тенденцией было увеличение стад, что могло осуществиться в значительной мере при чисто экстенсивной линии развития; но локальные особенности среды неизбежно должны были вести к качественным изменениям и специализации состава домашних животных, а также к выработке специфических черт их содержания, т. е. к появлению элементов интенсивной линии развития. Для правильного понимания реальных процессов эволюции хозяйственной основы ранних кочевников необходимо иметь достаточно полные и конкретные сведения относительно характера естественно-географических условий различных областей Средней Азии и Казахстана в прошлом, о динамике и темпах их изменения.

Для разработки проблемы развития кочевого скотоводства необходим специфический подход к археологическим памятникам. Так, при систематическом учете и специальном исследовании костей животных по единой методике могут быть получены более полные и конкретные сведения о составе стада и удельном весе в хозяйстве охоты. Значение последней, особенно в периоды стихийных бедствий, не следует недооценивать; об этом, в частности, свидетельствуют некоторые сообщения письменных источников.

Существенных результатов следует ожидать от планомерного и тщательного учета кочевнических могильников: картографирование их — при наличии достаточно надежных основ для датировки — с привязкой к конкретным естественно-географическим районам на определенном этапе позволит сделать заметный шаг к пониманию хода освоения различных пастбищных зон. Для пустынных районов дополнительным источником

фактических сведений может быть систематическое обследование пунктов, где пребывание ранних кочевников засвидетельствовано скоплениями соответствующей керамики вблизи колодцев и в выдувах. Особого внимания заслуживают могильники, расположенные в высокогорной зоне: установление времени освоения ее значительными массами кочевников важно для понимания развития их хозяйственной основы в условиях Средней Азии и соседних стран.

С указанной проблемой тесно связана и другая, охватывающая комплекс вопросов о роли земледелия и связей с населением близлежащих (а иногда и отдаленных) областей как в хозяйственной деятельности, так и во всей истории ранних кочевников в целом. Расширительный аспект здесь представляется правомерным, ибо многие реально действовавшие факторы политического, социального и иного характера были прямо или опосредствованно связаны с экологическими процессами, причем в определенных ситуациях эти факторы приобретали способность активного обратного воздействия. Примером последнего может быть известная зависимость специфики хозяйства отдельных групп кочевого населения восточных областей степного пояса от их политической роли и обусловленных ею изменений в территории расселения.

Становление кочевого скотоводства знаменовало отказ населения степей от земледелия как ведущей формы хозяйства — оно становилось второстепенным, вспомогательным и в определенных ситуациях, очевидно, исчезло полностью. Однако следует признать, что в настоящее время еще нет достаточной ясности — были ли «чистые кочевники» правилом или исключением. Но сама специфика кочевого скотоводства обуславливала наличие постоянной потребности у перешедших к нему племен в продуктах земледелия и изделиях ремесел. Она могла удовлетворяться прежде всего за счет внешних связей. Кроме того, потребность в продуктах земледелия вообще не была стабильной, поскольку зависела от результативности ведущей формы хозяйства; она несомненно резко возрастала в периоды часто повторяющихся стихийных бедствий, от которых особенно страдало скотоводство.

Для того чтобы определить, в какой мере существовало у ранних кочевников собственное земледелие и, что особенно важно, насколько оно было производительным, необходимы поиски и исследования зимовок и поселений на соответствующих территориях. Потребность в этом практически назрела и определенные усилия в данном направлении уже принимаются (Акишев, 1969). Но здесь имеется ряд специфических трудностей, начиная от чисто полевой методики до интерпретации отдельных находок. Они связаны, в частности, с решением вопроса о том, кто занимался земледелием на зимовках и поселениях — какая-то часть местного населения или переселенные сюда обитатели других областей. Именно это предстоит решить относительно поселений восточной части степного пояса, связываемых с сюнну.

Вопрос о значении внешних экономических связей для хозяйственной основы ранних кочевников должен решаться на базе специального исследования сопровождающего инвентаря могильников. Наличие в его составе различных предметов, являющихся изделиями оседлого населения близлежащих областей, хорошо известный факт, однако до настоящего времени отсутствуют сводные работы, посвященные рассмотрению их ассортимента и практического назначения.

При наличии достаточно полных археологических свидетельств относительно характера экономических связей между кочевниками и оседлым населением появится новая, более прочная основа для рассмотрения вопроса о реальных формах решения проблемы сосуществования их хозяй-

ства в различных конкретных исторических ситуациях. По такие свидетельства могут быть получены только в результате объединения усилий всех исследователей прошлого ранних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А. 1969. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — ИАН КазССР, сер. обществ., № 2.
- Акишев К. А. 1973. Саки азиатские и скифы европейские. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Бернштам А. Н. 1947. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. — ВДИ, № 3.
- Бернштам А. Н. 1949. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, в. XI.
- Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории гуштов. Л.
- Грязнов М. П. 1939. История СССР. [Макет]. Л.
- Кадырбаев М. К. 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Обельченко О. В. 1964. К изучению курганных погребений в Средней Азии. — ИМКУ, в. 5.
- Обельченко О. В. 1965. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии. — ИМКУ, в. 6.
- Черников С. С. 1960. О термине «ранние кочевники». — КСИМК, в. 80.

М. П. Грязнов

К ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Древнейших памятников эпохи ранних кочевников в Средней Азии, Казахстане и в Южной Сибири еще недавно было известно очень мало. В результате у исследователей произвольно создавалось представление о северопричерноморских степях как о некоем центре скифской культуры, а об азиатских как о периферии или во всяком случае каком-то второстепенном районе распространения культур скифского или скифо-сибирского типа, куда достижения культуры скифских племен проникали с запозданием и в измененном виде. Но за последние 15 лет положение существенно изменилось. В 1960 г. раскопан Чиликтипский курган, в 1960—1965 гг. исследована большая серия курганов в могильниках Уйгарак и Тагискеп в низовьях р. Сырдарьи. В те же годы несколько могильников открыто и раскопано в Центральном Казахстане. В самое последнее время исследуются раннескифские курганы в Туве.

Но особенно важным оказалось исследование огромного царского кургана Аржан. Раскопки еще не окончены, а в литературе уже началась дискуссия о времени его сооружения. Курган оказался совершенно необычным. Нижняя его половина на высоту до 3 м сложена из нескольких десятков тесно поставленных листовидных бревенчатых срубов. Поверх их потолков на площади более 1 га были навалены камни слоем в 2—3 м. В центральном срубе находились могилы царя и сопровождавших его лиц. Могила царя разграблена еще в древности, но в ней сохранилось много материалов, подробно освещающих своеобразную культуру древних племен Тувы в раннескифское время (VII—VI вв. до н. э.).

В особой камере с двойными стенами и потолком погребены царь и царица. Левее, к северу, в маленькой камере, покоилось в колоде-сарко-

фаге какое-то знатное лицо, а к югу и западу от него находились 8 аналогичных колод с останками старых воинов. Наконец, к востоку от камеры царя погребено 6 его верховых коней. Уздечки коней с бронзовыми удилами покрыты многочисленными украшениями из золота, серебра, антигорита, кабаньих клыков и других материалов. В могилах царя и сопровождавших его лиц также уцелело много различных украшений из золота (гривна, серьги и др.) и из бирюзы (бусы, бисер и др.). Одежды были шиты из ценных мехов и из узорчатых многоцветных шерстяных иранских тканей. Это первая находка древнеперсидских тканей такой давности. До сих пор были известны лишь ткани ахеменидского времени (находки на Алтае), теперь же мы впервые получили 8 образцов тканей доахеменидского времени.

В саркофагах воинов найдено оружие: бронзовые кинжалы, боевой чекан и стрелы. А в одном из них обнаружен прекрасно сохранившийся древнейший прибор для добывания огня трением.

Кроме центрального, раскрыто еще 6 больших срубов, расположенных к востоку от него. В трех срубах были погребены верховые кони: в двух по 30 коней, в одном 15. Все до одного жеребцы не моложе 12—15 лет. Считалось, что массовые захоронения коней в скифских царских курганах демонстрируют обычай хоронить с царем его табуны, все его богатства. Теперь же устанавливается, что кони в царских курганах были приношениями царю от подвластных ему племен и родов, а не его собственностью.

Среди множества найденных при конях принадлежностей сбруи особенно интересны скульптурная фигурка головы взнузданного коня, литое бронзовое изображение хищника и сделанный из рога оленя древнейший хомут, надевавшийся на коня для транспортировки волоком бревен и других тяжестей.

Существовало мнение, что в степях Азии нет и не будет найдено богатых царских курганов раннескифского времени, так как там, вдали от центров древней цивилизации, процесс социального расслоения протекал якобы иначе, чем, например, у скифов Причерноморья. Наши раскопки показали, что это не так, что процесс общественного развития в большей мере зависел от закономерностей внутреннего развития общества, чем от внешних причин, обусловленных более или менее значительными связями с народами других культур.

Материалы раскопок кургана Аржан в Туве не только заполнили некоторые пробелы в знаниях древней истории населения азиатских степей, но и позволили пересмотреть ряд сложившихся представлений о закономерностях развития ранних кочевых племен нашей страны. А это очень важно, так как основная цель археологических исследований заключается в том, чтобы по возможности полно и точно изучить закономерности развития общества в прошлом, чтобы правильно понять законы развития общества в наши дни, правильно представлять и пути его дальнейшего развития.

Вопрос о дате кургана Аржан на первый взгляд кажется простым и ясным. Фигура свернутого в круг тигра, наконечники стрел, втульчатые с ромбическим пером и жальцем, удила со стремевидными кольцами, трехдырчатые псалии, фигура кабана с повисшими вниз ногами на рукояти кинжала, трехжелобчатые бляшки из зеленого антигорита, белого аргиллита, деревянные с позолотой и некоторые другие предметы — все это характерно для раннескифского времени Сибири, Казахстана и южнорусских степей. VII—VI вв. до н. э., казалось, — неоспоримая дата кургана Аржан. Так мы и писали в первых сообщениях о его раскопках. Однако ряд археологов Украины в последние годы обращает внимание на отчетливо выделяющуюся группу предскифских памятников в степях Причер-

номорья, датируемую VIII—началом VII в. до н. э. И некоторые вещи кургана Аржан имеют аналогии только в данной группе памятников, а не в каких-либо других. Остановимся на этом подробнее.

Точная аналогия характерным коленчато-изогнутым псалиям Аржана известна только в одном случае — в могильнике Курту II на Алтае, датируемом исследователем временем «не позже VIII в. до н. э.» (Сорокин, 1966, рис. 5). Близкими аналогиями служат роговые псалии из двух могил большереченской культуры на р. Оби (Грязнов, 1956, табл. XIX, 15; XXI, 23). От аржанских они отличаются лишь гипертрофированной грибовидной шляпкой на верхнем конце. Могилы датированы VII—VI вв. до н. э., но нижняя хронологическая граница их не имеет прочных оснований. Другие близкие аналогии находятся далеко на западе и датируются VIII—началом VII в. до н. э. Это известные находки в Кобане, Черногоровке, Камышевах (Иессен, 1939, рис. 19), а также в Николаевке (Адыгея) (Анфимов, 1974, рис. 9), Дариевке и Усатове (Украина) (Лесков, 1971, табл. 2, 18, 19). В отличие от аржанских псалиев оба конца у них завершаются грибовидной шляпкой. Все указанные псалии можно рассматривать как варианты аржанского типа. Псалии же, известные по памятникам VII—VI вв. до н. э. Тувы, Алтая, Казахстана и более западных областей, относятся к разным вариантам других типов, сходных с аржанскими только в том, что они трехдырчатые.

Бронзовые удила со стремевидными кольцами и с дополнительным колечком в их основании, подобные удилам Аржана, представляют собой господствующую форму в памятниках VII—VI вв. до н. э., но они характерны и для памятников VIII—VII вв. до н. э. Бронзовые наконечники стрел, втульчатые с ромбическим пером и часто с жалцем, тоже распространены как в памятниках раннескифского, так и предскифского времени. В последних они сосуществуют с более архаичными типами наконечников. Так, например, в кургане Высокая Могила в Запорожье (VIII—VII вв. до н. э.) набор стрел, бронзовых и костяных, почти полностью совпадает с аржанским (Бидзиля, Яковенко, 1973).

Интересны круглые бляшки, сделанные из клыков кабана. Они найдены в двух камерах Аржана в разных вариантах. Отсюда можно предположить, что они были типичны для соорудившего Аржан общества. Аналогии им известны нам только в Северном Причерноморье. Разные варианты таких бляшек, круглые, овальные, с орнаментом, найдены в комплексе Веселая Долина на Северском Донце, на днепровском Субботовском городище (Тереножкин, 1961, рис. 67), на поселениях белозерского этапа в Широком и в Кирове (Лесков, 1971, табл. 2, 3, 7). Все эти комплексы предскифского времени. В памятниках скифского времени подобные вещи нам неизвестны.

Трехжелобчатые бляшки представлены в Аржане в трех видах — из антигорита, аргиллита и деревянные с позолотой. Они были, видимо, распространенным украшением. На Оби и Енисее они характерны для памятников VII—VI вв. до н. э., хотя встречаются и позже — в V—IV вв. Однако в Северном Причерноморье они известны лишь в предскифское время — из белого камня и из зубов лошади в упомянутой уже Высокой Могиле и бронзовые в Носачеве (Ковчаненко, 1966). Аржанское завершение кинжала из могилы 4, в виде валика, подобное трехжелобчатой бляшке, аналогично такому же навершию бронзового кинжала в Высокой Могиле.

Итак, в Аржане есть вещи, характерные для предскифского времени в Северном Причерноморье и неизвестные там в раннескифских памятниках. В то же время из всего множества вариантов псалиев, найденных в раннескифских памятниках Саяно-Алтая, Средней Азии, Казахстана и Северного Причерноморья, в Аржане не встречен ни один. Это позволяет

поставить вопрос — не следует ли Аржап синхронизировать с предскифской группой памятников Северного Причерноморья и датировать его VIII—началом VII в. до н. э., не следует ли считать, что VIII—VII вв. до н. э. были начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого слова не только в Северном Причерноморье, как это предполагал в свое время А. А. Иессен (1939, с. 109), но и в Саяно-Алтае. Однако до окончания раскопок кургана Аржап и до проведения более глубокого изучения всех относящихся к нему материалов мы воздержимся от окончательного решения вопроса об абсолютной и относительной его датировке.

Вопрос о датировке Аржапа исключительно важен и весьма ответственный. Если действительно Аржап синхронен предскифской группе памятников Северного Причерноморья, в той или иной мере однокультурен с ней и также датируется VIII—VII вв. до н. э., то некоторые основные вопросы скифской археологии надо будет коренным образом пересмотреть. Тогда нельзя будет связывать происхождение скифов, скифской культуры и скифо-сибирского звериного стиля с Передней Азией, так как «скифская триада» (оружие, сбруя, звериный стиль) в Саяно-Алтае сложилась, оказывается, задолго до легендарных походов скифов в Переднюю Азию и, очевидно, раньше, чем в Северном Причерноморье. В Причерноморье нет еще звериного стиля (хотя, возможно, памятники его не дошли до нас), преобладают уздечки кавказских и переднеазиатских форм, а не скифских, подобных аржапским. В Саяно-Алтае же скифо-сибирский стиль уже вполне сложился и имеет предшественников в изображениях на так называемых оленных камнях и в торовитке карасукского времени. Уздечки в Саяно-Алтае только скифского типа, и им предшествует узда с мягкими удилами и костяными трехдырчатыми псалиями (Ирмень и Еловка на Оби, Каменный Лог и Каменка IV на Енисее).

Во всяком случае независимо от того, подтвердятся или нет наши предположения, еще недостаточно обоснованные, значение кургана Аржап выходит далеко за пределы истории древних племен Тувы.

Материалы его будут постоянно привлекаться при изучении многих вопросов истории и сложения культур скифо-сибирского типа в степях Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов П. В. 1971. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья. — МИА, № 177.
- Бидзия В. И., Яковенко Э. В. 1973. О культурной общности киммерийских комплексов Высокой Могины и кургана Аржап. — В кн.: Тез. докл. сессии по итогам полевых археол. иссл. 1972 г. в СССР. Ташкент.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48.
- Иессен А. А. 1939. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, в. VIII.
- Ковпаненко Г. Т. 1966. Посачівський курган VIII—VII ст. до н. е. — Археологія, т. XX, Київ.
- Лесков А. М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — МИА, № 77.
- Сорокин С. С. 1966. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтырмы. — АСГО, в. 8.
- Тереножкин А. И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для многих областей Средней Азии, являющихся неотъемлемой частью «великого пояса евразийских степей», материалы могильников представляют основной и в большинстве случаев единственный источник определения хронологии и периодизации археологических культур, поскольку иные виды памятников здесь или полностью отсутствуют, или крайне малочисленны. Исторически сложилось так, что изучение курганов раньше было пачато в южнорусских степях и в Южном Приуралье, а также в Южной Сибири. Выработанные там приемы исследования, в том числе датировок, были затем распространены на памятники Средней Азии и Казахстана. К 1930 г. в нашей литературе были уже выработаны и широко применены методы датировки курганов и могильников по аналогии с материалами лучше изученных комплексов, по датирующим находкам, каковыми служат такие массовые изделия, как предметы вооружения и конской упряжи, а также украшения, и по находкам импортных изделий. Именно эти методы со всеми присущими им достоинствами и недостатками, в частности преувеличенным вниманием к художественным и привозным предметам и недооценкой значения развития форм погребальных сооружений, обряда и т. д., были использованы в развернувшихся в этот период археологических исследованиях памятников среднеазиатских кочевников.

Кратко остановимся на решении вопросов хронологии пионерами изучения курганов Средней Азии. Авторы одной из первых публикаций (Воеводский, Грязнов, 1938) констатируют, что при определении датировок раскопанных ими в 1928—1929 гг. курганов в Северной Киргизии невозможно было опереться на сопоставление с местными памятниками. И поэтому они основываются на иноземных предметах (головка сагитры греко-бактрийской работы, изделие из красного лака, золотые бляшки, сходные с сарматскими и с находками в Шибе на Алтае). Как видим, авторы учитывали как западные (сарматские), так и восточные (алтайские, китайские и др.), а также среднеазиатские аналогии, которые, по их справедливому заключению, позволяют установить твердую, хотя и недостаточно точную хронологическую дату.

В предвоенные годы значительный вклад в изучение кочевников Семиречья осуществил А. Н. Бернштам, выявив новые материалы по ранним кочевникам (могильники Каргалы, Берккара и особенно работы на Большом Чуйском канале) и открыв новый тип курганов с катакомбными захоронениями в Кепколе (1940, 1941, 1943). В итоге им была разработана общая хронологическая классификация всех известных тогда памятников Семиречья и Тянь-Шаня, в которой выделены основные периоды развития культуры ранних кочевников: сакский с подразделением на более ранний — VIII—VI вв. до н. э. и более поздний — V—III вв. до н. э., усуньский — II в. до н. э.—I в. н. э. и гуннский — I в. до н. э.—II в. н. э. (Бернштам, 1950). И хотя эта периодизация основывалась на незначительных материалах, в ней правильно были намечены основные этапы развития культуры кочевников. Хронологическая схема А. Н. Бернштама выдержала испытание временем и до сих пор не утратила своего научного значения. Так, им было установлено, что для раннесакской культуры типичны стрелевидные удила и сочетание втульчатых и черешковых форм бронзовых наконечников стрел. Именно эти два элемента считаются определяющими при выделении раннесакских комплексов в настоящее время (Вишневская, Итина, 1971; Акишев, 1973), именно их наличие состав-

ляет специфическую особенность среднеазиатских памятников. Хронология усуньских памятников у Бернштама дана по Воеводскому—Грязнову. Предложенная датировка последнего периода, установленная по материалам Кенкола, подвергалась позднее критическому пересмотру (Сорокин, 19566), однако и ныне этот вопрос нельзя считать окончательно решенным. Классификация А. Н. Бернштама — первый и пока что единственный в среднеазиатской археологии опыт создания всеобъемлющей системы хронологии всех известных памятников кочевников большой области. И следует отдать должное попытке одного из основоположников советской археологии Средней Азии преодолеть отставание в изучении кочевников и вывести его на уровень современной скифологии и сарматологии.

В конце 40-х годов начался принципиально новый этап в изучении кочевнических памятников, когда не в одном Семиречье, а в разных областях — в Фергане и Северной Киргизии, в Ташкентском и Бухарском оазисах, в долине Зеравшана и в Приаралье, в Южном Таджикистане и на Памире — приступили к массовым раскопкам и, что еще более ценно, стали вскрывать отдельные могильники целиком.

Следует, однако, признать, что до сих пор проблемы, возникающие при разработке хронологии, еще не были объектом специального рассмотрения и не обсуждались методические приемы, принципы и критерии, используемые для датировки.

Наиболее продуманная, стройная и соответствующая современному уровню методика хронологического исследования разработана на материалах поздних кочевников Восточной Европы Г. А. Федоровым-Давыдовым (1965, 1966). Автор приходит к заключению, что датировки только по аналогиям не могут удовлетворять, и предлагает свою систему, представляющую развитие и усовершенствование приемов хронологии курганов, использованных в 1930 г. А. В. Арциховским и С. В. Киселевым. В основе этой системы лежит типологическая классификация археологического материала и погребений. Выделив типы вещей, исследователь изучает взаимовстречаемость их, с тем чтобы выделить группы изделий определенных типов, находящихся в одних погребениях. Таким образом, он получает датировку комплексов приблизительно синхронных типов, которые после сопоставления их с находками монет сами превращаются в средство для абсолютной датировки курганов. Все это сопровождается статистической проверкой сопряженности типов, т. е. проверкой, насколько закономерна, а не случайна взаимовстречаемость типов. Используя датирующие комплексы вещей, ученый получает возможность разделить исследуемые памятники на хронологические группы, затем определяет встречаемость типов погребений в каждой хронологической группе по отдельным районам. Результаты этого анализа в виде ряда карт и таблиц позволяют проследить и выявить закономерности исторического развития отдельных групп кочевников во времени и пространстве, а также выделить локальные варианты их культуры и т. д. Такова система датировок Г. А. Федорова-Давыдова,работанная в ходе источниковедческой проработки огромного археологического материала. Применение ее к памятникам поздних кочевников оказалось эффективным и плодотворным. И в целом разработка такой системы — значительный шаг вперед по сравнению с приемами, использованными в работах 20—30-х годов. Не ставя перед собой цели всесторонне оценить ее, отметим только, что, пожалуй, самое слабое место в системе — это то, что не выделена как самостоятельная процедура задача определения сопряженности типологии вещей и типологии могил, установление встречаемости, корреляции их. Это, возможно, объясняется тем, что при исследовании взаимовстречаемости вещевого материала подразумевается и учет типа погребального сооруже-

ния, поскольку вещи существуют не сами по себе, а в определенных сочетаниях в реальных могилах, что составляет так называемый курганный комплекс.

Систему датировок Г. А. Федорова-Давыдова можно графически изобразить в виде схемы (рис. 1), которая, не претендуя на полное и адекватное отражение всего многообразия и сложности исследования, дает представление о последовательности его основных этапов и в то же время значительно облегчает сравнение методических примеров в разных работах.

Теперь попытаемся рассмотреть, как решаются вопросы хронологии в современных трудах по среднеазиатским кочевникам и какие при этом используются приемы. В работе Б. А. Литвинского (1972), которая является первым обобщающим трудом по ранним кочевникам Памира, вопросы датировки рассмотрены кратко и хронология памятников по существу не исследована, однако автор предлагает дробную хронологическую классификацию их. Система датировки представлена на схеме (рис. 2). Сравнивая ее с системой Г. А. Федорова-Давыдова, можно заметить отсутствие двух важных этапов — этапа установления встречаемости вещей, когда определяется состав курганных комплексов, и этапа выделения датирующих типов. Б. А. Литвинский определяет традиционным способом по аналогии дату почти каждого кургана. Не касаясь вопроса, насколько правильны предложенные датировки, можно из сопоставления этих двух систем прийти к выводу о недостаточности методических основ и слабой аргументации хронологии исследованных памятников Памира.

В книге О. А. Вишневской (1973) вопросы хронологии могильника Уйгарак разобраны обстоятельно и с привлечением широкого круга аналогий по скифским и сарматским памятникам Средней Азии и Казахстана, а также Сибири. В рассматриваемой работе, как и в книге Б. А. Литвинского, отсутствуют не только два этапа исследования, но и математический аппарат. Даты определены традиционным способом почти для каждого отдельного погребения или небольших групп курганов. С таким подходом нельзя согласиться в принципе, поскольку основной единицей следует считать могильник, а не одиночное захоронение. Учитывая, что могильник служил местом захоронения для какой-то группы людей на протяжении определенного времени, в нем обычно выделяются основное ядро, а также более ранние и поздние части. К такому заключению фактически и приходит О. А. Вишневская. В ее системе датировки находим новый момент — особо выделены датирующие факторы. Для этого была изучена типология бронзовых наконечников стрел, удил, пса-лиев и других вещей. Подробно исследованы наборы накопечников стрел в семи курганах, названные ею курганными комплексами. Представляется более оправданным такое название сохранить за всей совокупностью вещевых находок в кургане. И действительно, в четырех из семи курганов, помимо наконечников стрел, найдены предметы конской упряжи и другие вещи. Вот эти находки и составляют курганные комплексы. Однако они и взаимовстречаемость вещей в целом специально не рассмотрены. Справедливости ради надо оговорить, что такое невнимание во многом объясняется ограблением и разнородностью погребального инвентаря могильника, в котором мало повторяющихся вещей.

Обратимся к работе А. М. Мандельштама (1966), содержащей обстоятельную публикацию материалов могильника Тулхар. Эта книга является примером скрупулезного подхода к вопросам хронологии. Дата Тулхарского могильника — наиболее точная и твердо аргументированная среди дат всех известных ныне памятников катакомбно-подбойных захоронений Средней Азии. В отличие от большинства археологов автор

использует примеры датировки исключительно по близким аналогиям, справедливо указывая на недостоверность и сомнительность опоры на отдельные параллели. Хронология основной массы могил Тулхара определяется сравнением находок в них с набором вещей в курганах, точно датированных находками монет. Выделение этих комплексов составляет необходимый этап хронологического исследования, который в известной мере сопоставим с третьим этапом по системе Г. А. Федорова-Давыдова. Как и в работе О. А. Вишневецкой, здесь определены датирующие формы (в данном случае — керамика), которые служат основанием датировки остальных курганов. Время двух отличающихся по обряду могил устанавливается отдельно, так сказать, в индивидуальном порядке. В целом способы датировки А. М. Мандельштама наиболее приближаются к требованиям системы Г. А. Федорова-Давыдова.

Подводя итоги, следует признать, что в рассмотренных трудах, как и почти во всей среднеазиатской литературе, используемые приемы хронологии недостаточно совершенны и преобладают традиционные способы датировки по аналогии. Анализ литературы позволяет определить наиболее перспективные пути усовершенствования и уточнения методических приемов. Прежде всего следует заняться улучшением традиционных способов хронологических исследований. При этом основное внимание надо обратить на выделение и анализ курганных комплексов, на преимущественное развитие методов использования близких аналогий (Мандельштам, 1966) и учет специфики местных культур (Акишев, 1973). Многого можно ожидать от работ по созданию самостоятельных хронологических классификаций, независимых от скифской, сарматской или сибирской. Успешное начало им положено работой И. Н. Медведской по эволюции бронзовых наконечников стрел (1972).

Система датировки Г. А. Федорова-Давыдова, разработанная на памятниках поздних кочевников, сопровождаемая строгим статистическо-математическим аппаратом, увеличивающим ее надежность и научную ценность, в настоящее время является наиболее совершенной; ее начали применять и при изучении более ранних памятников (Скрипкин, 1973). Этот успешный опыт свидетельствует о принципиальной возможности широкого использования рассматриваемой системы. И следовало бы попробовать распространить ее применение на среднеазиатские памятники ранних кочевников.

Многие раскопанные курганы в силу малочисленности датирующих находок в них или же неразработанности местных хронологических классификаций не могут быть в настоящее время достаточно точно датированы приемами абсолютной хронологии. В таких случаях следует прибегнуть к относительной датировке, основываясь на отдельных характерных признаках обряда, устройства погребального сооружения, а также инвентаря. К примеру, в ранних работах А. Н. Бернштама (1941) основанием для отнесения могил к числу усуньских памятников служили расположение курганов цепочкой, наличие каменного кольца на пасыпи, находки круглодонной посуды, железных изделий и др. Изучая памятники кенкольской культуры, катакомбно-подбойные захоронения, А. Н. Бернштам (1951) наметил развернутый перечень таких признаков, уточненных позднее С. С. Сорокиным (1956а). Оценивая этот прием с современных позиций, можно заключить, что указанные исследователи, по сути дела, оперировали уже понятием «археологическая культура» и определяли хронологию отдельных курганов и могильников путем их сравнения с перечнем признаков, характерных для эталонных памятников усуньского или кенкольского круга. В настоящее время археологи все шире пользуются понятием «археологическая культура», под которым обычно понимают совокупность археологических памятников, сходных по ряду

устойчиво повторяющихся признаков (Сорокин, 1966). Учитывая все это, представляется перспективным путь уточнения признаков, характеризующих археологическую культуру и ее локальные варианты, и исследования хронологических и территориальных рамок конкретных археологических культур ранних кочевников Средней Азии. Вполне допустимо, что при соответствующем уровне разработки проблемы археологической культуры и ее локальных вариантов наличие в исследованном памятнике какого-нибудь одного или нескольких характерных признаков послужит достаточным основанием для относительной датировки. И тогда останется задача уточнения продолжительности отдельных частей относительной хронологии. Разработка перечисленных методических приемов и комплексное использование их в разном сочетании и с опорой на статистический аппарат, можно надеяться, приведут к выработке надежных оснований в хронологических исследованиях памятников кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А. 1973. Саки азиатские и скифы европейские. (Общее и особенное в культуре). — В кн. Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Бернштам А. Н. 1940. Кенкольский могильник. Л.
- Бернштам А. Н. 1941. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
- Бернштам А. Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.
- Бернштам А. Н. 1950. Опыт классификации археологических находок. — МИА, № 14.
- Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Воеводский М. В., Грязнов М. П. 1938. Усуньский могильник на территории Киргизской ССР. — ВДИ, № 3.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХАЭЭ, т. VIII.
- Вишневская О. А., Итина М. А. 1971. Ранние саки Приаралья. — МИА, № 177.
- Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Мандельштам А. М. 1966. Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 136.
- Медведская И. П. 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых пакопечников степей Средней Азии и Казахстана. — СА, № 3.
- Скрипкин А. С. 1973. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дисс. М.
- Сорокин С. С. 1956а. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСИИМК, в. 64.
- Сорокин С. С. 1956б. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. — СА, № 26.
- Сорокин В. С. 1966. Андроновская культура. Памятники западных районов. — САИ, ВЗ-2, в. 1.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. — СА, № 3.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

С. С. Сорокин

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМУЛАХ И ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «МОГИЛЬНИК»

Исследователи эпохи поздней бронзы и раннего железа лесостепной зоны Азии для обозначения абсолютного возраста групп курганов пользуются цифровыми формулами, устойчивыми словосочетаниями и комбинациями того и другого. Как правило, несмотря на свою кажущуюся определенность, они не несут однозначной информации и поэтому могут оцениваться автором и читателем по-разному.

Устойчивые словосочетания разнообразны. Часть из них, — например, такие, как «скифское время», «пазырыкское время», «майэмирский этап», «гунно-сарматское время» и другие аналогичного типа, — дает лишь самое общее представление о времени, к которому относится тот или иной памятник. Ранней границей «скифского времени» можно считать V в. до н. э. (события скифской жизни, связанные с пребыванием скифов на Переднем Востоке), и конец VII в. до н. э. (время появления первых богатых скифских курганов в Северном Причерноморье). Широко используемое устойчивое словосочетание «эпоха Хань» археологи употребляют в качестве эквивалента хронологического отрезка «II в. до н. э. — II в. н. э.», тогда как для точности следовало бы писать «конец III в. до н. э. — начало III в. н. э.» (но в этом случае зрительное восприятие римской цифры III как бы удлиняет промежуток времени, обозначенный формулой, сближает ее с теми формулами, в которых цифра III используется для обозначения III в. целиком).

Цифровая хронологическая шкала имеет деление в один век, что не всегда достаточно. Весьма обманчивым может оказаться обозначение, скажем, «конец VII в. до н. э.». Это очень ответственная датировка, в особенности в том случае, когда она относится к какому-либо богатому и эффектному памятнику ранних кочевников Азии. Изменение точности даты всего на пять лет уже позволяет применять формулу «последняя четверть VII в. до н. э.» или «в пределах последней четверти VII в. до н. э.».

Не менее ответственно определение «рубеж таких-то веков». В буквальном смысле оно фиксирует дату с точностью до года, однако такая точность датировки археологических памятников практически невозможна, следовательно, формула требует обязательного словесного разъяснения.

Таким образом, использование разумно подобранных словесных добавлений к цифровым хронологическим формулам создает условия, при которых содержащаяся в них информация может восприниматься строго однозначно. Однако смысл этих добавлений всегда должен быть точно согласован с конкретным памятником, с конкретными условиями и поставленными задачами, ибо совершенно идентичные хронологические обозначения могут приобретать весьма различный смысл в зависимости, например, от того, отнесены они к одиночному кургану или к большому могильнику. Поясним это на примерах погребальных комплексов.

Допустим, что хронологическая формула определяет дату могильника: «могильник такой-то относится к V—III вв. до н. э.». Если в этом могильнике много курганов, то данная формула приобретает смысл обозначения времени, в течение которого функционировал могильник. Но если этот могильник состоит всего из двух курганов, то наша формула скорее определяет лишь тот промежуток времени, в любой момент которого могли быть сооружены эти курганы. Значит, смысл хронологической формулы зависит, в частности, от того, каким конкретным содержанием наполняется термин «могильник», и, следовательно, этот термин должен точно отражать реальность, к которой он относится. Однако на практике термин «могильник» одинаково используется для обозначения весьма различных скоплений курганов.

Об одиноко стоящем кургане, как правило, не говорят как о могильнике. Но, например, два кургана, расположенных к югу от оз. Яшилкуль (Восточный Памир), получили название «могильник Яшилкуль II» (Литвинский, 1972, с. 27).

Далее, могильник Тасмола I состоит из 36 разновременных сооружений: оградки эпохи бронзы, разбросанные бессистемно, земляные курганы, образующие цепочку (один из них «с усами»), и современные

казахские могилы. Этот могильник растянулся на 380 м; причем соседние курганы в некоторых случаях находятся в 50—60 м один от другого. А в 70 м к северо-востоку от самого восточного кургана — Тасмола I расположены еще два — могильник Тасмола II. Тасмола III — цепочка из пяти курганов и еще два кургана, лежащих тоже в 70 м от нее, один — к северо-востоку, другой — к западу, но не причисленных к этому памятнику. Территориальное несоответствие характерно для двух других групп курганов, составляющих могильники Тасмола V и VI. Тасмола V — компактная пятикурганная цепочка и еще одна насыпь в 300 м к северо-западу от нее. Также в 300 м, но к северо-востоку от этого кургана находятся еще три кургана, которые, однако, выделены в самостоятельный могильник — Тасмола VI; здесь промежуток в 300 м оказался критическим, тогда как в первом случае он игнорировался. Могильник Ботакара состоит, как и Тасмола VI, из трех курганов, по расстояние между ними достигает 400 м.

Курганы могильника Карамурун условно разбиты на две группы — Карамурун I и II, отстоящие одна от другой на 500 м. Но Карамурун I делится еще на две группы: курганы с каменными насыпями и курганы с каменно-земляными насыпями, окруженные кольцами по основанию. Большинство курганов Карамуруна занимает площадь 300×120 м, а курган 1 находится в 400 м к юго-западу от кургана 5. Могильник Нурмапбет II «насчитывает 16 разновременных курганов, тянувшихся километровой полосой по левому берегу реки Шидерты ... курганы разбросаны группами по 2—3 и находятся на значительном расстоянии друг от друга» (Маргулан и др., 1966, с. 341—356). Три совершенно самостоятельные группы курганов, одна из которых относится к эпохе бронзы (X—VIII вв. до н. э.), другая — к усуньскому времени (I—III вв. н. э.), третья — к тюркскому (VII—IX вв. н. э.), механически объединены в один могильник — Кызыл-Кайнар. Часть этих курганов образует цепочку, другие рассыпаны бессистемно (Максимова, 1972, с. 123).

Наконец, ставший хрестоматийным памятником тюркского времени могильник Кудыргэ также объединяет три разновременных комплекса курганов, самый молодой из которых, относящийся к XIII—XIV вв. н. э., оторван от хронологически среднего на 500 лет (Гаврилова, 1965, с. 13).

Из всех приведенных выше примеров видно, что термин «могильник» применяется для обозначения групп курганов, сильно различающихся одна от другой количеством, расположением на местности, внешним видом, культурной принадлежностью и временем. Могильником могут быть названы два-три кургана, находящихся близко друг от друга или даже на значительном расстоянии один от другого, и скопления десятков или сотен курганов. Причем в этих скоплениях могут оказаться курганы разных эпох и разных типов и расположены они могут быть по-разному. Площадь, на которой располагаются объединяемые в могильник курганы или какие-либо иные наземные погребальные устройства, может быть неодинаковой: от нескольких десятков квадратных метров до нескольких гектаров. Иными словами, термин «могильник» весьма неоднозначен. Тем не менее широко распространена практика использования однотипных хронологических формул и их однотипного толкования применительно к скоплениям курганов, качественно различным, что при определенных условиях может оказаться причиной серьезных неясностей или даже ошибок.

Если могильником названа небольшая группа однокультурных курганов, расположенных тесно, то обычная хронологическая формула, определяющая дату с точностью до двух-трех веков, по своему характеру альтернативна, а по смыслу совпадает с приблизительной датой одиночного кургана. В этом случае мы в зависимости от концепции вправе

выбирать любой момент этой даты, если хотим поместить данный памятник в систему других. Но если в небольшой группе курганы рассредоточены, а по содержащемуся в них материалу нельзя определить, какой из них старше, а какой моложе, дата, определенная с точностью в два-три века, с одной стороны, сохраняет такое же значение, как приближительная дата одного кургана, с другой — может приобрести смысл обозначения времени, протекшего от момента совершения первого захоронения до последнего.

В тех случаях, когда имеется группа однокультурных курганов, расположенных цепочкой или так, что возможно использовать данные «горизонтальной стратиграфии» для определения последовательности захоронений во времени, а также получить какие-то сведения о прерывности или непрерывности комплекса, хронологические формулы наполняются специфическим содержанием.

В 1965—1966 гг. на левом притоке Аргута — р. Коксу (Южный Алтай) был исследован могильник, в котором около 40 курганов с одиночными захоронениями взрослых располагались меридиональной цепочкой (Сорокин, 1969, с. 77; 1974, с. 62—91). Характер вещевого материала свидетельствовал об относительной одновременности захоронений в пределах конца VI — начала IV в. до н. э. Если эту дату могильника трактовать как время его функционирования и принять условие непрерывности, то нетрудно подсчитать численность одновременно живших

в данной группе по формуле $T = \frac{K \times \Pi}{L}$, где T — продолжительность функционирования могильника в годах (для нашего случая максимум полтора века); K — общее количество погребенных (40); Π — средняя продолжительность жизни (принята за 40 лет); L — число людей, живших одновременно (?). Тогда $L = \frac{K \times \Pi}{T} = \frac{40 \times 40}{150} \approx 11$ человек. Такое количество взрослых в жизнеспособной группе невелико, но вероятно. Если же предположить, что могильник оставлен группой в 20 взрослых, тогда время функционирования могильника сократится до 80 лет.

Наличие в могильнике Коксу I цепочек «второго порядка» и в каждой из них по одному погребению, которые, судя по инвентарю, могут оказаться практически почти синхронными друг другу, дает возможность предположить, что время функционирования могильника еще короче, чем 80 лет, и что он оставлен группой, зашедшей на берега Коксу, а не обитавшей там постоянно. Создается положение, при котором от трактовки смысла цифровой хронологической формулы оказываются зависящими весьма ответственные выводы.

Рассмотрим это подробнее на примере, когда исследование археологических памятников большого географического района проводилось последовательно на всех уровнях — от первичной обработки полевого материала до использования археологических источников наравне с историческими.

На Восточном Памире трудами А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского более чем в 50 пунктах зарегистрировано около 500 курганов, относящихся к культуре ранних кочевников. Из них раскопано более половины, и полученные при этом данные вполне могут характеризовать весь комплекс. Широта и тщательность археологических исследований Восточного Памира позволяют считать, что на археологическую карту нанесена весьма значительная часть курганов эпохи поздней бронзы и раннего железа, а значительный процент раскопанных памятников дает материал, позволяющий судить о большинстве их. С той или иной точностью определен обозначенный цифровой хронологической формулой возраст каждой отдельной группы (все они названы могильниками, хотя

значительно разнятся как количеством, так и характером размещения захоронений на местности). Общие результаты этих определений могут быть сведены в хронологическую таблицу (Литвинский, 1972, с. 29).

Судя по приведенным данным, древнейший комплекс (группа Кызыл-Рават, состоящая из 13 курганов) отнесен к X—VIII или даже X—VII вв. до н. э., а самые молодые («немногочисленные курганы») — ко II—I вв. до н. э. Остальные памятники распределены так, что образуют непрерывную хронологическую цепочку, в которой звенья с X по VII в. как бы находят одно на другое, на рубеже VI и V вв. лишь соприкасаются, с V по III в. опять наплывают, а на рубеже III и II вв. опять лишь соприкасаются.

Даты (вв. до н.э.) по Б. А. Литвинскому	Памятники
X—VIII (VII?) VIII—VII По-видимому, VII	Кызыл-Рават Курган 1 могильника Жарты-Гумбез IV. Могильник Айдынкуль 1, могильник Яшилькуль II, курган 4 и некоторые другие из могильника Можурташ II
VII—VI Скорее всего VI	Большая группа курганных комплексов Курган 1 могильника Шаймак и могильник Капты-Муш, курган 10 могильника Па- мирский I, курганы 7 и 9А могильника Тегермансу I и курган 9 могильника Тегермансу II
V—III	Основная масса восточнопамирских за- хоронений; наиболее ранние из них: курганы 1 и 5 могильника Харгуш II, курган 1 могильника Андемин I и кур- ган 3 могильника Акбеит
IV—III	Курган 2 могильника Шаймак и курган 3 могильника Аличур II
II—I	Немногочисленные курганы

Если воспринимать все использованные в данном случае хронологи-ческие формулы как обозначение отрезков времени, в течение которых могильники формировались, то получается картина непрерывной засе-ленности района. Продолжительность всего периода будет охватывать I тыс. до н. э. целиком, и нужно будет признать, что в течение этих десяти столетий Восточный Памир, занимающий площадь около 30 тыс. кв. км, был постоянно заселен и что за этот период времени там жило и соответственно умерло, судя по зарегистрированному количеству курганов с одиночными захоронениями и кенотафов, не менее 500 чело-век. Внеся допустимую поправку в сторону увеличения этой цифры в два или даже в четыре раза и применив использованную выше формулу, получим, что при средней продолжительности жизни в 40 лет на Восточном Памире в I тыс. до н. э. одновременно жило 20, 40 или 80 человек, т. е. по одному взрослому на 1500, 750 или 375 кв. км.

Если же признать, что использованные хронологические формулы определяют вероятностные отрезки времени функционирования могиль-ников, то картина археологической истории Восточного Памира будет совершенно иной.

Прежде всего общая продолжительность периода, к которому отно-сятся восточнопамирские могильники, может быть сокращена с 1000 до 700 или даже до 600 лет, если вслед за автором допустить, что все захоронения Кызыл-Равата датируются VII в. до н. э., а самые молодые погребения сакского типа на Восточном Памире были совершены во II в.

до н. э. Более того, между VI—V вв. до н. э. и III—II вв. до н. э. могут оказаться разрывы в один или даже в два века, когда в этом высокогорном районе никого не хоронили.

Из всего сказанного выше следует, что, используя неоднозначную информацию, которую несут в себе цифровые хронологические формулы, мы приобретаем возможность на основании одного и того же исходного материала получать существенно отличающиеся количественные данные, которые в свою очередь могут служить основанием для весьма различных по своему существу обобщений. Возвращаясь к нашему примеру, можно сделать заключение, что численность населения Восточного Памира в течение I тыс. до н. э. сильно варьировала и что в какие-то промежутки времени он оказался практически необитаемым. Вероятно, какие-то группы задерживались на этой территории надолго, а другие заходили туда лишь эпизодически.

Вообще же если на Восточном Памире в течение 1000 лет жило и было похоронено 500 или даже 2000 взрослых, то невольно встает вопрос: правомерно ли по отношению к древнему населению этого обширного района употреблять такие словосочетания, как, например, «памирско-сакские племена» или аналогичные, такой же исторической масштабности.

Реконструкция истории Восточного Памира I тыс. до н. э. по археологическим данным оказывается в сильнейшей степени зависимой от того, какой смысл вкладывается в цифровые хронологические формулы, и от приложения одинаковых формул к качественно различным памятникам.

Из всего вышесказанного ясно, что уточнение смысла терминологических и хронологических обозначений и их унификация безусловно необходимы, но пока, видимо, следует довольствоваться возможностью пользоваться применительно к конкретному случаю однозначными подробными описательными характеристиками как терминов, так и хронологических формул.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26.
- Гаврилова А. А. 1965. Могильный Кудыргэ па Алтае как источник к истории алтайских племен. М.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48.
- Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Максимова А. Г. 1972. Курганный могильный в урочище Кызыл-Кайнар. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Маргулап А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Руденко С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л.
- Сорокин С. С. 1969. Материалы к археологии Горного Алтая. — В кн.: Уч. зап. Горно-Алтайск. научн.-иссл. ин-та ист. яз. и лит. В. 8. Барнаул.
- Сорокин С. С. 1974. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Коксу (Южный Алтай). — АСГЭ, в. 16.

О СЦЕНАХ ТЕРЗАНИЙ И БОРЬБЫ ЗВЕРЕЙ В ПАМЯТНИКАХ СКИФО-СИБИРСКОГО ИСКУССТВА

Семантика древнего искусства степей Евразии, скифо-сибирского звериного стиля давно привлекает внимание ученых. Это искусство обычно связывают с магическими верованиями и исходя из этого объясняют его смысл и роль в общественной жизни кочевников (Граков, 1971, с. 99—100; Смирнов, 1972; Хазанов и Шкурко, 1972; Яценко, 1971; Артамонов, 1973, с. 235). Иногда это искусство связывают с тотемическими верованиями, астральными культами, считают, что изображались те или иные животные, посвященные божествам скифов, или разные ипостаси ирано-индийских древних божеств. Справедливо утверждают также, что наряду с религиозно-магическими функциями это искусство играло и социальную роль, будучи связанным с выделением верхушки общества. Сцены борьбы животных и терзаний хищниками травоядных широко распространены в скифо-сибирском искусстве и неоднократно привлекали внимание ученых. Не раз указывались аналогии этим сюжетам в иранском, передневносточном и греческом искусстве. Бесспорно, что эти сцены в какой-то степени были заимствованы или сложились в скифо-сибирском искусстве под влиянием искусства других областей древнего мира, с которыми кочевники-иранцы Евразии вступали в контакт. Но последнее не исключает того, что скифские мастера вкладывали в них свое содержание.

Для объяснения рассматриваемых мотивов в скифо-сибирском искусстве привлекались различные гипотезы. Некоторые ученые предполагали, что сцены борьбы и терзаний зверей являются иллюстрацией или отражением общеиранской дуалистической концепции о борьбе зла и добра (Кузьмина, 1972). Однако остается неясным, почему добро всегда страдает от зла, если добро изображено в виде травоядного? Трудно допустить, что добро символизируется в образе хищника. Скотоводы не могли в сцену терзания козла или барана орлом-грифом, тигром или львом вложить содержание борьбы добра и зла и тем более конечной победы добра. Здесь явное торжество зла, если понимать сцены в прямом их значении.

Пережитки тотемизма бесспорно имеются в скифо-сибирском искусстве. Но изображение того или иного животного не было изображением тотема. Так как каждому роду свойствен свой тотем, то существовало бы множество изображений разных животных, однако у скифов и сарматов их не очень много. К тому же если допустить, что изображения животных — тотемы, то получится, что один и тот же тотем представлен у соседних племен, а, с другой стороны, в набор украшений одного человека войдут изображения самых разных тотемов. Трудно поэтому согласиться с тезисом о том, что борьба и терзания животных отражают борьбу родов (как бы борьбу их тотемов) или военно-политических союзов (Грач, 1972). При этом допущении получается, что одни родо-племенные объединения и их тотемы или эмблемы всегда оказываются побежденными, другие — всегда победителями. Если олень — тотемный предок всех скифоидных народов (Абасов, 1949), то непонятно, почему он постоянно выступает в качестве страдающей стороны в сценах терзаний. Уже одно это соображение заставляет предположить, что в сценах терзаний имелся какой-то иной внутренний смысл, чем просто показ страданий и гибели оленя.

Существует мнение, что сцены терзаний и борьбы зверей являются мифологическим отражением социальных процессов, характеризующих

общество в эпоху разложения первобытнообщинного строя и рождения классовой структуры. Исследователи видят в этих сценах утверждение жестокости и права сильного, прославление победы в борьбе (Грач, 1972). Жестокость, кровожадность сцен терзаний при такой трактовке связывается с суровым характером эпохи, когда грабеж и войны стали обычным явлением, повседневным занятием аристократии, которую в первую очередь начиная с какого-то определенного момента обслуживало это искусство.

Отдельным изображениям и сценам борьбы животных придавали одновременно с магическим и геральдический смысл — они служили эмблемами той или иной аристократической семьи, рода, династии, гербами или эмблемами того или иного вождя (Гольмстед, 1946). Это противоречит хорошо прослеженному факту сходства и сюжетов, и иконографии, и в некоторой степени видов изображаемых животных на весьма широкой территории. Действительно, если тому или иному животному или паре животных придавался геральдический смысл, то трудно объяснить, как в могилах разных вождей оказываются одни и те же по сюжету и подбору изображения животных.

При толковании скифо-сибирского искусства очень убедительным кажется тезис о значении этого искусства как социального индикатора, выделяющего определенный круг лиц из массы рядовых людей. Но в этой роли искусство выступает всегда, когда есть имущественная, классовая дифференциация в обществе. Потому данный тезис мало что дает для понимания внутреннего смысла изображений животных и сцен терзаний или борьбы их, тем более что со временем искусство скифо-сибирского стиля превращалось во все более и более декоративное. Главной в нем становится функция украшения вещи, принадлежащей знатному лицу. Другие функции — религиозно-магические — отступают на задний план перед орнаментализмом и декоративностью.

Рассматривая ранние памятники скифо-сибирского искусства, мы замечаем, что в них широко представлены одиночные фигуры зверей. М. И. Артамонов, выводящий скифо-сибирский звериный стиль из искусства стран Древнего Востока, признает, что скифы и другие «скифоидные» ираноязычные народы заимствовали оттуда только одиночные фигуры животных, но остались совершенно чуждыми той изобразительности, которая создавала сцены-жертвоприношения, поклонения богу и т. п. (1973). Только позднее, примерно с V в. до н. э., появляются сцены с участием пары животных, редко трех или четырех. Первоначально скифо-сибирский стиль не был приспособлен для изобразительного повествования.

Памятникам греческого искусства, предназначавшимся для скифов, свойствен повествовательный характер. В собственно скифском искусстве классической его поры, так же как в искусстве кочевников Евразии, вплоть до Байкала, такой прием отсутствует.

Нам представляется, что в парных сценах на изделиях скифо-сибирского звериного стиля мы имеем дело не с иллюстрацией мифа, не с рассказом о каком-либо событии и не с фольклорным, мифическим, эпическим и т. п. сюжетом, а с другим отношением к изображаемому, вероятно, мало отличающимся от того, что древние кочевники вкладывали в одиночные изображения животных.

Появление в V в. до н. э. композиций с участием двух, реже трех зверей не было, по-видимому, введением в скифо-сибирское искусство элемента изобразительной повествовательности или простым воспроизведением наблюдаемых в природе сцен.

И. В. Яценко справедливо пишет, что, когда от скифского искусства социальные запросы потребовали именно изобразительной повествова-

тельности и иллюстративности, оно оказалось не приспособленным для этого и греческое искусство лучше удовлетворило данные запросы (1971). В этом отношении весьма интересны некоторые поясные бляхи из сибирской коллекции и ордосских комплексов, которые мы склонны датировать временем не ранее конца IV—III в. до н. э. На них мы видим изображенные линии земли, ландшафта, элементов разных пространственных планов, рамки, отключающей всю сцену от внешнего мира. Все эти элементы говорят именно о приспособлении позднего сибирского искусства звериного стиля к задачам изобразительного повествования. На писаницах (например, Боярской писанице на Енисее), где имел место изобразительный рассказ, повествование на бытовую или мифическую тему, так же как на поясных пластинах с сюжетным изображением («отдых в лесу», «охота на кабана»), черты собственно скифо-сибирского звериного стиля незначительны. Видимо, до конца IV—III в. до н. э. главной задачей скифо-сибирского искусства звериного стиля было создание обобщенного образа животного, тесно связанного (изобразительно и, вероятно, в сознании древних кочевников) с утилитарным назначением предмета.

Почти все исследователи скифо-сибирского звериного стиля согласны, что, изображая животное, древние мастера вкладывали в это изображение магический смысл привлечения на пользу человеку различных способностей животного, его силы, смелости, быстроты, ловкости и т. п. Многие авторы согласны с тем, что, дополняя изображение одного животного деталями другого, мастера стремились усилить эти способности. Многие согласны с тезисом, что изображение на животе, бедрах, лапах или хвосте одного животного фигур других зверей преследовало те же цели. В таком случае можно заключить, что грифон или хищник, помещенный не на бедре или на животе оленя или козла, а на его спине, с вонзившимися в тело травоядного клювом, клыками или когтями, выполняет тоже роль усилителя основного образа. Сцена терзания, возможно, была не столько собственно терзанием, сколько проникновением одного звериного существа в другое. Такой же смысл, вероятно, вкладывали и в сцены борьбы зверей.

Существует мнение, что фантастические существа и композиции, комбинированные из деталей животных, изображали древние иранские боже-ства, для которых характерна была множественность ипостасей (Кузьмина, 1972). Этот тезис трудно аргументировать, но нелегко и опровергнуть. Нам представляется более убедительной именно магическая функция изображения, при которой та или иная деталь на предмете становилась как бы полезной его частью, помогая работать орудием, сражаться оружием, пользоваться пряжкой и т. п. Это согласуется и с бесспорно имевшей место в скифо-сибирском искусстве парциальной магией (часть заменяет целое), и с той характерной художественной особенностью этого искусства, когда животное так гармонично вписывается в очертания предмета, что создается как бы единый предмет-животное. Но даже если указанное предположение и справедливо, оно тоже исходит из бесспорной художественной особенности скифо-сибирского звериного стиля — его «зооморфных превращений» и стремления создать синтетические, комбинированные, сложные образы.

Хорошо известна вера многих народов в то, что именно через рот, через поедание происходит переселение духа одного существа в другое. Достаточно заметить, что у древних иранцев поедание тела или части тела человека его потомками или тотемными животными оспачало переселение духа. В таком случае для изображения идеи взаимопроникновения и слияния двух враждебных существ вполне уместным оказывался мотив терзания, поедания, кусания и т. п.

Изложенное всегда будет только предположением, как и всякая другая гипотеза, пытающаяся истолковать то, что вкладывали древние степ-

ные художники в сцены терзаний и борьбы зверей. Отсутствуют и вряд ли будут выявлены прямые аргументы, подтверждающие эти гипотезы. Но косвенные соображения в пользу высказанного нами предположения привести можно.

На некоторых памятниках скифо-сибирского звериного стиля наблюдается стремление просто приставить одно животное к другому, не показывая кровожадность хищника, муки травоядной жертвы, т. е. особенности, которые должны были быть в сцене терзания, если бы ей придавался прямой смысл показа драки и гибели животных. В отличие от скифов греки вкладывали в эти сцены именно такое содержание, изображая со свойственным им реализмом муки оленя, жестокость и опьянение хищника кровью.

В скифо-сибирском зверином стиле тоже встречаются изображения терзаний с подчеркнутыми чертами динамизма и жестокости, но часто эти черты отсутствуют. Иногда создается впечатление, что древним мастерам нужно было подчеркнуть именно слияние различных существ в одно. Хищники просто приставлены пастями к телу оленя, лося или другой жертвы, причем в ряде случаев жертва крупнее хищников и никаких признаков боли не обнаруживает. Она — явно главный персонаж сцены, а хищники лишь дополняют ее. Таков рисунок на золотой пластине из Куль-Обы. Благодаря дополнительным фигурам животных на теле оленя создается синтетический образ, усиленный свойствами грифона, зайца и льва. Собака, впившаяся в горло оленя, с нашей точки зрения, это такая же добавочная фигура, но только вынесенная за контур изображения оленя. Олень ни в коей мере не показан страдающим, терзаемым существом. Он — главный член композиции, посетитель основной семантической нагрузки (видимо, магической), остальные звери — лишь дополнительные существа в особом процессе «зооморфных превращений».

Б. Н. Граков отмечал, что в Скифии сцены терзаний и преследований отличаются слабой динамикой, схематичны и мало жизненны (1971). Интересна в этом отношении и роговая пластина из Пятимары (Смирнов, 1964, с. 240, рис. 33). Здесь изображена сцена терзания двумя медведями горного козла. Но козел так велик, а хищники так малы и, кроме того, так механически приставлены своими пастями к округлой морде и колену козла, что терзание превращается просто в соединение разных животных на одном предмете. То же можно сказать про деревянную пластину из Котадинского кургана со сценой нападения тигра на оленя. Если рассмотреть золотую бляху из сибирской коллекции Петра I с изображением нападения тигра на фантастическое существо с огромными розетковидными рогами, то у нас останется то же впечатление, хотя здесь более подчеркнут сам факт нападения: тигр кусает грудь фантастического животного, но последнее к этому относится совершенно спокойно. Сцена терзания в усеченном варианте (голова грифона держит в клюве голову барана) помещена на бедрах фантастического животного с рогами, а перед его туловищем занят изображением части грифона с крыльями. Фигуры на теле основного животного расположены так же компактно и так же вписываются в его контуры, как вписываются фигуры зверей на памятниках скифо-сибирского стиля в контуры предмета. Искусство этого стиля свидетельствует об умении древних мастеров связать предмет с помещенным на нем изображением, об их настойчивом стремлении к объединению предмета и животного, паделенного, видимо, магической функцией. Мы наблюдаем у них стремление зрительно связать изображения дополнительных животных с основной фигурой, создать единое синтетическое существо. Нарисованный на котадинской пластине нападающий тигр смотрится лишь как один из элементов этого сложного конгломерата.

Характерны конские маски из Пазырыкских курганов. Эти предметы связаны с культом, с чем согласно большинство исследователей (Грязнов, 1950, с. 120; Артамонов, 1973, с. 64). Можно предположить, что в некоторых случаях имела в виду своеобразная магическая трансформация коня в иное животное, в частности в оленя. Об этом говорит маска, найденная в Пазырыкском кургане, в виде чехла. При помощи такой маски ушп лошади превращаются в ушп оленя и еще добавляются рога оленя. Но тем самым одновременно лошадь трансформируется в терзаемого тигром оленя. Последнее было бы странным, если видеть в сопоставлении данных животных тот или иной вид терзания, а не предполагать, что древние художники стремились в этих композициях к соединению несовместимых в природе зверей, к созданию синтетического образа.

Как показали наблюдения М. И. Артамонова (1973, с. 226), в тех районах евразийской степени, где были особенно распространены «зооморфные превращения» частей одного животного в детали другого, мало представлены изделия с изображением сцен терзаний, и наоборот. В Сибири и на Алтае были редки и ограничены «зооморфные превращения», но зато распространены композиции со сценами терзаний и борьбы животных. У собственно скифов сравнительно редки композиции борьбы и терзаний, но для них характерны приемы накладки фигур животного или его деталей на те части другого зверя, которые хотели как-то выделить и подчеркнуть (Яценко, 1971, с. 118, 125).

Напрашивается предположение, что одинаковые идеи мастера выражали в разных районах степи по-разному: в одном месте в виде «зооморфных превращений», в другом — в виде мотива терзаний и борьбы зверей. В таком случае и там и здесь одной из основных задач этого явно единого в своей основе искусства было создание особых синтетических существ, обладающих усиленной магической силой апотропея, или помощника человека. Когда на теле оленя рисовали грифона или хищника, то имели в виду примерно то же синтетическое существо, представления о котором отражены в сценах терзаний. В этом отношении особенно интересно намерение из кургана Слоновской Близницы с изображением героя, борющегося с чудовищем (Граков, 1950, с. 14). Чудовище показано терзающим какое-то другое животное. Сцена терзания была бы несовместима здесь со сценой борьбы, если бы понималась скифами непосредственно и прямо: не мог же фантастический зверь одновременно бороться с героем и терзать другого зверя. Человеку здесь противостоит одно как бы двутелое фантастическое существо. То же можно сказать по поводу круглой бляхи из кургана V—начала IV в. до н. э., раскопанного в Белгородской области (Пузикова, 1966, рис. 29, 4). Здесь терзание — фактически лишь прием совмещения различных звериных существ. Мотив борьбы и терзаний зверей пришелся по вкусу кочевникам евразийских степей, быть может, именно потому, что в нем они увидели мотив слияния и объединения несовместимых в природе частей, возможность создания особых, синтетических существ, в которых, например, мощный хищник сливался бы с быстроногим оленем и т. п.

Какого-либо показа напряжения борьбы и жестокости терзания лишена резьба знаменитого Башадарского саркофага. В ней мы видим простое соединение животных: изогнутые тела копытных лишь приставлены, да и то не всегда, к мощной клыкостой пасти львов. Больше в этой резьбе стремления соединить животных, вписать фигуры копытных во все пустоты фона, оставляемые крупными фигурами хищников, создать как бы сплошной ковровый узор из звериных тел.

В пользу высказанных выше предположений говорит и то, что в ряде районов, особенно в Сибири, терзанию стали придавать вид поедания, делался акцент именно на проникновение одного животного в другое че-

рез рот, пасть (например, зеркало из с. Николаевского на р. Чулыме, фигурка тигра, пожирающего грифа, с горы Изых, фигурка львенка с головой барана в зубах из Красноярского края и т. п.) (Левашева, 1971, с. 278, 279, рис. 400, 401, 404).

В скифо-сибирском искусстве звериного стиля мотив поедания используется иногда для обозначения того места, где одна деталь вещи соединяется с другой. Примером может быть бронзовая пластина из Семибратнего кургана 4 (Артамонов, 1966, табл. 126).

На ней мы видим изображение льва в профиль. В спину ему впился другой хищник, у которого показана анфас сверху только передняя часть тела. Она помещена как раз на детали пряжки, служившей для прикрепления к ремню. Художник в этом изделии заставляет нас почувствовать, что ремень как бы превращается на своем конце в хищное существо и не просто прикрепляется к пластине, а зубами этого существа вонзается в бляху, которая в свою очередь оказывается львом. Беркаринская пряжка из Казахстана дает другой пример функционального назначения мотива терзания в зверином стиле (Бернштам, 1947).

Таким образом, мотив терзания часто оказывается соединительным узлом в вещи, понимается функционально, как полезная ее деталь. Изображения животных в сценах терзаний и борьбы выполняли особую, полезную, по мнению древних людей, функцию. Они играли роль своего рода оберега, помощника человека в его действиях. При помощи мотива поедания и терзания соединялись, например, детали пряжки или пластины, при помощи мотива терзания объединялись разные животные в одно синтетическое существо. С нашей точки зрения, в этих проявлениях звериного стиля можно усмотреть определенное внутреннее единство.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1949. Осетинский фольклор и язык. Ч. I. М.—Л.
Артамонов М. И. 1966. Сокровища скифских курганов. Прага.
Артамонов М. И. 1973. Сокровища саков. М.
Бернштам А. Н. 1947. Беркаринская пряжка. — КСИИМК, в. XVII.
Граков Б. П. 1950. Скифский Геракл. — КСИИМК, в. XXXIV.
Граков Б. Н. 1971. Скифы. М.
Гольмстед В. В. 1946. По поводу книги Д. Н. Эдингга «Резная скульптура Урала». — КСИИМК, в. XII.
Грач А. Д. 1972. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей. — В кн.: Тез. докл. Третьей всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
Грязнов М. П. 1950. [Рец. на:] С. И. Руденко, Н. М. Руденко. Искусство скифов Алтая. — Вестник ЛГУ, в. 1.
Кузьмина Е. Е. 1972. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев. — В кн.: Тез. докл. Третьей всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
Левашева В. П. 1971. Искусство племен Хакасско-Минусинской котловины. — В кн.: История искусства народов СССР. Т. I. М.
Пузикова А. Н. 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. — КСИИМК, в. 107.
Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. М.
Смирнов К. Ф. 1972. Савромато-сарматский «звериный стиль». — В кн.: Тез. докл. Третьей всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
Хазанов А. М., Шкурко А. И. 1972. Социальные и религиозные основы скифского искусства. — В кн.: Тез. докл. Третьей всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. М.
Яценко И. В. 1971. Искусство скифских племен Северного Причерноморья. — В кн.: История искусства народов СССР. Т. I. М.

II. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Н. Г. Горбунова

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Во время разведочных работ Ферганская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа раскопала несколько курганов в Талмазарском и Урюкзорском могильниках.

Талмазарский могильник обнаружен В. Д. Жуковым в 1940 г. во время проведения археологического надзора на строительстве Южного Ферганского канала (Жуков, 1940, с. 23—26). Тогда были открыты погребения в грунтовых могилах, обложенных по стенкам плоскими гальками, с погребенными, ориентированными головой на юго-запад. Керамика из этих погребений, частично опубликованная В. Д. Жуковым и хранящаяся ныне в Ферганском музее, относится явно к двум хронологическим этапам — VI—III вв. до н. э. и, видимо, к первой половине I тыс. н. э. (может быть, к концу I тыс. до н. э.).

В 1966 г. во время работ в районе Керкидонского водохранилища нам были переданы четыре сосуда, найденные при выемке грунта на южном берегу Южного Ферганского канала недалеко от р. Кувасай. Эти сосуды — кувшин с невысоким узким горлом, покрытый слезающим черным ангобом, небольшой горшок тоже с низким горлом, широкогорлый горшок, украшенный процарапанным орнаментом, и миска с округлым туловом и отогнутым венчиком — близки более поздней керамике, обнаруженной В. Д. Жуковым.

При обследовании адыров Восточноарсифского массива, протянувшихся вдоль южного берега Южного Ферганского канала на участке от р. Кувасай до пересечения канала с дорогой Фергана—Кува, были зафиксированы отдельные небольшие группы курганов, находящихся на плоских увалах адыров. Их оказалось всего около 20 в пяти группах. Раскопана группа из 6 курганов, расположенных в 5 км к востоку от места пересечения дороги Фергана—Кува с Южным Ферганским каналом. Курганы диаметром 6—9 м вытянуты цепочкой длиной 100 м в направлении с северо-востока на юго-запад. На поверхности они отмечены плоскими возвышениями из мелких камней с землей. Почти все погребения потревожены, сохранилось только одно, в кургане 1. Здесь на глубине 20 см под скоплением крупных камней открыта грунтовая могила размером 170 × 90 × 70 см, вытянутая с запада на восток. Скелет взрослого лежал на спине, головой на запад, руки расположены вдоль туловища. Между ребрами и левой рукой — крупная бусина и железный стерженек (булавка?), слева возле нижней челюсти — мелкие бусинки, около височных костей — провололочные серьги-колючки. Справа возле плеча, на 20 см выше дна, — крестец барана и обломки железного пожа. На дне могилы примерно на уровне

поясницы — глиняный лепной кувшинчик, покрытый светлой обмазкой (рис. 3, 3). В остальных курганах в таких же могилах найдены разрозненные человеческие кости, в кургане 2 — еще две лепные полусферические чаши (рис. 3, 1, 5) и железный узкий нож, а в кургане 3 — обломок лепной чаши.

Тип погребения и инвентарь не оставляют сомнений в том, что это еще один могильник, аналогичный Кунгайскому, Актамскому и Суфанскому (Горбунова, 1962), датированным VI—III вв. до н. э. Из-за малочисленности инвентаря пока нельзя с уверенностью говорить, к какому из них ближе погребения Талмазарского могильника, где лепная расписная чаша и станковые светлые миски были найдены В. Д. Жуковым в подобных погребениях. В то же время основная масса керамики из числа обнаруженной В. Д. Жуковым относится к другому периоду, хотя и встречена в могилах, похожих по описанию на наши. Возможно, что в оставшихся нераскопанными курганах можно было бы обнаружить и керамику с красным ангобом.

Урюкзорский могильник находится в 10 км левее дороги Фергана—Ляган. 63 кургана расположены четырьмя группами (I—IV) на отдельных увалах. По внешнему виду разделяются на три типа: курганы с земляной насыпью диаметром 2—18 м, высотой 1—1.5 м (29 курганов в I—III группах); с каменной насыпью диаметром 5—10 м, высотой 50 см (22 кургана в I, III и IV группах); с совсем небольшим плоским каменным возвышением диаметром 2—5 м (12 курганов в I группе). Раскопано 13 курганов всех трех типов, но большинство третьего (9 курганов). В трех из них (I₂, I₂^a и I₃^a) обнаружены грунтовые могилы, границы которых прослеживались с трудом. Погребенные лежали на спине, головой на юго-запад, юг и запад. В кургане I₂ найдена одна лепная полусферическая чаша, в кургане I₂^a — две (рис. 3, 2, 4). Причем в первом одна из чаш была расписана красной краской по светлому фону. Орнамент на ней — пояс из треугольников вершинами вниз (рис. 3, 2). В двух курганах (I₄ и I₅) скелеты лежали почти сразу же под камнями насыпи. В кургане I₄ — два скелета один под другим. Верхний, взрослый — головой на северо-северо-запад, нижний, тоже взрослый, — головой на запад, с ребенком на правой стороне туловища. В кургане I₅ скелет лежал головой на запад, череп не сохранился, у правой стопы — кувшин с узким горлом и отогнутым венчиком. Верхние две трети сосуда покрыты светло-красным ангобом (рис. 3, 8). В двух курганах среди камней насыпи были найдены разрозненные мелкие кости людей (I₁^a) и обломки лепной керамики (I₇). В остальных двух не было найдено ничего (I₆ и I₈).

Курган IV₁ — единственный из раскопанных, относящийся ко второму типу. Здесь под насыпью диаметром 12 м, высотой 20 см вскрыта грунтовая могила без инвентаря, в которой находился скелет взрослого головой на юго-запад.

Курганов третьего типа раскопано три. В кургане I₁ под насыпью диаметром 8 м, высотой 40 см на дневной поверхности обнаружена небольшая каменная кладка, под которой находился дромос, вытянутый с юго-запада на северо-восток, размером 200 × 120 × 100 см, заполненный камнями с землей. Северо-восточный его конец плавно, с небольшим понижением переходит в катакомбу размером 180 × 80 × 100 см, расположенную под углом к нему. На полу — скелет взрослого головой на юго-восток. Слева около плеча лежали лопатка и нога барана. Слева около глаза — глиняный станковый кувшин с низким узким горлом и отогнутым венчиком (рис. 3, 7). Дно сосуда как будто примазано отдельно — создается впечатление, что тулово его как бы вставлено в дно. Низ выровнен ножом. В тесте примесь мелких камешков и шамота. Светло-красный ангоб покрывает снаружи весь сосуд. Справа пояса, между грудной клеткой и тазом, —

железная пряжка полуовальной формы, напоминающей сердцевидную с неподвижным шпеньком и плоским одинарным щитком. Концы рамки пряжки около щитка почти соединяются (рис. 4, 21). В кургане I₃, расположенном рядом с I₂, под точно такой же насыпью не было найдено ничего.

Наиболее интересным оказался курган II₁. Под насыпью диаметром 10 м, высотой 50 см на уровне дневной поверхности, почти в центре, на площади 200×150 см расположен слой крупных камней. Под ними — дромос, вытянутый с юго-юго-востока на северо-северо-запад, размером 200×150×150 (северо-запад) — 130 (юго-восток) см. В юго-юго-восточном конце почти перпендикулярно расположена яма с подбоем в южной и восточной стенках — как бы незавершенная катакомба размером 200×150×180 см. И яма и дромос заполнены крупным булыжником с землей. На глубине 50 см от дневной поверхности в могиле между камнями обнаружен скелет собаки головой на север. Все четыре лапы ее соединены и слегка вытянуты вперед. На дне ямы — скелет взрослого на спине, головой на восток, на подстилке (из кожи?). В 30 см от головы — кувшин, по технике изготовления аналогичный кувшину из кургана I₁, покрытый красным ангобом (рис. 3, 6). Он накрыт миской, тоже красноангобированной, с отогнутым краем и округлыми плечиками. Рядом — небольшой горшок, сделанный так же, как кувшин, с белым ангобом, поверх которого небрежно нанесен светло-красный. У северной стены ямы, около таза, — бараньи кости, рядом с ними — железный крючок. В разрушенных костях черепа, у висков, — маленькие бронзовые колечки и бронзовые полусферические бляшки от головной повязки (рис. 4, 17). В районе височных костей — бронзовые луковидные серьги (рис. 4, 19), состоящие из двух соединенных вместе бляшек и дужки. Под шейными позвонками — бронзовое круглое зеркало с петелькой на обороте, украшенное орнаментом из трех выпуклых концентрических кругов, соединенных между собой лучами (рис. 4, 22). На шее и под головой — бусины из стекловидной массы, стекла и одна каменная, инкрустированная (рис. 4, 8—16). На запястье правой руки — бронзовый браслет с несомкнутыми расширяющимися концами (рис. 4, 20) и браслет из таких же, как на шее, бусин, среди которых одна сердоликовая (рис. 4, 1—7). В заполнении над полом могилы — обломки деревянных жердей диаметром до 5 см — остатки рухнувшего перекрытия (?).

Раскопанные в Урюкзорском могильнике погребения относятся к двум хронологическим периодам. Курганы I₂, I₃^a и, видимо, I₇ — бесспорно к тому же времени, что и выше описанные курганы Талмазарского могильника, т. е. к VI—III вв. до н. э. Можно было бы отнести к этому периоду и все курганы третьего типа, если бы не погребение в кургане I₅, кувшин из которого не может быть датирован тем же временем, что и лепные чаши из других курганов. Никаких признаков вторичного захоронения здесь нет, все данные свидетельствуют, что это погребение единственное. Курган I₅ может быть отнесен к немногочисленной группе погребений в грунтовых могилах первой половины I тыс. н. э., известной по ряду могильников (Козенкова, 1966, с. 222—223; Горбунова, 1970, с. 80—85). Погребение в кургане I₅ еще раз свидетельствует о том, что наряду с распространившимся широко в Фергане обычаем погребения в катакомбах, подбоях или глубоких ямах с вертикальными стенками продолжал существовать старый обряд погребения — в мелких грунтовых могилах, большей частью с западной ориентировкой погребенных.

Для датировки второй хронологической группы погребений особый интерес представляет курган II₁, и в первую очередь найденное в нем бронзовое зеркало с центральной петелькой и рельефным орнаментом на обратной стороне. Такие зеркала отнесены Вернером к типу Cmi Brige-

tio (Werner, 1956, S. 21—22), Хазановым к X типу сарматских бронзовых зеркал (1963, с. 68). Согласно хорошо разработанной хронологии сарматской культуры, эти зеркала появляются в Поволжье с середины III в. н. э. (Скрипкин, 1973, с. 11), а в IV—V вв. известны на большой территории от Северного Кавказа до Западной Европы (Хазанов, 1963, с. 68).

В Средней Азии такие зеркала, но с другими орнаментами обнаружены в ряде могильников. Рассматривавший в целом эти находки Б. А. Литвинский считает, что на территории Средней Азии они могли возникнуть на рубеже новой эры и позже — в I—II вв. (1971, с. 51—55). Пока конкретных данных о таком процессе на территории Средней Азии у нас нет, хотя, разумеется, это вполне вероятно. И нет пока в Средней Азии зеркал с таким орнаментом, как на нашем. Зато аналогичный узор очень хорошо известен в Поволжье и в других районах Восточной Европы (Хазанов, 1963). Если говорить о почти полном тождестве, то мы находим его в зеркалах из погребения VIII—IX вв. Дмитровского могильника салтовской культуры (Плетнева, 1967, рис. 37, 4). На данном этапе наших знаний можно предположить, что появление зеркал в катакомбе II₁ Урюкзорского могильника является скорее результатом связей населения Средней Азии с позднесарматским миром, чем итогом независимого развития здесь подобного же типа зеркал. Признавая это, считаем возможным датировать данное погребение временем не ранее середины III в. н. э., чему не противоречат остальные находки, не имеющие сами по себе определенной узкой даты, но распространенные на широкой территории в первой половине I тыс. н. э. (Литвинский, 1973, с. 54—56). Найденная здесь посуда относится к числу красноангобированной керамики Ферганы, дата которой все еще колеблется в широких пределах II в. до н. э. — IV в. н. э. Но она четко определяет позднюю границу — в данном случае, вероятно, VI в., так как с VII в. облик керамики в Фергане становится иным. Таким образом, наиболее приемлемая для нашего погребения дата находится где-то в пределах III—VI вв.

В кургане I₁ найдена необычная железная пряжка. По форме она напоминает пряжки поясных наборов, широко распространенных во многих районах с VI в. и позднее. Однако те пряжки в основном бронзовые и с подвижным язычком, а не шпеньком. Можно отметить некоторое сходство нашей пряжки с бронзовыми пряжками со шпеньком и щитиком таштыкской культуры (Кызласов, 1960, с. 36, рис. 7, 12). Железные пряжки со шпеньком, но прямоугольной формы и с двойной обоймой известны в могильнике Кокэль в Туве (II—V вв. н. э.) (Дьяконова, 1970, с. 195—209). По такому отдаленному кругу аналогий, конечно, нельзя определить дату погребения, но кувшин, найденный здесь же, подобен кувшину из кургана II₁. Так как пряжка отнюдь не исключает хронологических пределов, предложенных для последнего, то дату обоих курганов, так же как и кургана I₅, можно искать в III—VI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбупова Н. Г. 1962. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — АСГО, № 5.
Горбупова Н. Г. 1970. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. — СА, № 1.
Дьяконова В. П. 1970. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль. — В кн.: Тр. Тувинск. комплекс. археол.-этногр. эксп. Т. III.
Жуков В. Д. 1940. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского капала. — ИУзФАН, № 10.
Козенкова В. И. 1966. Погребальные памятники Ферганы первых веков нашей эры. — СА, № 1.
Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Мипусинской котловины. М.
Литвинский Б. А. 1971. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — МКТ, в. 2.

- Литвинский Б. А. 1973. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.
 Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам. М.
 Скрипкин А. С. 1973. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дисс. М.
 Хазанов А. М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, № 4.
 Wernner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Beiches. Bagerische Akademie der Wissenschaften Philosophische-Historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge, Hf. 38A, München.

Э. Кадыров

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ ФЕРГАНЫ

(По материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.)

Сохский отряд Института археологии АН УзССР в 1973 г. производил раскопки североферганского могильника Гурмирон. Могильник впервые был обследован в 1951 г. А. П. Бернштамом, в 1958 г. Ю. Г. Чугановым, в 1971 г. С. Рахимовым. Результаты этих раскопок лишь частично опубликованы С. С. Сорокиным.

Расположен могильник в северной части Ферганской долины, к юго-западу от Намангана, на территории совхоза «Дустлик», по гребням адыров, и состоит из трех групп курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг. Все курганы с лёссовыми насыпями, за исключением одного, имеющего кольцо из крупных камней. Высота крупных курганов 1.1—1.8 м, диаметр до 15—19 м, большинство курганов имело диаметр 6—10 м при высоте 0.3—0.8 м.

Значительная часть могильника была уничтожена при освоении новых земель весной 1973 г. Летом того же года при посещении Гурмирона мы зафиксировали 32 курганные насыпи, пять из них находились на территории современного кладбища, остальные были нами раскопаны. Среди последних два с грунтовыми ямами, остальные катакомбные. В одной из ям (курган 18) были обнаружены следы деревянных перекрытий, в другой — маленькая подбойная ниша, расположенная вдоль западной стенки, в которую были положены сосуды и кости животных. В курганах 15 и 25 ниши находились в юго-восточной стенке катакомбы.

Катакомбные курганы могильника Гурмирон имеют прямоугольный или квадратный дромос, обычно более крупный сверху. Верхние размеры дромоса колеблются от 0.23×0.18 до 0.32×0.26 м, нижние — от 0.19×1.45 до 2.8×1.85 м; глубина их 1.2—2.3 м. Катакомба, как правило, расположена перпендикулярно к дромосу и ориентирована по длинной оси с востока на запад, входы в камеру завалены камнями. Пол катакомбы ниже пола дромоса. Преобладающее трупоположение — на спине, головой на восток, с вытянутыми вдоль туловища руками. Курганы могильника Гурмирон содержали одиночные или парные захоронения. Основная часть погребенных лежала на подстилке, для некоторых покойников было сделано специальное погребальное ложе из мелких галек. В одном случае голова покойника находилась на галечной подушке (рис. 6).

В погребальном инвентаре могильника ведущее место занимает керамика (рис. 5, 1—3; 6, 1—3, 8, 9, 15; 7). По форме она может быть разделена на следующие группы.

Кувшины с округлым, иногда неправильным туловом, широким плоским дном, относительно узким низким горлом и отогнутым наружу венчиком. Изготовлены они от руки, есть и станковые.

Кувшины с ручками или без ручек, грушевидной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком. Иногда покрыты светлым или красноватым ангобом.

Кувшины с ручками или без ручек, со сравнительно высокой горловиной и отогнутым венчиком.

Горшки с низкой широкой горловинной и плоским дном.

Миниатюрные сосуды разнообразной формы.

Вазообразные сосуды с округлым выпуклым туловом, очень низкой шейкой, отогнутым наружу венчиком — их два. Оба покрыты красным ангобом и украшены «даваньским» орнаментом.

Баночный сосуд с несколько скошенными ко дну стенками. Покрыт красным ангобом и украшен процарапанным орнаментом.

Встречаются сосуды со значками и тремя рожковыми выступами. Из других керамических предметов следует отметить глиняные биконические прясли, покрытые красным или черным ангобом и орнаментированные желобками.

При раскопках курганов обнаружено большое количество деревянных блюд продолговатой формы с четырьмя невысокими ножками и едва заметными бортиками. Найдены также фрагменты плетеных корзин и односторонний деревянный гребешок. Но, к сожалению, деревянные изделия очень плохо сохранились. Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел (рис. 8). Это в основном черешковые трехперные наконечники с сильно опущенными жалъцами. Следует отметить наконечник вытянутых пропорций с опущенными шипами. Есть наконечники, у которых перья у основания образуют прямой угол. У большинства наконечников боевая часть треугольной формы. Почти все наконечники небольшие. Среди железных поделок встречаются ножи с узким вытянутым лезвием и почти прямой спинкой. Железные пряжки имеют вид круглого кольца с подвижным язычком и обоймцей, часто отломанной (рис. 5, 9). Среди украшений довольно много колец (перстней) — железных и бронзовых. Первые могут быть разделены на два типа: маленькие круглые и с небольшим щитком (рис. 5, 8; 6, 10). Среди бронзовых имеются и типы, переходные от колец к перстню, с одной расширенной частью. Из бронзовых изделий должны быть также отмечены колокольчики с прорезью внизу и застежка в виде круглого стержня с закруглениями на концах. Найдено много стеклянных, пастовых и каменных бусин, а также раковины-каури (рис. 5, 7; 6, 6, 14). Из каменных поделок отметим палочки для сурмления с одним рабочим концом, с дырочкой для подвешивания и кусочек графита (рис. 5, 4). В погребальный инвентарь также входили китайские монеты типа «у-шу» (рис. 6, 11).

Курганы с катакомбами Гурмиронского могильника по погребальному устройству и обряду захоронения во многом сходны с аналогичными памятниками Ферганской, Алайской и Таласской долин, Чаткалы и Ташкентского оазиса, которые датируются первыми веками новой эры. Однако есть и некоторая разница — наличие в Гурмироне видимых каменных колец, деревянных перекрытий, галечных лож.

Известно, что каменные кольца характерны для погребальных памятников сакского времени, в усуньский период они встречаются значительно реже, а в памятниках первых веков новой эры совсем редки. По-видимому, их присутствие в Гурмироне может рассматриваться лишь как очень древний пережиток. Поэтому, как правило, основная масса усуньских курганов с кольцами на насыпи является более древней (Акишев, Кушаев, 1963, с. 256).

К раннему времени относятся и мелкие трехперые наконечники стрел. Вопросами классификации и хронологии среднеазиатских железных наконечников стрел занимались С. С. Сорокин (1956), О. В. Обельченко (1962) и Б. А. Литвинский (1965). Все они считают, что возникновение мелких трехперых наконечников с опущенными жальцами относится к очень раннему времени, скорее всего к III—II вв. до н. э. Тем не менее исследователи значительно расходятся в вопросе о времени их исчезновения. О. В. Обельченко отмечает, что эти наконечники существовали в Средней Азии лишь до рубежа новой эры. С. С. Сорокин считает, что они исчезают со II—III вв. н. э., а Б. А. Литвинский полагает, что в Средней Азии они продолжали существовать в III, а может быть, и в IV в. н. э. Показательно, что такие наконечники распространены на обширных пространствах Средней Азии и Казахстана, причем становятся в I в. до н. э. — I в. н. э. господствующим видом. Необходимо отметить, что наконечники с шипами (курган 24) напоминают бронзовые сакские наконечники (правда, последние были трехгранными).

Раннему времени соответствуют и формы некоторых изделий: корзин с грушевидным туловом, горшков с подрезным дном, с неярко выраженной горловиной, имеющих сходство с усуньской керамикой.

Учитывая вышеизложенные факты, следует думать, что в могильнике Гурмирон имеются захоронения, которые датируются первыми веками до новой эры, основная же масса раскопанных курганов относится к I—II вв. н. э. Эта дата подтверждается находками китайских монет династии Западная Хань и императора Сюань-ди.

Всего найдено 14 монет, из которых 4 были любезно определены М. В. Воробьевым. По его мнению, три из них отливались в 118 г. до н. э., четвертая — в 73—47 гг. до н. э. Впервые монеты типа «у-шу» стали отливаться в 118 г. до н. э., чекан их продолжался до 581 г. н. э., а обращение — до начала VII в. н. э. При этом следует учитывать, что «в течение семи веков форма монеты и легенда не могли остаться неизменными» (Воробьев, 1971, с. 15).

Известно, что в ферганских погребениях часто встречаются китайские монеты типа «у-шу», однако почти все они обнаружены в Северной Фергане. В Южной Фергане, несмотря на то что там уже вскрыто несколько сот курганов, находки их единичны. Такие монеты встречаются в Западной Фергане (могильник Шпринсай). Находки этих монет свидетельствуют о широких торговых связях с Китаем. Кроме того, обилие их в погребальных памятниках Северной Ферганы наводит на мысль о прохождении именно здесь «великого шелкового пути».

Рассмотрев вещи из могильника и сопоставив их с близкими материалами из других синхронных памятников, можно поставить вопрос о месте и связях культуры племен, оставивших эти могильники. Поскольку погребальный обряд и инвентарь имеют некоторые сако-усуньские аналогии, допустимо поставить вопрос об их генетической связи. Не менее существенным является наличие некоторых форм керамики (баночки, бутылеобразные сосуды и горшки с очень низкими горловинами), которые указывают на тесные контакты с оседлым населением Ферганы первых веков новой эры. Гурмиронский могильник обнаруживает наибольшее сходство с материалами могильников равнинной Ферганы. Совершенно бесспорно прослеживаются и связи с погребальными памятниками Северо-Западной Ферганы (курумы) и с Шпринсаем.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Воробьев М. В. 1971. К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» (ушунянь). — ЭВ, в. XX.
- Литвинский Б. А. 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, № 2.
- Обельченко О. В. 1962. Лявапдакский могильник. — ИМКУ, в. 2.
- Сорокин С. С. 1956. О датировке и толковании Кепкольского могильника. — КСИИМК, в. 64.

Е. Д. Салтовская

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О «ФЕРГАНСКИХ КОЧЕВНИКАХ»

Характеризуемые в настоящем сообщении материалы были получены в 1972—1973 гг. во время работ в западной части могильника Дашти-Ашт, расположенного в окрестностях кишлака Ашт, примерно в 150 км к востоку от г. Ленинабада, в предгорной песчано-каменистой пустыне, на правобережье Сырдарьи (Северо-Западная Фергана). Под невысокой круглой в плане каменной насыпью диаметром 4—12 м, высотой 0.4—0.8 м были обнаружены овальные или подпрямоугольной формы погребальные камеры — вырытые в щебенке неглубокие (0.2—0.35 м) грунтовые могилы, перекрытые окатанными камнями, галькой, песком. Стены ям не имели обкладки. Как правило, под одной курганной насыпью располагалась одна могила, реже — две-три. На дне ям, ориентированных с севера на юг, с северо-востока на юго-запад, на слое щебенки лежали погребенные. Преобладающее трупоположение — на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ногами, головой на юго-запад, реже — север—юг (рис. 9). Встретились три погребения в скорченном положении на боку, с подогнутыми ногами. Под головами умерших в большинстве случаев находились каменные подушки — плоские или круглой формы камни.

На дне погребальных камер располагалось от одного до восьми скелетов, но кости только одного или двух лежали в анатомическом порядке, остальные были перемешаны. Таким образом, отличительной чертой погребального обряда являлся обычай последовательных захоронений в одну могилу нескольких умерших. Иногда второго погребенного клали рядом с первым или поверх него.

В погребальном инвентаре курганов, как правило, преобладали керамические находки (рис. 10). Примерное соотношение лепной и станковой посуды 10 : 1. Лепные изделия из курганов довольно однообразны и представлены всего несколькими основными видами.

1. Глубокие миски-горшки полусферической формы, с уплощенно-округлым дном, из глины грубой отмучки, с примесью дресвы и шамота, с двусторонней светлой обмазкой. Внепная поверхность некоторых из них (верхняя половина) украшена расписным орнаментом.

2. Миски более уплощенной формы, с открытым устьем (типа тарелок), круглодонные; некоторые из них имеют выраженный утолщенный венчик.

3. Миски-вазы, покрытые двусторонней светлой обмазкой, с чуть загнутыми внутрь краями, с отпечатками грубого матерчатого шаблона на внутренней поверхности, на высоком поддоне.

4. Сосуды приземисто-грушевидной формы, с узким горлом и слегка отогнутым наружу венчиком, с уплощенно-округлым дном. Под венчиком одного из них имеются две миниатюрные прилепные ручки со сквозным отверстием.

Число форм станковой посуды также незначительно.

1. Белоангобированные горшки из тонко отмученной глины, с выпуклым шаровидным туловом и небольшим неустойчивым дном, с высоким слабо профилированным бортиком и слегка отогнутым наружу венчиком.

2. Небольшие глубокие миски полусферической формы, с непрофилированными стенками, иногда чуть загнутым внутрь краем, с неустойчивым плоским дном, покрытые двусторонней светлой обмазкой, реже — плотным слоем темно-красной краски (ангоб?).

3. Небольшие узкогорлые сосуды грушевидной формы, плоскодонные, с отогнутым наружу венчиком, покрытые светлой обмазкой. На некоторых из них видны следы подрезки ножом у дна.

Кроме керамики, встречено значительное количество различных предметов. Среди них много каменных оселков с отверстиями для подвешивания, миниатюрных косметических палочек, лежавших иногда вместе с кусочками графита, несколько дисковидных каменных пуговиц. Из каменных изделий интересны небольшие продолговатые предметы с утолщениями на концах и поперечным желобком посередине, напоминающие детали от конской узды. Многочисленные глиняные прясла представлены в основном двумя формами: конической и дисковидной.

Совсем немного найдено железных изделий: фрагментов крупных и мелких ножей, пластинок, тонких игл, браслетов, пластинчатых колец. Очевидно, в качестве украшений использовались железные заклочки с округлыми навершиями. И наоборот, поражает обилие разнообразных изделий из бронзы: несколько целых несомкнутых браслетов с утолщениями на концах, много проволочных серег (рис. 11, 1—77). На одной из них имеется каплевидной формы подвеска, инкрустированная вставкой из бирюзы. Среди бронзовых украшений есть несколько пластинчатых колец и проволочных перстней с крупным овальным щитком, пуговиц выпукловогнутой формы. В коллекции бронзовых изделий имеются три втульчатых трехлопастных наконечника стрел с «лапками» и один втульчатый копьевидный наконечник (рис. 12, 1, 3, 4, 6).

Обнаружено большое количество мелких стеклянных и пастовых бусин. Встретилось несколько граненых бусин из горного хрусталя, очень много небольших сердоликовых бусин круглой формы, раковин-каури, употреблявшихся, по-видимому, в качестве украшений-амулетов.

Следует отметить два костяных изделия: одно из них представляет собой овальной формы пластинку, возможно пряжку, с нанесенными на ее поверхность кружочками, некоторые из которых сквозные; другое напоминает деталь от музыкального инструмента.

Прежде чем перейти к вопросу о датировке курганов в западной части могильника Дашти-Ашт, необходимо отметить, что на территории Северо-Западной Ферганы до сих пор не было обнаружено памятников с материалами, идентичными полученным при раскопках его курганов. В погребальном инвентаре вместе с грубыми лепными, изготовленными на матерчатом шаблоне мисками впервые для района Северо-Западной Ферганы отмечены крупные лепные миски полусферической формы, с красно-коричневой росписью на светлом фоне, грубые лепные миски на высоком поддоне, с отпечатками матерчатого шаблона, покрытые светлой обмазкой. Встречаются и тонкостенные гончарного производства светлофонные горшки, имеющие самые близкие аналогии в керамике поселений и могильников Центральной Ферганы эпохи раннего железа

(эйлатано-актамский период) (Гамбург и Горбунова, 1957, с. 78—90; Горбунова, 1961, с. 171—194; 1963, с. 91—122; 1969, с. 72—91).

Существенная роль при решении вопроса датировки курганов Дашти-Ашт принадлежит, помимо керамических, и другим находкам. Так, бронзовый копьевидный наконечник стрелы со скрытой втулкой и опущенными вниз приостренными концами перьев, имеющий аналогию в южнотуркменистанском комплексе Яз-Дене III, в курганах Актамского могильника, может быть отнесен к V—IV вв. до н. э. (Массон, 1959, с. 45—48). Подобные дашти-аштским бронзовые наконечники стрел с «лапками» были встречены в могильниках VI—V вв. до н. э. — Шарт на Алас и в Актамском (Горбунова, 1963, с. 104—105).

Исходя из вышеизложенного, мы считаем ориентировочно наиболее приемлемой датой для курганов могильника Дашти-Ашт VI—IV вв. до н. э. Принятые хронологические рамки, на наш взгляд, существенно подтверждаются и общими моментами, наблюдаемыми в погребальном обряде курганов Дашти-Ашт и особенно Актамского могильника: аналогичной конструкцией могильных сооружений в виде очень неглубоких грунтовых ям, ориентацией погребенных, обычаем класть под голову каменную подушку, обрядом последовательных коллективных захоронений (представителей большой патриархальной семьи?) под одной курганной насыпью.

Встает также вопрос об отнесении населения, оставившего эти курганы, к определенной этнической группе. Часть исследователей, опираясь в основном на сведения древнеперсидских источников и данные античных авторов, склонна считать, что значительный пласт населения Ферганы VII—II вв. до н. э. составляла «прияксартская группа сакских племен (сформировавшаяся из местных племен эпохи поздней бронзы),¹ живших вдоль верхнего, отчасти среднего течения Сырдарьи, в частности на участке, расположенном северо-восточнее Ферганской горловины, на правобережье Сырдарьи, и безусловно включавшем Кайраккумы и предгорья Кураминско-Карамазарского хребта (что отнюдь не исключает вероятности поселения некоторых групп их и в левобережной Фергане)» (Литвинский, 1960а, с. 52; 1960б, с. 92—93; 1972, с. 158—174; Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 296—299).

Исследовавшая могильники середины I тыс. до н. э. в левобережной Фергане Н. Г. Горбунова отмечает близость культуры оставившего их населения культуре соседних кочевых племен (саков и усуней) и считает вполне правомочным предположение, что Фергану населяли сакские племена (Горбунова, 1961, с. 194; 1963, с. 114—122). Резюмируя вышесказанное, мы вправе допустить, что территория правобережной Сырдарьи у южных склонов Кураминско-Карамазарского хребта, где расположены раскапываемые нами курганы, вполне могла быть местом обитания указанных племен.

Как явствует из описания, находки в курганах как будто выпадают по своему характеру из привычных материалов земледельческого круга. Однако более определенно вопрос о принадлежности их к кочевническому миру может быть решен только после дополнительных исследований на территории могильника Дашти-Ашт. Пустынный характер ландшафта и весьма скудный растительный покров (на севере района — отроги Кура-

¹ Возможно, некоторым свидетельством в пользу такого утверждения является открытие в могильнике Дашти-Ашт по соседству с курганами VI—IV вв. до н. э. нескольких курганных захоронений с неглубокой грунтовой могилой, погребальный инвентарь которых — сосуды в форме грубых лепных горшков черно-серого цвета, украшенные гребенчатым штампом или прочерченными параллельными зигзагами, — обнаруживает близкое сходство с ферганскими находками из Вуадильского и Даканиянского могильников эпохи поздней бронзы.

минско-Карамазарского хребта, на юге вплоть до Сырдарьи слегка холмистая песчано-каменистая пустыня) свидетельствуют в пользу отнесения погребенных в курганах могильника Дашти-Ашт скорее к кругу скотоводческих племен. Более определенные суждения на данном этапе изучения не могут быть высказаны, так как на территории Северо-Западной Ферганы пока не найдено поселений оседлого типа с синхронными раскопанным курганам слоями, хотя в этой связи небезынтересно отметить открытие во время работ 1955—1956 гг. в Кайраккумах, в 25—30 км к западу от могильника Дашти-Ашт, развееанных селищ (поселения 40 и 55) VII—IV вв. до н. э., инвентарь которых находит близкие аналогии в сакской керамике Семиречья и эйлатано-актамской керамике Ферганы (Литвинский, Окладников, Рапов, 1962, с. 244, 249, 255—256; Литвинский, 1972, с. 176).

ЛИТЕРАТУРА

- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. 1957. Актамский могильник. — КСИИМК, в. 69.
 Горбунова Н. Г. 1961. Кунгайский могильник. — АСГЭ, в. 3.
 Горбунова Н. Г. 1963. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — АСГЭ, в. 5.
 Горбунова Н. Г. 1969. Суфганский могильник. — АСГЭ, в. 11.
 Литвинский Б. А. 1960а. Даханийский могильник эпохи бронзы в Западной Ферганае. — КСИИМК, в. 80.
 Литвинский Б. А. 1960б. Сакс, которые за Согдом. — В кн.: Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. Т. СХХ. Душанбе.
 Литвинский Б. А. 1969. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья. Автореф. докт. дисс. М.
 Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
 Литвинский Б. А., Окладников А. П., Рапов В. А. 1962. Древности Кайраккумов. Душанбе.
 Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73.

А. Д. Бабаев

МОГИЛЬНИК ЮЖБОК НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

Сакские племена Памира издавна привлекали внимание исследователей (Григорьев, 1872; Бернштам, 1952; Мандельштам, 1957; Пьянков, 1968; Литвинский, 1972). Следует при этом отметить, что Западный Памир долгое время оставался вне внимания археологов или же все усилия направлялись на изучение лишь одной категории памятников — крепостей. Лишь в 1962 г. и в последующие годы на этой территории был открыт и раскопан ряд курганных могильников — Чильхона, Рычев, Юль-Мозар и Южбок — было выдвинуто предположение о проникновении туда какой-то группы восточнопамирских сакских племен (Бабаев, 1965, 1968а, 1968б, с. 4—5; 1973а, с. 129).

Данная статья посвящена анализу могильника Южбок. Этот могильник расположен в 50 м южнее дороги Хорог—Ропт-Кала—Джеланды, в 100 м восточнее крепости Джаушангоз, на первой террасе р. Южбок — правого притока р. Шахдара. Терраса, на которой находится могильник, тянется с северо-запада на юго-восток на 2 км (ширина ее 200 м) и возвышается над берегом реки на 1.5—2 м. Кое-где хорошо сохранились каменные насыпи. Могильник включает четыре кургана с грунтовыми могилами и две насыпи с каменными ящиками.

Курган 1 расположен на северо-западной оконечности террасы, представляет собой невысокую овальную насыпь, сложенную из круглых окатанных камней. Насыпь околнута кольцом из больших камней. В цен-

тре небольшой провал. Диаметр насыпи по линии СЮ 15 м, по линии ВЗ 11 м, высота 0.5 м. Почва песчано-лессовая, с мелким щебнем. На глубине 0.5 м от дневной поверхности находилось каменное перекрытие из плоских довольно крупных плит. Под перекрытием на глубине 0.2 м открылась могильная яма (2.5×1 м) подчетырехугольной формы с округленными углами, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Яма вырыта в чистом песчаном грунте. В могиле кости одного погребенного, который положен на спину, головой на восток (рис. 13, 1). Ступни обеих ног отсутствуют, руки вытянуты вдоль туловища, причем левая рука положена на кости левой ноги, большой и средний пальцы выпрямлены, а три остальных согнуты. Голова слегка повернута к югу, к реке. Справа от затылка — покрытый плоским камнем керамический сосуд очень хорошей сохранности, орнаментированный точечным орнаментом.

Курган 2 расположен в 20 м юго-восточнее кургана 1, представляет собой небольшую овальную насыпь, сооруженную из мелкого щебня и песка, окруженную кольцом из круглых окатанных камней и вытянутую в северо-западном направлении. Размер кургана 12×10×0.5 м. На глубине 1 м в песчаном грунте найден скелет человека (рис. 13, 2). Он лежит на животе, ноги подогнуты в коленях, руки под животом. Некоторые кости ног расположены в стороне от костяка. Костяк ориентирован головой на юго-восток, лицо обращено к реке. В 5 см от головы в северном направлении — глиняный неорнаментированный сосуд плохой сохранности, прикрытый плоским, хорошо обработанным камнем.

Курган 3 расположен в 10 м северо-восточнее кургана 2, представляет собой невысокую овальную насыпь с кольцами, сложенными из круглых камней. Высота насыпи 0.1 м, диаметр по линии СЮ 5 м, по линии ВЗ 4 м. Могильная яма размером 1.5×0.9 м вырыта в песчано-лессовом грунте. На глубине 0.8 м находился скелет человека. Поза погребенного — на спине, сильно склоненная на грудь голова, ноги подогнуты, колени подняты вверх, руки вытянуты вдоль туловища. Скорченность и приподнятость ног зависят, по-видимому, от размера могильной ямы. Покойника сопровождает сосуд, расположенный с левой стороны у затылка, прикрытый плоским круглым камнем.

В 10 м восточнее вышеописанных курганов была обнаружена огромная насыпь без кольцевой выкладки, в которой под большим слоем щебня (толщиной 0.7 м) находился каменный ящик, сложенный из больших плоских плит и перекрытый ими. Длинные стороны образованы двумя плоскими камнями (длина 0.9 м, высота 0.6 м). Ориентирован каменный ящик с севера на юг. Его размеры 1.7×0.7 м. В западном углу находился череп, положенный лицом вниз. В 10 см выше черепа лежали нижняя челюсть и кости рук. Других костей скелета и находок не обнаружено.

В 50—70 м восточнее насыпи, содержащей каменный ящик, расположен большой круглый курган, сложенный из плоских довольно больших (0.95—1.0×0.8—0.85 м) камней, с глубоким провалом в центре. Высота насыпи 0.5 м, диаметр 21 м, глубина провала 0.6 м. В южной его части открыто скорченное погребение, а в центральной, там, где имелся провал, найден каменный ящик. Его торцовая часть расположена на северо-востоке. На глубине 0.13—0.18 м обнаружен пол, сложенный из девяти кусков плоского камня, тщательно подогнанных друг к другу. Заполнение лессовое, с мелким щебнем и песком. Следы захоронения отсутствуют.

Курган 4 расположен в 3 м южнее насыпи со вторым каменным ящиком. От кургана сохранилась лишь часть каменной выкладки в виде полукруга, сложенного из крупных окатанных камней. На глубине 0.5 м от дневной поверхности лежал скелет в скорченном положении на спине, головой на запад, лицом к северу, с руками под тазом. Сверху погребенный был прикрыт большими плитами. Диаметр могильной ямы по линии

ЗВ 1.3 м, по линии СЮ 1.1 м. С южной стороны она облицована круглыми среднего размера камнями. Западнее могильной ямы небольшой участок площадью 1 кв. м выложен плитами, от него в юго-западном и северо-западном направлении отходят каменные разноцветные «усики». На поверхности между ними обнаружены кости овцы и фрагменты грубой керамики.

Таким образом, курганы, помимо антропологического материала, дали немного керамики; других находок нет. В нашем распоряжении три сосуда, по типу, технике изготовления и орнаменту близких между собой. Сосуды круглодонные, типа горшков, среднего размера, изготовлены из хорошо отмученной глины ручным способом. Венчики прямые. На поверхности двух сосудов в 3 см ниже венчика, между изгибом тулова и горловиной, расположены четыре ямки (рис. 14, 1, 2). Таких элементов орнамента на сосудах четыре. На стенке третьего сосуда имеются такие же ямки, по нанесенные в два ряда (рис. 14, 3). Размеры сосудов почти одинаковые: высота 12 см, диаметр 13 см, толщина венчиков 0.5 см.

Форма сосудов, техника изготовления находят широкие аналогии среди сосудов Восточного Памира, которые хорошо известны по многочисленным публикациям А. Н. Бернштама (1952) и Б. А. Литвинского (1972). Наиболее близкие по территории аналогии обнаружены в керамическом инвентаре могильников Чильхона и Рычыв Западного Памира (Бабаев, 1968а, с. 20—27; 1973а, с. 235—245). Это позволяет отнести могильник Южбок к позднесакскому времени, т. е. к III—II вв. до н. э. Такой датировке не противоречат конструкция курганов — насыпь, каменные кольца, а также поза умерших, ибо все это элементы погребального обряда, широко распространенного среди сакских племен Восточного и Западного Памира. Однако следует отметить, что орнаментация керамики не находит сколько-нибудь близких аналогий в керамических комплексах Восточного Памира, но встречается среди погребального инвентаря, датированного нами более поздним временем — IV—V вв. н. э. (Бабаев, 1965). Так, например, многие костяные разъединители, деревянный гребешок, бруски для добывания огня имеют аналогичную орнаментацию.

Обращаясь к характеристике погребальных сооружений могильника Южбок, отметим, что на одной площади встречаются два типа конструкций: грунтовые ямы, расположенные под небольшими курганными насыпями, окомтуренные каменными выкладками-кольцами, и каменные ящики, также находящиеся под курганными насыпями. Что касается грунтовых ям с кольцевидными каменными выкладками, то они относятся к сакскому периоду. А. Н. Бернштам, исследуя подобные захоронения, связывал их с культом солнца (Бернштам, 1952, с. 213), с чем мы склонны согласиться.

Для другой категории погребальных сооружений — каменных ящиков — наиболее близкие территориальные аналогии встречены в могильниках Дарай-Абхарв, Балянд-Кинк, а также во многих других могильниках Восточного Памира. Генетическая связь каменных ящиков с памятниками эпохи поздней бронзы представляется бесспорной (Литвинский, 1972, с. 135). Но каменные ящики Южбока можно отнести безусловно к сакской традиции, исходя из совокупности погребального инвентаря и обряда.

Переходя к описанию поз погребенных в могильнике Южбок, отметим их разнообразие. Так, например, в кургане 1 погребенный лежит на спине, головой к востоку, лицом к югу. В кургане 2 скелет с подогнутыми ногами расположен на животе, руки находятся под животом, лицо обращено в сторону реки. В кургане 3 у костяка ноги согнуты и приподняты в коленях. В кургане 4 скелет лежит на левом боку со скорченными ногами и руками. Все захоронения одиочные. Скорченность погребенных сближает могильник Южбок с памятниками сакской эпохи Восточного

Памира, в то время как вытянутое положение является там исключением. Вытянутое положение характерно в большей степени для синхронных памятников Семиречья и Восточной Европы. Объясняя присутствие вытянутых погребений, Б. А. Литвинский пишет: «Наличие особой этнической группы племен в условиях естественно-природной изоляции могло явиться одной из причин, способствовавших консервации погребальных обычаев эпохи бронзы» (1972, с. 177). В таком случае чем же объяснить распространение на одной и той же территории и в одно и то же время обычая хоронить умерших в скорченном положении? Нам кажется, что Западный Памир не был так сильно изолирован, имелись тесные связи с Алаем, Ферганой и Семиречьем, погребальные обычаи которых в какой-то степени повлияли на его племена. Следует подчеркнуть также и различие орнаментов сосудов могильника Южбок и керамических комплексов Восточного Памира.

Заметим, что, судя по материалам неопубликованного могильника Кас-вир, имеющего вытянутые погребения и очень выразительную кушанскую керамику, могильник Южбок считается переходным памятником от сакской эпохи к кушанской. Таким образом, Южбок может датироваться позднесакским временем или переходным от сакского к кушанскому, т. е. рубежом I тыс. до н. э. — началом I тыс. н. э., когда великая Кушанская империя включила в свои владения восточные окраины сакского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Бабаев А. Д. 1965. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана. Автореф. канд. дисс. Душанбе.
- Бабаев Д. Д. 1968а. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире. — ИООН АН ТаджССР, № 3 (53).
- Бабаев А. Д. 1968б. Проникновение сакских племен на Западный Памир. — В кн.: Тез. докл. сов. ученых на Междунар. конф. по ист., археол. и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.
- Бабаев А. Д. 1973а. Крепости древнего Вахана. Душанбе.
- Бабаев А. Д. 1973б. Раскопки курганов на территории Западного Памира. — В кн.: Уч. зап. истфака ТГУ им. В. И. Ленина. В. 1. Душанбе.
- Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26.
- Григорьев В. 1872. О скифском народе саках. СПб.
- Литвинский Б. А. 1968. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. — ИООН АН ТаджССР, № 3 (53).
- Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Мандельштам А. М. 1957. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. — В кн.: Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. Т. III. Душанбе.
- Шьянков И. В. 1968. «Саки» (содержание понятия). — ИООН АН ТаджССР, № 3 (53).

Б. И. Вайнберг

КУЮСАЙСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИСАРЫКАМЫШСКОЙ ДЕЛЬТЕ АМУДАРЬИ

В последние годы на территории древней Присарыкамышской дельты (левобережный Хорезм, Северная Туркмения) были открыты памятники раннего железного века, предшествующие по времени архаической (кюзелигырской) культуре Хорезма и выделенные нами в куюсайскую куль-

туру.¹ В настоящее время мы располагаем материалами с поселения Куясай 2, из 18 курганов в могильнике Тумек-Кичиджик (Дашлы-Буруп) (Вайнберг, 1973, с. 475—477) и одного — в могильнике Тарым-Кая 1, а также подъемным материалом из района древних протоков Южного Даудана и северной окраины Заупгузских Каракумов.

Поселение Куясай 2 является пока единственным, где нами обнаружен культурный слой. Расположено оно на южном берегу древнего протока Даудана. Интенсивные скопления керамики позволяют приблизительно определить основную площадь поселения — 250—300×450 м. Никаких следов построек и ирригации ни при наземном обследовании, ни при помощи аэрофотосъемки обнаружить не удалось. На основании раскопок (вскрыто более 600 кв. м) можно сделать вывод, что пятна чистого такыра, окруженные россыпью керамики, костей и т. д., как правило, должны соответствовать остаткам жилищ. В результате работ на поселении полностью вскрыто одно жилище, обнаружены еще два, раскопаны половина землянки и остатки хозяйственных комплексов на площади более 200 кв. м. Сырцовых построек не найдено. Жилища наземной конструкции имели стены либо каркасные (в доме 1 раскопа «Б» сохранились два ряда столбовых ямок на расстоянии 40—50 см друг от друга), либо в виде плетня (дом 2 того же раскопа дал ряд близко расположенных друг от друга ямок). Раскопан полностью дом 1 в раскопе «Б» площадью несколько менее 100 кв. м. Обмазки пола четко определяли его границы, вдоль которых располагались попарно столбовые ямки. В доме обнаружены две прослойки пола с зелеными обмазками, разделенные тонкой прослойкой культурного слоя. Почти в центре дома (с некоторым смещением в сторону предполагаемого в южной части входа) располагался очаг. Расчищены два слоя очага одинакового устройства — один над другим, соответствующие, очевидно, двум полам. Очажное пятно со следами интенсивного горения находилось в центре слегка возвышающейся над полом вымостки прямоугольных очертаний, размером 1,8×1 м.

Никаких следов перерыва в жизни дома отметить нельзя. Периоду разрушения дома соответствует верхний культурный слой с комками глины. Над ним идет подстилающий такырную корку глинистый слой, включающий культурные остатки. Общая толщина культурных отложений в центре дома 60 см. К северу и северо-западу от жилища обнаружены поверхности с остатками размытого культурного слоя, хозяйственными ямами. В 2 м к северо-востоку от дома 1 обнаружен край дома 2, тоже с двумя прослойками пола.

При раскопках описанного жилища была получена большая коллекция разнообразной посуды и изделий местного производства. Для определения хронологии дома важны такие находки: бронзовый двухлопастный ромбический накопечник стрелы с выступающей втулкой* (из обмазки нижнего пола), свинцовая сѣрьга гвоздевидного типа (рис. 15, 75), известная на памятниках позднего бронзового века и раннекочевнических, а также фрагменты от семи импортных сосудов; два или три из них представляют культуру архаического Дахистана, один может быть отнесен к комплексам Северо-Восточного Ирана, остальные — к материалам типа Яз II (рис. 15, 3, 4, 7—10). Среди остальных находок следует отметить бирюзовую ромбическую подвеску с непросверленным отверстием (рис. 15, 75), бирюзовую бусину, железный нож с прямой спинкой, пробойник, изделие типа маленького пожа, костяное долото, лопила из ребер животных, конические прясла, круглые каменные ядра, фрагменты зерно-

¹ Название дано по поселению Куясай 2, исследованному в 1971 г. (Вайнберг, 1972, с. 530—532).

терок, куски бирюзы и др. Встречено большое количество костей животных, среди которых значительное место занимают кости крупного скота.

Комплекс хозяйственного характера вскрыт на северо-востоке поселения (раскоп «А»); четких следов плапировок обнаружить не удалось. В культурном слое мощностью 40—50 см наряду с керамикой, костями животных обнаружены небольшие скопления печины, кусочки медных шлаков и литья. Аналогичные находки, как и железные шлаки, фиксируются на поверхности поселения повсеместно.

Для определения хронологии поселения важны находки в культурном слое раскопа «А» двух бронзовых наконечников стрел — двухлопастного ромбического втульчатого и трехгранного черешкового, цилиндрикопического сосуда типа Яз II (рис. 15, 1) и фрагментов еще нескольких сосудов, характерных для Яз II. Из других находок следует отметить керамические прясла усеченно-конической формы, каменные зернотерки и терочники, железный нож с прямой спинкой и невыделенной рукоятью, костяные гребни, предназначавшиеся, вероятно, для ткацкого производства, бусы из бирюзы, куски необработанной бирюзы. Раскоп дал и богатый набор местной посуды разных форм (рис. 15, 22, 24).

В северо-западной части поселения в 10 м к югу от берега древнего русла была обнаружена землянка, судя по раскопанной части, овальная в плане. Площадь ее примерно 100 кв. м (раскопано 50 кв. м), глубина от древней дневной поверхности 3 м (общая глубина раскопа 3.5 м за счет слоя такыра, перекрывавшего дневную поверхность). Вход в землянку, частично раскопанный, располагается в северной части и обращен к руслу; это пещирикий (не менее 1 м) коридор длиной около 1.5 м, с тремя высокими ступенями, вырубленными в материковом грунте.

Заполнение в землянке достигает 1.5 м в центре и увеличивается к стенам. Культурный слой довольно четко делится на ряд прослоек, отличающихся по цвету; он очень плотный, содержит большое количество фрагментов керамики и костей.

Комплекс археологических находок в землянке тот же, что и в остальных раскопах. Наконечников стрел нет. Встречены фрагменты импортных сосудов тех же типов, что и названные выше. В верхней части культурного слоя найдены части бронзового браслета с шишечками-выступами и небольшой железный нож с прямой спинкой и невыделенной рукоятью. В слое много зернотерок, терочников, кусков печины.

Поиски стены, окружавшей поселение, не увенчались успехом. Судя по ряду шурфов и наземным наблюдениям, поселение Куюсай 2 было неукрепленным и довольно интенсивно застроенным. О характере застройки по имеющимся материалам судить трудно.

На поселении обнаружен оригинальный комплекс керамики, состоящий из довольно разнообразного набора посуды (рис. 15). Вся керамика местного производства, сделана без применения гончарного круга техникой ленточного налепа. Лишь на трех фрагментах отмечены следы матерчатого шаблона. Обращает на себя внимание не только то, что в комплексе присутствует круглодонная керамика, но и то, что некоторые сосуды делались круглодонными, а затем к ним добавлялся плоский или уплощенный поддон. Большинство сосудов — плоскодонные.

Для всей посуды местного производства характерна красная поверхность при сером или серо-коричневом цвете черепка. Основная масса керамики имеет довольно легкий черепок, темно-серый в изломе, с большими или меньшими примесями дресвы. За счет специфической технологии обжига обе поверхности сосуда (либо одна внешняя) приобретают красный цвет (от ярко-красного или темно-оранжевого до лилово-коричневого). Технология обжига подобной посуды требует специального ис-

следования, пока же можно отметить довольно широкий ее территориальный и хронологический ареал. Этот же прием (часто именуемый покраской) отмечается на посуде суярганской и амирабадской культур в Хорезме (Толстов, Итина, 1960, с. 16, рис. 2; Толстов, 1962, с. 60, 68 и сл.) и чустской культуры Ферганы (Заднепровский, 1962, с. 24 и сл.). Аналогичным образом обожжены все сосуды сакских могильников Уйгарак и Южный Тагискен в низовьях Сырдарьи (Вишневская, Итина, 1971, с. 204, рис. 6; Вишневская, 1973, с. 74, 75), многие сосуды из так пазываемых варварских стоянок от Узбоя до низовьев Сырдарьи и т. д. Встречается этот технологический прием и в материалах I тыс. н. э. Сходство технологических приемов обжига керамики на столь широкой территории и в разное время свидетельствует, очевидно, об уровне технических достижений в керамическом производстве, а не о каких-то связях указанных культур.

Весьма малочисленная группа керамики представлена фрагментами чаш, цилиндрических сосудов и горшков. Характерными признаками ее является легкое бежево-серое тесто с мелкими примесями дресвы и, как правило, двустороннее покрытие плотным розово-красно-коричневым ангобом, положенным довольно толстым слоем. Сосуды этой группы по форме не отличаются от сосудов первой группы. Подтеки ангоба на некоторых из них дают основание предполагать преднамеренную раскраску.

Керамика из поселения Куксай 2 обычно не орнаментировалась. На некоторых сосудах и фрагментах встречены лишь прочерченные зональные композиции, волнистые линии и знаки (рис. 15).

Орудия труда представлены четырьмя железными ножами и пробойником из раскопок, а также рядом аналогичных изделий из подъемного материала. Интересны костяные изделия из раскопок — вытянутой формы гребни с двумя рабочими концами, служившие, вероятно, орудием ткацкого производства, костяное долото, спиленные рога.

Судя по фрагментам, зернотерки на поселении имели ладьевидную форму; найдено много курантов к ним. Терочниками служили и круглые каменные ядра.

В раскопках встречены три бронзовых наконечника стрел, а в подъемном материале около полусотни. Набор стрел весьма характерен для памятников Казахстана и Средней Азии VII — первой половины VI в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 37; Акишев, Кушаев, 1963, с. 117; Маргулан и др., 1966, с. 376; Литвинский, 1968, с. 85 — особенно комплекс Айдын-Кул I; Вишневская, 1973, с. 88, табл. XXV). В подъемном материале был найден обломок стрелевидного удила. Следует отметить, что изделие это является либо бракованным, либо полуфабрикатом — заусенцы от литья не оббиты, отверстие в стремячке не пробито. Хронология удила данного типа не противоречит датировке комплекса наконечников стрел (Маргулан и др., 1966, с. 383; Вишневская, Итина, 1971, с. 220; Вишневская, 1973, с. 100, табл. XXVI).

Раскопки и подъемный материал дали довольно богатый набор ювелирных изделий своеобразного облика. На поселении, вероятно, широко практиковалась обработка бирюзы. Кроме кусков необработанной породы, встречались полуфабрикаты и бракованные изделия. Украшения из бирюзы — наиболее массовые ювелирные изделия на поселении. Это бусы бочонковидной формы, а также близкой к цилиндрической и лепешковидной и мелкие рубленые. Уникальными являются многочисленные ромбические подвески (рис. 15, 75). Аналогичной формы подвеска есть и из лазурита. Кроме того, найдены лазуритовые бочонковидные бусы. В производстве ювелирных изделий использовался и белый камень. Из него делались бочонковидные и лепешковидные бусы, а также под-

вески в форме клыка. Встречены бусы из сердолика, подвески из раковин, гвоздевидная свинцовая серьга (рис. 15, 75), восходящая к типам изделий конца бронзового века (Грязнов, 1956, табл. V, 21), золотая серьга — подвеска с перекрещивающимися утолщенными концами (рис. 15, 77), а также бирюзовые каплевидные серьги, закреплявшиеся в золотой обойме-конусе (рис. 15, 76). Среди украшений следует еще отметить бронзовый браслет с шишечками-выступами и лазуритовую (?) пуговицу.

В настоящее время можно говорить о том, что жители исследуемого поселения несомненно занимались скотоводством (разведением крупного и мелкого рогатого скота) и, вероятно, богатым земледелием. Развито было также ремесло — налицо следы бронзо(медно)-литейного и ювелирного производства, на поверхности обнаружены и железные шлаки.

Предварительная датировка поселения Куюсай 2 может быть определена по наконечникам стрел и импортной посуде, найденным в раскопках, — пределы VII—первой половины VI в. до н. э. (Массон, 1956, 1959, с. 39, 61; Прищепенко, Шапошникова, 1970, с. 195 и сл.).

В 1972 г. в могильнике Тумек-Кичиджик, расположенном в 25 км от поселения Куюсай 2 на том же древнем русле Даудана, были обнаружены захоронения, которые по инвентарю (в основном керамика) бесспорно могут быть отнесены к куюсайской культуре. Раскопано 18 курганов, среди них выявлены два обряда захоронения: в ямах и на древнем горизонте. Все курганы имеют небольшие насыпи, включающие либо отдельные камни, либо небольшую кладку из светлого сланца и ракушечника в центре над захоронением (рис. 17, 4). Чаще всего захоронение совершалось в яме, вытянутой в широтном направлении (глубина 60—80 см и немногим более 1 м). Инвентарь в могилах весьма скуден и однообразен, располагается всегда у головы погребенного. Ориентировка в основном западная, иногда на юго-запад-запад.

В ямных захоронениях встречены сосуды, типичные для куюсайской культуры, прясла, каменные терочники и зернотерки со следами сработанности, бусы из бирюзы, сердолика, стекла. По инвентарю мужские и женские захоронения различаются весьма четко. В мужских справа от головы, как правило, стоит один сосуд типа стакана либо банкообразный типа бокала с плавно сужающимся к устью и дну стенками (рис. 16, 1, 2, 6—8). В ряде захоронений сосудов вообще не было, в одном — обнаружены остатки истлевшего деревянного сосуда типа стакана. В женских захоронениях наиболее характерными являются фрагменты зернотерок и терочников, часто со следами краски. Почти везде вместе с зернотерками найдены куски лопаточных или тазовых (?) костей животных со следами растертой красной краски. В некоторых погребениях (например, в 26) встречены куски красной краски. Посуда в этих могилах всегда иных форм, чем в мужских. Это горшки, кружки, кувшинчики без ручек (рис. 16, 5, 9, 14). Довольно часто встречаются и обычные куюсайские прясла конической формы.

В кургане 26 было открыто парное женское захоронение в яме. Одна из погребенных лежала со связанными ногами. У северо-западного угла ямы расчищено дополнительное, очевидно, одновременное захоронение подростка, совершенное через яму со ступенями. Вход в основную камеру из этой ямы оказался закрытым плитами. Кости скелета подростка были сложены в две кучки, причем женское захоронение не было потревожено, не нарушено даже камышовое перекрытие основной камеры. Погребений на древнем горизонте раскопано пять. В кургане 43 костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине, головой на восток. Справа у головы стоял горшок куюсайского типа. Костяк был окружен столбо-

выми ямками и частично перекрыт обломками камней, в засыпке встречались мелкие угли. Курган 42 содержал трупосожжение, вокруг которого остатки столбовых ямок располагались по овалу. Основное горение происходило именно внутри его. От погребенного осталась часть обгоревшей черепной крышки, от инвентаря — оселок и фрагмент сосуда. В остальных курганах этой группы (27, 36, 57) найдены остатки труположений. Несколько костяков, захороненных в разное время, обычно лежали попеременно с камнями, вероятно первоначально перекрывавшими их. Исходя из расположения инвентаря и длинных костей, можно довольно определенно говорить о западной и запад-юго-западной ориентировке. Наиболее четко картина подхоронений прослежена в кургане 27, где один из костяков частично перекрывал другой.

Судя по инвентарю, погребения на древнем горизонте — женские. Они как и ямные женские захоронения, расположены на периферии могильника куюсайской культуры, выделяющегося в северо-западной части всей курганной группы. Наиболее интересное женское погребение куюсайской культуры расположено на значительном расстоянии от остальных курганов в южной части могильника, в кургане 51, выделяющемся своими размерами. В верхней части насыпи встречен слой с углями. По периметру насыпи шел ров, в котором обнаружены фрагменты керамики и угли. С востока и запада ров имеет перемычки, соединяющие площадку вокруг погребения с древней поверхностью, окружавшей курган. Погребение в обычной яме, вытянутой в широтном направлении, расположено в центре кургана. Вся верхняя часть стенок ямы сильно обожжена и оплакована. В заполнении встречались угли и целые куски сгоревших деревьев. Под слоем горения шел чистый песок (до 30 см). В нем было обнаружено обычное женское захоронение с западной ориентировкой. Слева от головы стоял некрупный горшок. В захоронении найдены прясла, фрагмент зернотерки, кусок лопатки животного со следами красной краски.

Если культурная принадлежность описанных погребений не вызывает сомнений, то вопрос об их датировке следует оставить открытым до выяснения хронологии посуды куюсайской культуры. Отсутствие металлических изделий, особенно наконечников стрел, в погребениях не дает оснований определенно относить открытые захоронения к VII—началу VI в. до н. э. — ко времени существования куюсайской культуры. Мы не знаем еще, как долго живут типы изделий этой культуры в Северной Туркмении. Вместе с тем наличие материалов архаической культуры (типа Кюзели-Гыра) повсюду в окрестностях могильника как будто указывает на смену культур и населения в этом районе в VI—V вв. до н. э.

Керамический комплекс и специфический набор ювелирных изделий куюсайской культуры не находит прямых аналогий в известных нам памятниках. Некоторые сопоставления общего порядка для узкогорлых и цилиндрических сосудов можно провести с материалами из сакских могильников Уйгарак и Южный Тагискен в низовьях Сырдарьи. В Уйгарке, кроме того, встречены бирюзовые каплевидные серьги и аналогичный набор накопечников стрел; есть много общих моментов и в обрядах захоронения (Вишневская, 1973, с. 60, 82). Время погребения Уйгарка — VII—V вв. до н. э. (там же, с. 120 и сл.), что не противоречит предлагаемой нами датировке куюсайской культуры VII—началом VI в. до н. э. Но тем не менее вряд ли мы имеем основания говорить о родстве этих памятников, сходство между ними скорее временного порядка.

Некоторые сопоставления отдельных элементов (в основном типов ручек) можно сделать с материалами слоя ЕД II из Елькен-Депе, датированного XII—VII вв. до н. э. (Марущенко, 1959, с. 62—65).

Куюсайская керамика пока четко фиксируется в зоне древнего русла Южного Даудана в Присарыкамышской дельте Амударьи. Отдельные находки подобной керамики сделаны в песках на северной окраине Заунгузских Каракумов. Одновременные комплексы Акчадарьинской дельты Амударьи (стоянка Якке-Парсан 14, раскопки М. А. Итиной) и ряд подъемных сборов не дают оснований считать, что аналогичный материал в это время был характерен для всего Хорезма.

По общему облику куюсайская культура несомненно должна быть отнесена к кругу сакских (в широком смысле этого слова). Обращают на себя внимание активные связи ее населения с Южной и Юго-Западной Туркменией (импортная посуда), но такая картина по существу характерна и для могильника Уйгара, расположенного много дальше Южной Туркмении (Вишневская, Итина, 1971, с. 208, рис. 10).

Наконец, необходимо отметить древнюю этногенетическую подоснову куюсайской культуры, выразившуюся в сближении палеоантропологических материалов из могильника Тумек-Кичиджик с черепами древнеямной культуры Поволжья и частично с материалами из Южной Туркмении (Трофимова, 1973).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- Вайпберг Б. И. 1972. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. — АО 1971 г., 1972.
- Вайпберг Б. И. 1973. Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г., 1973.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгара. — ТХАЭЭ, т. VIII.
- Вишневская О. А., Итина М. А. 1971. Ранние саки Приаралья. — МИА, № 177.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби. — МИА, № 48.
- Заднепровский Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118.
- Литвинский Б. А. 1968. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. — МКТ, в. 1.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Марущенко А. А. 1959. Ельке-Депе. — В кн.: Тр. ИИАЭ АП ТуркмССР, т. V, Ашхабад.
- Массон В. М. 1956. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, т. VII.
- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, № 73.
- Прищепенко Л. В., Шапошникова О. С. 1970. Новые материалы для изучения керамики архаического Дахистана. В кн.: Каракумские древности. В. III. Ашхабад.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов. — МИА, № 101.
- Толстов С. П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстов С. П., Итина М. А. 1960. Проблема суярганской культуры. — СА, № 1.
- Трофимова Т. А. 1973. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. — В кн.: Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тез. докл. и сообщ. по этногр. Ташкент.

Х. Ю. Юсупов

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ ВДОЛЬ ВЕРХНЕГО УЗБОЯ ВЕСНОЙ 1973 г.

Весной 1973 г. археологический отряд Сектора древней и средневековой археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР продолжил работу на курганных памятниках вдоль Верхнего Узбоя. Между колодцами Чырышлы и Давали в пяти пунктах отрядом раско-

паны два земляных и 16 каменных курганов. Каменные курганы могильников Верхнего Узбоя по своему внешнему виду одинаковы. Это щебнистые, задернованные всхолмления, отличающиеся лишь размерами; иногда среди щебнистой насыпи выделяется верх камер, сложенный из крупных каменных плит.

В 16 км южнее колодца Чырышлы имеется группа из пяти курганов, расположенных цепочкой, вытянутой с востока на запад. Раскопаны крайние, западный и восточный курганы. Западный курган распылчатый, почти круглый в плане, диаметром 6 м, высотой 0.2—0.3 м. Восточный имеет впадину в середине; диаметр его 8 м, высота около 1 м. В обоих курганах в центре насыпи выявлено по глухой подпрямоугольной камере. Обе камеры ориентированы длинными сторонами по линии СЮ. Внутренние размеры их 1.15—1.2×2.3—2.4; 1.96—2.2×2.6—2.4 м, высота 0.85—0.9 м. Стены их облицованы двумя рядами плит, расставленных вертикально; выше этих плит, с уровня древней дневной поверхности, начинается кладка из уложенных плашмя с папуском внутрь плит. На полу камер в обоих курганах обнаружены разбросанные кости и черепа и собранные в кучи, скелеты, расположенные в анатомическом порядке, вытянуто на спине. В западном кургане вдоль западной стенки камеры головой на юг лежал один скелет. В восточном в центре — два скелета взрослых людей, между ними детский, все — головой на юг; в северо-западном углу — скелет ребенка на спине, головой на запад, а вдоль восточной стенки — не полностью сохранившийся скелет взрослого на спине, головой на север. Всего в западном кургане захоронено 5 человек, а в восточном 15 (11 взрослых и 4 детей). Помимо погребенных, в могилы были положены передние или задние ноги овец.

В обоих курганах были найдены сероглиппные горшки с шаровидным туловом, плоским или круглым дном и слегка отогнутым наружу краем (рис. 18, 2, 7, 9, 10), каменные прясла (рис. 19, 10—12), бусы разных форм из стекла, пасты, сердолика, коралла (рис. 20, 20, 22), бронзовые изделия — перстни с тонким овальным щитком, некоторые с непонятным изображением (надписями?) (рис. 20, 6, 7, 9, 13, 17), нашивные украшения (рис. 20, 19), серьга из проволоки с заходящими концами (рис. 20, 12) и проволочные серьги с утолщенными и песомкнутыми концами (рис. 20, 3, 4), а также плоское зеркало с выступом и сверлениями для закрепления деревянных или костяных ручек (рис. 19, 16, 17).

На основании сходства сопровождающего инвентаря и конструкции двух вышепаванных курганов с раскопанными ранее их сооружение ориентировочно следует отнести к последним векам до н. э. — первым векам н. э. При этом нельзя полностью исключить повторное использование этих погребальных построек и в более позднее время.

В 25 км южнее колодца Чырышлы примерно в 200 м западнее средневекового туркменского кладбища находятся два кургана в виде круглых распылчатых щебнистых всхолмлений. Раскопан восточный, диаметром 8 м, высотой 0.3—0.4 м. После снятия верхнего слоя выявлена круглая в плане камера-циста, расположенная в центре насыпи. Внутренний диаметр камеры 4 м. Сохранилось четыре-шесть рядов облицовки камеры из плашмя положенных плит на высоту 0.46—0.6 м; толщина стенок около 1 м. Внутри камеры, в юго-восточной части, отмечены две небольшие перегородки из поставленных ребром плит. Внутри одной из них оказались кости ребенка. В средней части камеры две плиты вкопаны торцом в твердый материк, обломки еще одной плиты найдены в ее южной половине. Из-за плохой сохранности и раздробленности этих плит трудно установить, была ли камера разделена на несколько отсеков или эти вертикально поставленные плиты служили подпоркой перекрытия сооружения. По всей камере разбросаны человеческие кости и черепа.

Обнаружены обломки по крайней мере 10 черепов. Ближе к юго-восточной перегородке на полу найдены обломки стенок крупного красновато-кремового сосуда, изготовленного на круге, и обломки зернотерки. Почти в центре среди костей лежал железный меч-акинак (рис. 21, 1). Второй аналогичный акинак оказался согнутым пополам (рис. 21, 3); найдена рукоятка от третьего акинака (рис. 21, 2). Инвентарь включал также бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 21, 14), железный черешковый трехлопастный наконечник (рис. 21, 24), бронзовый крючок от колчана (?) (рис. 21, 11), два каменных оселка из серого песчаника (рис. 21, 4, 5), железный стержень, круглый в сечении (рис. 21, 12 — видимо, обломок шила). Найдена бусина из стеклянной пасты (рис. 21, 37).

Судя по наконечникам стрел и круглой форме камеры, курган следует датировать IV—II вв. до н. э. Наличие железных акинаков с прямым перекрестьем и павершием в виде рожек, характерных для сарматских погребений Поволжья и Западного Казахстана, подтверждает эту дату.

Каменные курганы, раскопанные в урочищах Ак-Яйла (1), Янаджи (1) и Дордуль (10), по конструкции и сопровождающему инвентарю мало отличаются друг от друга. Это сооружения с прямоугольной или подпрямоугольной камерой-цистой в центре. Большинство курганов ограблено, о чем свидетельствует не только малочисленность сопровождающего инвентаря, но и его перемешанность. Даже крупные сосуды-костехранилища с плотным, крепким черепком разломаны и разбросаны. В среднем в каждом сооружении сохранилось от 15 до 20, иногда даже до 30 костных остатков, что свидетельствует о наличии в курганах многих захоронений.

В курганах Дордуля человеческие кости находятся в керамических корытах, горшках, кувшинах, алебастровых прямоугольных или овальных сосудах-оссуариях, собранные в кучи, оставлены в анатомическом порядке или же разбросаны по всей камере. В кургане 1 в одном корытообразном сосуде часть костей обгорела; кроме того, обгорелые кости встречены и вне сосуда. В этой же камере лежал полуобгорелый скелет в анатомическом порядке.

По сопровождающему инвентарю — лепные горшки (рис. 18, 3, 4, 6, 8, 12, 14), миниатюрные круговые и лепные сосудики (рис. 18, 1, 11), каменные сосудики (рис. 18, 13, 15, 16), зеркало, круглая железная пряжка с подвижным язычком (рис. 19, 18), бусы (рис. 20, 21), серьга (рис. 20, 8, 10, 11, 14), прясла (рис. 19, 1—9, 13—15) — названные курганы аналогичны другим курганам Верхнего Узоя. Ориентировочно эти курганы датируются последними веками до н. э. — первыми веками н. э.

Курган 2 могильника Дордуль по внешнему виду не отличается от других курганов этой группы, но у него иная конструкция погребальной камеры. До раскопок он представлял собой распылчатое круглое в плане всхолмление, чуть вытянутое с севера на юг. Диаметр кургана 6 м, высота 0.5 м. При расчистке выявилась глухая неправильно округлая камера, удлиненная с севера на юг. Внутри она облицована вертикально поставленными плитами. Внутренний ее диаметр с севера на юг 3.8 м, с востока на запад 2.9 м, высота ребром стоящих плит 0.6—0.7 м, толщина стенок около 1 м. По всему полу камеры разбросаны кости и 10 черепов, все очень плохой сохранности. В центральной части камеры найдены красноглиняный горшок, изготовленный на круге, с приземистым округлым туловом, плоским дном, слегка отогнутой наружу шейкой и почти прямым венчиком (рис. 22, 1), фрагмент красноглиняного кругового миниатюрного сосудика (рис. 22, 3), три целых лепных сосуда и фрагмент еще одного (рис. 22, 2, 4, 7, 8). Все находки из этого кургана

(рис. 22) — бронзовые и железные наконечники стрел, железные кинжалы, ножи, бронзовые пряжки и керамика — аналогичны материалам Поволжья и Урала IV—II вв. до н. э.

У дороги на Акиниш и в урочище Дордуль раскопаны два насыпных кургана. Насыпи круглые в плане, диаметром 12, 16 м, высотой около 1 м. Первый курган содержал катакомбу, второй — подбой. Оба кургана ограблены. В подбое остались лишь кости передней ноги овцы. Во входной яме, т. е. на ступеньке подбоя, найдены небольшой железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы, обломок каменного сосуда (рис. 18, 5) и серьга из бронзовой проволоки. В катакомбном погребении обнаружены 12 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис. 21, 15—23, 25, 32, 35), обломок железного кинжала (рис. 21, 6), железные ножи (рис. 21, 8, 9), глиняная цилиндрическая курильница с отверстием на одном боку (рис. 21, 10), костяные обкладки лука (рис. 21, 38). По всей камере катакомбы разбросаны разрозненные человеческие кости. Из костей животных найдены астрагал овцы, фрагмент голени лошади. По сопровождающему инвентарю и конструкции катакомбный курган, расположенный у дороги на Акиниш, аналогичен раскопанному осенью 1972 г. соседнему кургану, датированному II—IV вв. н. э. Этот курган, судя по железному наконечнику стрелы, фрагменту каменного сосуда и серьге из бронзовой проволоки, подобным материалам из остальных насыпных и каменных курганов Дордуля, раскопанных весной 1971 г., ориентировочно можно датировать последними веками до н. э.—первыми веками н. э. Таким образом, полученные материалы позволяют охарактеризовать культуру древних обитателей Северной Туркмении на протяжении почти целого тысячелетия.

И. Н. Хлопин

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ СУМБАРА

В 1973 г. Копетдагская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР продолжала исследования могильника эпохи бронзы, расположенного на левом берегу р. Сумбар, в окрестностях поселка Кара-Кала (Хлопин, 1973). Из 49 могил, вскрытых в течение этого полевого сезона, пять оказались не принадлежащими к основному хронологическому пласту — они составляют особую группу, отличающуюся рядом признаков. Одна из могил расположена непосредственно на каменном закладе входа в катакомбу эпохи бронзы. Две другие нарушили катакомбы и частично разрушили древние погребения. В тех, где сохранились скелеты, наблюдается резкое отличие обряда захоронения.

Погребение 39 в могильнике Сумбар I обнаружено на глубине 0.4—0.5 м от дневной поверхности. Могильная яма овальной формы прослеживается нечетко. Скелет мужчины 35—40 лет лежал на спине, головой на юго-юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела, правая нога лежала прямо, левая была поставлена вертикально. Погребение уничтожило могилу эпохи бронзы, так как в его насыпи были найдены фрагменты пяти сосудов, происходивших из разрушенной могилы.

При погребенном имелся сопровождающий инвентарь: бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с оттянутыми жальцами, лежавший около правого уха (рис. 23, 2), расплюснутый металлический стержень с круглым в сечении концом, находившийся в вертикаль-

ном положении под правой ключицей (рис. 23, 3), две бусины, расположенные под подбородком (рис. 23, 5, 6), и оселок длиной 12,5 см, лежащий у тазовых костей под камнем (рис. 23, 7). Наиболее интересным является отсутствие правой кисти при полной сохранности левой; вместо фаланг пальцев было найдено какое-то железное изделие (рис. 23, 7). После расчистки оно оказалось железным кольцом с крючком. Наиболее вероятно, что перед нами один из древнейших протезов, предназначенный для натягивания тетевы лука (лук при стрельбе держится в левой руке, а тетива — в правой).

Погребение 43 прорезало могилу 42 эпохи бронзы; для того чтобы обе могилы не соприкасались, отверстие между ними было заложено двумя крупными уплощенными камнями. Могильного колодца проследить не удалось, но хорошо виден свод широкоего подбоя. В западной части могильной ямы находился скелет ребенка 4—6 лет, на спине, с вытянутыми руками и ногами. Никаких вещей при покойном не найдено, однако отнести могилу 43 в указанную выше группу позволяет положение умершего на спине.

Погребение 61 прорезало и разрушило могилу 41 эпохи бронзы. Скелет сохранился чрезвычайно плохо: потревоженными остались только длинные кости ног; по их положению можно сказать, что взрослый человек был положен на спину головой на север. У ног был найден небольшой красноглиняный сосуд тюльпановидной формы с валиком на месте перехода шейки сосуда в тулово (рис. 23, 12).

Могила 62 сохранилась плохо. Свод катакомбы рухнул при расчистке и уничтожил почти все кости. Оказалось возможным установить, что тут был похоронен взрослый человек; он был положен на спину с вытянутыми руками и ногами, головой на юг. В могиле были найдены железный перстень со щитком, образованным расковкой (рис. 23, 8), 21 пастовая бусина (рис. 23, 9), крупная сердоликовая пропизка в виде плоского цилиндра с белыми узорами на основаниях и значками на боковой поверхности (рис. 23, 10), оселок из серого камня длиной 9 см (рис. 23, 11).

Могилиник Сумбар II расположен в 500 м восточнее могильника Сумбар I, на соседнем увале; их разделяет глубокий овраг. Погребение 1 находилось в 0,5 м от современной дневной поверхности, и могильная яма овально-вытянутой конфигурации фиксируется с трудом. Женщина 25—30 лет была уложена на спину с вытянутыми ногами и руками, головой на восток. С наружной стороны левой ноги скелета найдены два сосуда: светлоглиняный приземистый горшочек с резко отогнутым венчиком и подкошенной придонной частью и красноглиняная чаша плавной биконической формы (рис. 23, 13, 14). Каких-либо других находок в могиле сделано не было, но причислить ее к вышеуказанной группе позволяет положение погребенного на спине.

Итак, из пяти рассмотренных нами погребений только два (39 и 62) могут быть бесспорно отнесены к памятникам скифо-сакского круга на основании наличия бронзового втульчатого наконечника, трехлопастной стрелы и каменных оселков. Положение всех погребенных на спине позволяет нам все пять могил с большей или меньшей долей вероятности причислять к одной культурно-исторической группе. Несмотря на малое количество определяющего материала, в предварительном порядке можно вскрытые погребения датировать V—IV вв. до н. э. Об этом, как представляется, могут свидетельствовать своей аккуратностью и вытянутыми пропорциями оселки и наконечники стрелы, относящиеся скорее всего к IV в. до н. э. (Акишев, 1973; Медведская, 1972), а также характерная гравированная орнаментация сердоликовой пропизки, технические аналогии которой есть и у памирских саков, и в Индии, где на-

ходилась центр изготовления подобных изделий (Литвинский, 1973). Уже сейчас можно говорить о том, что это первые находки сакского времени на территории Южной Туркмении.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А. 1973. Саки азиатские и скифы европейские. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
Литвинский Б. А. 1973. Древние кочевники «Крыши мира». М.
Медведская И. Н. 1972. Некоторые вопросы хронологии накопечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, № 3.
Хлопин И. П. 1973. Древности долины Сумбара. — Памятники Туркменистана, № 1 (15).

Ю. А. Заднепровский

РАСКОПКИ КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА УЧ-АТ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ В 1973 г.

Могильник Уч-Ат расположен к югу от сел. Иски-Наукат (примерно в 40 км юго-западнее г. Ош) на северном склоне небольшой площадки адыра, ограниченной с западной и восточной сторон саями. Древние захоронения обнаружены в 1972 г. В 1973 г. здесь проведены работы Ферганской экспедицией ЛОИА АН СССР.

Всего исследовано 25 могил; из них треть повторно, после «раскопок» местными жителями. Две могилы (4 и 11) сильно разрушены, установить первоначальную их конструкцию невозможно, а на месте четырех (8, 17, 21, 25) после работы бульдозера оказались только разрушенные костяки. Неизвестно устройство лишь 9 погребальных сооружений, во всех остальных случаях захоронения производились в овальной камере-катакомбе, к которой вел короткий дромос. Все дромосы, кроме одного, расположены с северной стороны, со стороны склона, и ориентированы строго в меридиональном направлении (7 случаев) или с отклонением к западу (3) и к востоку (4). Только в катакомбе 12 вход находился в восточной стороне. Особое положение занимает могила 22, в которую мы проникли сверху и где не смогли выяснить место входа.

По погребальному обряду можно выделить две группы могил: ориентированные по линии ЗВ, с дромосом, вырытым с северной стороны и располагавшимся перпендикулярно камере (в них костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад); с ориентированными по линии СЮ камерами, представляющими как бы прямое продолжение дромоса (погребенные в них были обращены головой на север). Возможно, ко второй группе следует отнести и все захоронения с меридиональной ориентировкой, у которых форма могилы не прослежена. Особо выделяется детское захоронение 21, вытянутое в направлении СЗ — ЮВ; костяк в нем был положен головой на юго-восток. Это единственное в могильнике погребение с такой ориентировкой.

Вход в камеру обычно закладывался крупными валунами, а в четырех могилах — сырцовыми кирпичами и пахсовыми блоками. Захоронение производилось непосредственно на дне камеры или на широкой деревянной плахе. В одной камере костяк лежал на слое мелкой гальки, которой было покрыто все дно.

К первой группе относится могила в кургане 24 (рис. 24). Узкая овальная камера вытянута с запада на восток. Дромос подходит почти

к середине северной стенки. Располагается он с отклонением к западу, раскопан полностью (длина его 1.3 м) и имеет три ступеньки. Вход заложен шестью крупными валунами. Погребенный находился на галечной подстилке, ближе к южной стенке. Толщина галечного слоя 4—5 см. Камера высотой 0.8 м сохранилась хорошо и не была заполнена землей. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Слева от него, у северной стенки, стояли кувшин и кружка с волнистым бортиком, треновидным в плане, с петлевидной ручкой и круглым палепом в верхней ее части. Возле кувшина найдены бронзовое колечко и коралловая бусина; возле левой ключицы — железный стержень, очевидно игла; под левой лопаткой — круглая бляха с ушком, в котором сохранились остатки шнура. Второе бронзовое колечко обнаружено у шейных позвонков. На левой половине грудной клетки найдена виноградная косточка, в ногах — железная треугольная накладка с отверстиями для скрепления и с остатками дерева.

Могила в кургане 23 отличается от предыдущей конфигурацией камеры, а также тем, что костяк в ней лежал на деревянной доске. С обеих сторон черепа найдены крупные бронзовые кольца: одно с песомкнутыми концами, а второе такое же, но с выступом наверху. Между черепом и левым плечом находилось скопление янтарных, перламутровых и других бусин.

Аналогичное захоронение имелось в кургане 19. Костяк здесь лежал на деревянной плахе. По обе стороны черепа стояло по кувшину. Кроме них, в камере нашли одну стекловидную бусину.

В могиле кургана 18 возле черепа стоял кувшин. Под фалангами левой кисти лежало дисковидное зеркало, а на левой половине грудной клетки и возле плеча — несколько бусин, в том числе янтарная и перламутровая.

Все эти погребения, судя по составу сопровождающего инвентаря, очевидно, жепские. От них отличаются захоронения в курганах 2, 15, 16. В последнем обнаружен костяк, лежавший на широкой арчевой плахе (1.25×0.43 м). Слева около плахи стояли два кувшина. Возле левой руки найден небольшой железный нож серповидной формы с отпечатками ткани. На груди обнаружены тонкие железные стержни. В могиле кургана 15 некоторые кости были перемещены и разбросаны. Возле головы стоял кувшин со сливом, второй находился к северу от него. Среди скопления костей в середине камеры найден железный серповидный нож среднего размера. В могиле кургана 2 костяк лежал также на широкой доске. Череп, вероятно, скатился с нее и находился у южной стенки. Слева около доски найден фрагмент сосуда, справа у плеча — железное кресало, под правой голенью — большой железный серповидный нож; очевидно, он был всунут в голенище сапога рукоятью вверх.

Инвентарь трех указанных могил включал один-два сосуда, железные ножи одинаковой формы, различающиеся только размерами, а также другие единичные железные предметы (возможно, что это были захоронения мужчин).

Во второй группе лучше всего сохранилась могила в кургане 10. Камера ее подтреугольная в плане, более широкая в северной части. Вход находился в северо-восточном углу и заложен кладкой из четырех сырцовых кирпичей зеленого цвета (0.3×0.5×0.1—0.12 м). Дромос раскопан полностью и имеет в плане форму прямоугольника размером 1.3×0.8—1.0 м. Могильная камера служит продолжением дромоса. Дно его и камеры залегают на одном уровне. Погребенный находился у западной стенки, а восточная половина камеры оказалась пустой. Костяк положен на спину, вытянуто, головой на север, с отклонением к западу.

Возле черепа найдены две серебряные серьги оригинальной формы. Между ребрами и особенно под позвонками обнаружены до 200 различных бусин и бронзовые украшения. Среди них две фигурки петушков, перстень, лировидная наременная подвеска, часть круглой (свинцовой?) пластинки с орнаментом, а также непонятные обломки железных предметов. Здесь же найдены небольшие кусочки ткани. Это наиболее богатое находками погребение.

В целом исследованные катакомбные могилы имеют сходство с широко распространенными в Ферганской долине и на соседних территориях могильниками первой половины I тыс. н. э. (Бернштам, 1951; Сорокин, 1956; Заднепровский, 1960). Однако они не идентичны им и отличаются по деталям устройства погребальных сооружений и главным образом по составу сопровождающего инвентаря.

Могильник дал богатый и интересный набор вещей (рис. 25, 26), правда, без оружия. Орудия представлены тремя серповидными железными ножами одинаковой формы, по разного размера, а также железными иглами и кре-салом. Кроме того, обнаружены еще железные накладка и часть скобы. Своеобразна глиняная посуда: горшки, кувшины, кружки и миниатюрные сосуды. Все они лепные, с большой примесью раковин и известняка в тесте. Только несколько из них украшено резными узорами. Разнообразны предметы украшения и туалета: 4 дисковидных бронзовых зеркала, 4 серебряные серьги с подвесками, 5 височных колец, 2 небольших колечка, 3 бронзовых и 1 серебряный перстень, 2 подвески в виде фигурок петушков, лировидная подвеска и др., а также около 300 бусин (много яштарных, агатовых, перламутровых и др.). В могильнике встречено несколько монет. Возле одной разрушенной могилы поднята бронзовая монета с квадратным отверстием (вес 5.2 г, диаметр 2.6 мм) — это танская монета «кайюань тунбао»; на лицевой ее стороне есть иероглифы, тогда как обратная сторона гладкая. По заключению М. В. Воробьева, она относится к выпускам VII—VIII вв. (Воробьев, 1963). Серебряная монета найдена школьниками в 1972 г. (вес 2.6 г, диаметр 2.5 мм) — это аббасидская драхма образца бухарских серебряных монет. Она относится к типу с надписью «ал-Махди», что подтвердила О. И. Смирнова; распространены такие монеты были не ранее 761—762 гг. (Смирнова, 1963). На монете имеется отверстие; очевидно, ее носили в качестве украшения. Находки монет позволяют определить дату могильника — VIII в., точнее — вторая его половина. Другие находки подкрепляют предлагаемую датировку.

Рассматриваемый период истории Ферганы археологически слабо изучен, поэтому материалы могильника приобретают особую ценность. Надо подчеркнуть, что он является наиболее поздним памятником среди катакомбных могильников Ферганы и Средней Азии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории гуппов. Л.
Воробьев М. В. 1963. К вопросу определения старших китайских монет «кайюань тунбао». — ЭВ, в. XV.
Заднепровский Ю. А. 1960. Археологические памятники южных районов Опшской области. Фрунзе.
Смирнова О. И. 1963. Клад аббасидских драхм с Пенджикентского городища. — ЭВ, в. XV.
Сорокин С. С. 1956. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры. — СА, в. 26.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

В 1973 г. археологическая экспедиция Института истории АН КиргССР (начальник — В. М. Плоских) продолжила изучение памятников, расположенных в зоне водохранилища Токтогульской ГЭС. Несколько групп (руководители — А. К. Абетеков, В. П. Мокрынин, И. К. Кожомбердиев) исследовали курганы сако-усуньского времени — одной из важнейших эпох древнего Тянь-Шаня.

Раскопки производились в могильниках Чырак-Булак, Джаныш-Булак, Акчий-Карасу, Теке-Таш, Кечу и Джалпак-Таш. Было вскрыто около 100 курганов. Расположены они в могильниках в основном цепочкой, в меридиональном направлении. Встречаются и курганы, сосредоточенные по террасам. Вокруг многих из них на расстоянии 1—2 м лежат кромлехи. Для могильников характерны захоронения в грунтовых ямах, вытянутых по линии ЗВ. В большинстве случаев могилы перекрывались арчевыми бревнами. Умерших хоронили, как правило, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Многие курганы, отличающиеся бедностью инвентаря, небольшими размерами прямоугольных сооружений, принадлежали, вероятно, рядовым членам общества. Напротив, крупные курганы, вытянутые цепочкой, несмотря на разграбленность, свидетельствуют о богатстве погребенного.

Наиболее интересные материалы по истории ранних кочевников дали могильники Акчий-Карасу (рис. 27), Джалпак-Таш и Кечу. Это типичные образцы вещей скифо-сибирского звериного стиля: золотые штампованная фигурка тигра, массивный перстень с изображением страуса (?), круглая пластина с рисунком хищной птицы. Весьма уникальной находкой является антропоморфное изображение со светильником в левой руке (?), искусно отлитое на золотой пластине. Очень хорошо просматриваются тип лица, прическа, головной убор, одежда и украшения. Украшения представлены многочисленными нашивными бляшками различной формы, золотыми проволочными спиралевидными серьгами с зернью и с бирюзовыми подвесками, сложной золотой подвеской с устрашающей мордой и т. д. Все эти предметы в связи с изучением сакской проблемы требуют детального историко-культурного анализа.

Основной инвентарь погребений составляют глиняные изделия. Обнаружено довольно много сосудов различной формы: чаши, миски, купшины, горшки, кружки. Среди них особенно выделяются впервые обнаруженные чернолощенные сосуды и лепная чаша, расписанная темно-красной краской по светлому ангобу. Мотив орнамента — два пояса заштрихованных треугольников, расположенных под венчиком сосуда.

Были проведены работы по изучению катакомбных погребений в могильнике Акчий-Карасу, Ничке, Ак-Сепир (Д. Ф. Винник, М. Кубатбеков, И. К. Кожомбердиев). В каждом из них насчитывается более 100 насыпей. В трех могильниках раскопано 29 курганов, датируемых I—V вв. н. э. Среди находок выделяются фрагменты железных кольчуг и панцирей, остатки маски из листового золота, фигурная золотая серьга с инкрустацией и зернью. Вызывает интерес впервые обнаруженное костяное оперение древка стрелы с вырезом для тетевы.

На основании исследований 1973 г. с учетом результатов работ предшествующих экспедиций можно сделать некоторые выводы.

Долина Кетмень-Тюбе насыщена разнообразными и разновременными памятниками, начиная от каменного века и кончая периодом позднего средневековья. В ней впервые четко выявилась раннесакская

культура, датированная VI—III вв. до н. э. На 12 могильниках исследовано около 300 курганов этого времени. В них обнаружен ценный и единственный в своем роде материал по различным областям материальной и духовной жизни кочевников. Погребальный инвентарь включает серию предметов вооружения (бронзовые черешковые накопечники стрел, железные акинаки, имитирующие сложный лук в горите), конского снаряжения (бронзовые стреловидные удила, пронизки, прямоугольные обоймы с отверстием, вихревые розетки и т. д.), предметы искусства, выполненные в скифо-сибирском стиле (золотые тигр, петушок, лев, сокол, бронзовые бляшки с изображением головы тигра, литая из серебра с позолотой полусферическая бляшка с изображением двух коней-грифонов, а также золотая массивная круглая бляшка с инкрустацией и зернью, золотая серьга, инкрустированная зернью с изображением двух соколов). Все эти находки с несомненностью убеждают в том, что долина была частью скифского мира.

Интересным археологическим объектом, подвергавшимся исследованию, были могильники с катакомбным захоронением кепкольского типа. В долине зарегистрировано более 10 таких могильников. В каждом из них насчитывается от 100 до 900 курганов. Раскопано около 500 курганов, содержащих разнообразный материал, охватывающий период от I в. н. э. до VI—VII вв. н. э. Весьма примечательной особенностью погребального обряда, типичного для этих могильников, является наличие погребальных масок из листового золота. Значительную часть материалов составляют золотые украшения полихромного стиля — серьги, перстни, бляшки, медальоны, подвески, инкрустированные драгоценными камнями и украшенные зернью. Культура катакомбных погребений во многом сходна с культурой Северного Причерноморья и Центральной Азии.

Таким образом, раскопки долины Кетмень-Тюбе дали весьма ценный материал, характеризующий основные этапы исторического прошлого этого труднодоступного, находящегося в центре Западного Тянь-Шаня, района.

Т. П. Кияткина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

В 1973 г. в долине Кетмень-Тюбе в зоне затопления Токтогульской ГЭС работали археологические отряды Института истории АН КиргССР под руководством А. Абетекова, Д. Ф. Винника, П. П. Гаврюшенко, И. К. Кожомбердиева и В. П. Мокрыпина. В раскопках принимали участие антрополог Т. П. Кияткина (Душанбе) и специалист в области палеоанатомии З. Б. Альтман (Ленинград). Ниже дается краткая характеристика антропологического материала.

Кечу, могильник сакского времени (раскопки П. П. Гаврюшенко). Вскрыто 10 курганов. Погребения одиночные, ориентировка костяков западная. Костный материал представлен мелкими фрагментами черепов и костей скелета из шести курганов. Определение пола и возраста из-за крайней скудости и фрагментарности находок было затруднительным и не всегда возможным. В одном кургане похоронен ребенок 1—1,5 лет. В трех — женщины 40—50 лет. В двух — пол и возраст погребенных не установлены.

Джал-Акташ, могильник сакского времени (раскопки П. П. Гаврюшенко). Вскрыто 8 курганов. Могилы одиночные, ориентировка костяков западная, погребенные лежат вытянуто на спине. Костный материал найден в пяти курганах. В трех из них были похоронены мужчины, в двух — женщины 25—30 и 18—20 лет. Половой диморфизм выражен ярко. Интересное наблюдение сделал З. Б. Альтман, исследовавший кости из кургана 14. Здесь был погребен мужчина 30—40 лет. Зафиксировано срастание левой безымянной кости с крестцом. Такое явление наблюдается у людей, перенесших какой-то воспалительный процесс. Обычно такого рода воспаления вызываются бруцеллезом. В данном случае можно думать, что предположение археологов о скотоводческом типе ведения хозяйства раннекочевническими племенами находит подтверждение и в костном материале.

Акчий-Карасу, могильник сакского времени (раскопки И. К. Кожомбердиева). Это большие насыпные курганы. Погребения одиночные, в ямах. Сохранность костного материала очень плохая. Определение пола и возраста не всегда возможно. О расовом типе погребенных сказать ничего нельзя. Кости очень массивные, длинные, принадлежавшие физически развитым, крупным, высоким людям; отдельные фрагменты черепов свидетельствуют об отсутствии деформации головы. В могильнике, судя по определенным костным остаткам, хоронили только взрослых, детских погребений нет. Среди 17 человек, останки которых сохранились, нет ни одного старше 50 лет. 6 человек (около 30%; 4 мужчин и 2 женщины) умерли, не дожив до 30 лет. Следов травм и каких-либо костных заболеваний не было. Возможно, это следует связывать с плохой сохранностью материала.

Помимо названных, было исследовано пять катакомбных могильников.

Ак-Сепир (раскопки П. П. Гаврюшенко). Вскрыто 13 курганов. Погребения одиночные и парные разнополюе. Половой диморфизм выражен отчетливо. Костный материал происходит из восьми курганов. На всех черепах хорошо видны следы кольцевой деформации и монголоидная примесь.

Ничке I (раскопки Д. Ф. Випника). Погребения одиночные и парные разнополюе. Костный материал получен из трех курганов. В одной катакомбе захоронение мужчины 50—60 лет и женщины 35—40 лет. Ориентировка костяков западная. В двух других курганах одиночные погребения. В одном случае — ребенка трех лет, в другом — женщины 60—70 лет. Ориентировка западная.

Акчий-Карасу (раскопки И. К. Кожомбердиева). Расположен на ровном плато надпойменной террасы на правом берегу Нарына, недалеко от одноименного сакского могильника. Раскопано 12 катакомб. Все они ограбленные, кости лежат в камерах в полном беспорядке, первоначальное положение умерших устанавливается с трудом. Погребения одиночные, парные и коллективные.

Парные разнополюе захоронения встречены в восьми курганах. Все черепа имеют следы кольцевой деформации. На них отмечена примесь монголоидных черт. Недостаточная сохранность материала не позволила определять возраст всех погребенных.

В катакомбе 6 лежали женщина 17—19 лет и ребенок 7—9 лет. Однако рядом с ними найдены три эпистрофея. Поэтому есть основания полагать, что здесь были погребены три, а не два человека. Третий, судя по позвонку, — мужчина.

Особо следует отметить парное погребение в катакомбе 12. Мужчина, похороненный там, по своим антропологическим признакам резко выделяется среди довольно однообразного расового типа. Череп его иной конфигурации, значительно крупнее по абсолютным размерам, не имеет

следов деформации. Несомненно, это иноплеменник в массе кочевого населения гуннского времени.

Катакомба 4 дала обильный костный материал. Под стенкой лежала кучка мелких обожженных фрагментов человеческих костей. Установлено, что это останки четырех человек — трех мужчин (двое из них пожилые) и одной женщины (также пожилой). Кроме этих костей, в катакомбе в беспорядке были разбросаны кости и черепа еще четырех человек: мужчины 25—30 лет (с кольцевой деформацией черепа и монголоидной примесью); взрослого мужчины (сохранились лишь фрагменты за тылочной кости); женщины 25—30 лет (со следами кольцевой деформации черепа и монголоидной примесью); женщины 50—60 лет (о расовом типе последней говорить нельзя, ибо сохранились лишь отдельные кости скелета). Таким образом, в катакомбе 4 лежали останки восьми человек. Судя по расовому типу, деформации, степени сохранности, наконец, возрасту, мужчина и женщина были либо мужем и женой, либо родственниками — братом и сестрой.

В катакомбе 11 находились останки четырех человек — двух взрослых мужчин, одной девушки (?) 17—18 лет и подростка 11 лет. Все черепа имеют следы кольцевой деформации. Расовый тип неясен.

В катакомбе 9 погребен мужчина 35—40 лет.

В могильнике Акчий-Карасу З. Б. Альтман фиксировал в нескольких случаях следы травматизма.

Отряд под руководством А. А. Абетекова раскапывал курганные могильники Джаныш-Булак I и II, расположенные на верхней надпойменной террасе левого берега Нарына. Погребения в них одиночные, в грунтовых ямах.

Джаныш-Булак I. Костный материал очень плохой сохранности получен из 14 курганов. Все погребенные — взрослые, захоронений детей нет. Пол определен в 11 случаях — 8 мужчин и 3 женщины. В одном случае (курган 28, мужчина 25—30 лет) определен расовый тип погребенного (европеоидный).

Джаныш-Булак II. Костный материал получен из трех курганов. В кургане 8 обнаружено захоронение всадника с конем. Ориентация лошади западная, мужчины — восточная. Определение возраста погребенного затруднительно из-за несоответствия состояния зубной системы (30—35 лет) состоянию суставных поверхностей костяка, облитерации швов черепа (50—55 лет). З. Б. Альтман зафиксировал здесь очень интересную деталь: средняя треть правой бедренной кости с наружной стороны деформирована грубым выступом. Можно предполагать, что это был след очень сильного сабельного удара, направленного снизу и несколько сбоку (реконструируется картина удара пешего воина саблей по бедру сидящего на лошади всадника).

В могиле 2 (курган 11) обнаружено захоронение ребенка 1,5—2 лет; он лежал на правом боку, скорченно, головой на восток. В двух курганах удалось определить принадлежность погребенных к европеоидному расовому типу (мужчина — курган 11, могила 1; женщина — курган 10).

Различия в расовом типе погребенных, наблюдавшиеся по отдельным могильникам, говорят о том, что долина Кетмень-Тюбе на протяжении почти тысячелетия обживалась племенами, имевшими различный физический облик и связанными своим происхождением с разными территориями.

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Самарканде 14 апреля 1973 г. во время сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР 1972 г., было проведено совещание по проблеме изучения древнего города Средней Азии, организованное Научным советом по археологии Средней Азии и Казахстана. На нем был прочитан ряд докладов и сообщений, в которых рассматривались как общие задачи историко-археологического изучения древних городов, так и конкретные материалы исследований тех или иных объектов. В докладе В. М. Массона «Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии» был поставлен вопрос о выделении двух эпох урбанизации — древневосточной (конец III—середины I тыс. до н. э.) и античной (III в. до н. э.). Развитие городских поселений первой эпохи по материалам Южной Бактрии послужило темой доклада В. И. Сарияпида. Экономическим основам формирования ранних городских центров на примере хорошо изученного гончарного производства Алтып-Депе было посвящено выступление Э. В. Сайко. Основная часть сообщений была связана с развитием поселений городского типа античной эпохи. Широкое изучение древних памятников и работа по созданию археологической карты позволили поставить вопросы типологии и географического размещения древних памятников Ферганы (сообщения Ю. А. Заднепровского и Н. Г. Горбуновой) и Южного Узбекистана (сообщение Э. В. Ртвеладзе). Вопросы внутренней структуры и динамики развития древних городов Средней Азии поднимались в сообщениях Е. Е. Неразика о раскопках на Топрак-Кале, Г. В. Шишкиной об исследованиях древнейших напластований Афрасиаба и М. И. Филанович об изучении древнего Мерва. Б. Я. Ставиский посвятил свое выступление месту буддийских институтов в системе древнего города Средней Азии, оперируя материалами древней Бактрии. О раскопках в Сурхандарьинской области, видимо, культового сооружения середины I тыс. до н. э. рассказал Ш. Р. Пидаев. Наконец, ряд сообщений был связан с изучением городов раннесредневекового периода преимущественно по материалам Согды. Этих вопросов касались Ш. Ташходжаев в докладе о динамике развития раннесредневекового Самарканда, В. И. Распопова в сообщении о типах строений и социальной дифференциации в Пенджикенте и Л. Л. Гуревич в архитектурно-планировочном анализе Пенджикента как урбанистического центра. При обсуждении докладов А. М. Беленицким было высказано сомнение в том, что в IV—V вв. Мерв и Афрасиаб находились в состоянии кризиса и упадка. С этим тезисом не согласились Г. В. Шишкина и М. И. Филанович, подчеркнувшие, что в свете достаточно широких исследований речь должна идти не о полном запустении этих центров, а о резком и заметном упадке.

В целом проведенное совещание выявило состояние разработки вышеназванной проблематики в среднеазиатской археологии.

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ ЖИЛИЩ И ПОСЕЛЕНИЙ

24—29 апреля 1973 г. в Ленинграде проходила работа симпозиума Сектора Средней Азии и Кавказа и теоретического семинара Ленинградского отделения Института археологии АН СССР на тему «Реконструкция общественных отношений

по археологическим данным жилищ и поселений». На первом заседании В. М. Мас-сон сделал вводный доклад «Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений». Всего было заслушано около 20 докладов, охватывающих периоды от эпохи палеолита (С. П. Бибилов «К социальной интерпретации мустьерских поселений», Г. П. Григорьев «Проблематика палеолитических поселений как археологического источника») до русского и закавказского средневековья (Ф. Д. Гуревич «Культурный облик и социальная дифференциация горожан Попеманья в X—XIII вв. по материалам домостроительства», Р. М. Джанполадян «Город и жилище средневековой Армении»). Была представлена также античная тематика. Ряд докладов посвящен рассмотрению среднеазиатского материала (А. Я. Щетенко «К реконструкции поселений и жилищ археологических культур Декана», Ю. А. Заднепровский «Типы поселений и жилища Ферганы бронзового века»). Интерес на совещании вызвали сообщения, посвященные Пенджикенту. В выступлении Л. Л. Гуревича были обобщены результаты изучения внутренней топографии Пенджикента и рассмотрены оборона города, город как совокупность торгово-экономической деятельности ремесленников, социальная дифференциация на примере застройки отдельных кварталов. В. И. Распонова сделала доклад «Функциональный анализ строений Пенджикента». Определение назначения помещения она проводила по сочетанию нескольких признаков, из которых наиболее существенным является место в планировочной структуре.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

13 марта 1972 г. на заседании Ученого совета Секции археологии и этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук П. С. Сычевой на тему «Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время в свете раскопок Кара-Тепе» (научный руководитель — Б. Я. Ставицкий). В работе рассмотрена керамика из раскопок Кара-Тепе близ Термеза, приведены ее аналоги из соседних памятников I в. до н. э.—IV в. н. э. и изучен круг вопросов, связанных с керамикой этой эпохи Средней Азии и Афганистана. Выступавшие в качестве официальных оппонентов доктор исторических наук Г. А. Федоров-Давыдов и кандидат исторических наук Г. А. Кошелев подчеркнули значение разработки этой темы и важность исторических выводов, сделанных автором.

В июне 1972 г. на заседании Ученого совета Института истории Академии наук УзССР была защищена кандидатская диссертация Н. Б. Немцовой на тему «Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии Самарканда (археологические исследования 1959—1969 гг.)». П. Б. Немцова отмечает, что развитие комплекса Шахи-Зинда тесно переплетено со сложной историей города. Основываясь на найденных остатках, реконструируя недостающие части, используя данные ва-куфных документов, она устанавливает место расположения медресе Тамтач-Бограхана Ибрагима, возможно первого медресе домонгольского Самарканда. Официальные оппоненты академик Я. Г. Гулямов и кандидат исторических наук Г. В. Шиш-кина отметили, что диссертанту удалось дать целостную картину истории южной окраины Афрасиаба, ансамбля Шахи-Зинда на протяжении XI—XX вв., исторической топографии юга Самарканда в отдельные периоды. Основные замечания оппонентов относились к структурному оформлению работы. Дискуссия возникла по поводу объяснения причин разных способов мусульманских захоронений, наблюдаемых иногда даже в одном склепе.

21 марта 1973 г. на заседании Ученого совета Секции археологии и этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию Л. М. Носкова на тему «Архитектурный декор золотоордынских городов Нижнего Поволжья» (руководитель — Г. А. Федоров-Давыдов). В основу этой работы легли материалы Поволжской археологической экспедиции, раскопывающей в числе других объектов золотоордынские городища на Волге. Используются также материалы старых раскопок и сборов на этих памятниках. Л. М. Носкова показала близость золотоордынских находок изразцам и резному ганчу средневековой Средней Азии, Закавказья и Ирана. Выступавшие в ка-

честве официальных оппонентов доктор исторических наук А. П. Смирнов и кандидат исторических наук Н. М. Булатов подчеркнули важность этой работы, в которой, наконец, собрано и систематизировано все, что осталось от некогда пышного архитектурного убранства городов Золотой Орды.

28 марта 1973 г. на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР состоялась защита диссертации И. С. Масимовым на тему «Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы» (руководитель — В. М. Массон). Официальные оппоненты доктор исторических наук Н. Я. Мерперт, кандидат исторических наук Н. Г. Горбунова, доктор исторических наук Г. Е. Марков положительно оценили работу И. С. Масимова, отметив вместе с тем ряд недостатков. Н. Я. Мерперт указал, что в диссертации дана яркая картина гончарного ремесла древнейшей городской цивилизации нашей страны, использованы современные методы и приемы исследования, но доводы диссертанта относительно реконструкции социальной стороны керамического ремесла в эпоху бронзы носят приблизительный характер. Н. Г. Горбунова подчеркнула, что работа построена на материалах, полученных при раскопках, с привлечением всех известных ранее данных. Анализ источников позволил автору написать интересное историко-культурное исследование. Вместе с тем оппонент отметила недостаточность учета целых сосудов при выделении отдельных типов. Г. Е. Марков отметил, что нельзя согласиться с утверждением, будто Алтын-Депе и Намазга-Депе — два основных центра культуры и производства Южной Туркмении. Для ее восточной части это, очевидно, справедливо, но неверно для центральных и западных областей, материалы которых в работе не рассматриваются. В ответном слове И. С. Масимов сказал, что по вопросу об отнесении поселений Алтын-Депе и Намазга-Депе к центрам производства и культуры он остается при своем мнении.

3 июля 1973 г. на заседании Объединенного Ученого совета по истории Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР состоялась защита А. Р. Мухамеджаповым докторской диссертации на тему «История орошения низовьев Зеравшана (с древнейших времен до начала XX в.)». Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН УзССР, доктор исторических наук Р. Х. Аминова, доктор исторических наук Б. В. Андрианов и доктор исторических наук Н. Н. Негматов. Все они дали высокую оценку труду А. Р. Мухамеджанова, имеющему не только научное, но и важное практическое значение для народного хозяйства. В работе А. Р. Мухамеджанова на основе богатого фактического материала (археологические исследования, дешифровка аэрофотоснимков орошения земель, нарративные источники, архивные документы, этнографические данные и др.) рассматривается широкий круг вопросов истории возникновения и развития искусственного орошения в низовьях Зеравшана на протяжении около четырех последних тысячелетий.

Освещена деятельность русских инженеров-ирригаторов по изучению водных ресурсов и ирригационных систем, проектированию возможностей подачи воды из Амударьи в Бухарский оазис и строительству водохранилищ в бассейне Зеравшана. Подробно рассмотрена ирригационная техника. Характеризуя широту хронологического диапазона и исторической базы работы А. Р. Мухамеджанова, официальные оппоненты отметили, что некоторые из семи глав работы могут быть переработаны в самостоятельные монографии.

Были также отмечены имеющиеся в работе недостатки: немногочисленность археологического материала в том разделе работы, где освещена динамика развития орошения в античном и раннесредневековом периодах (Н. Н. Негматов), и плановых снимков отдельных участков орошаемых в древности земель Бухары (Б. В. Андрианов), отсутствие материала, раскрывающего жизнь древних ирригаторов (Р. Х. Аминова). Кроме официальных оппонентов, выступили член-корреспондент АН УзССР, заслуженный ирригатор Узбекской ССР Р. А. Алимов, доктор исторических наук Б. В. Лунин и др., которые дали высокую оценку работе.

26 октября 1973 г. на заседании Ученого совета Отделения общественных наук АН Таджикской ССР была защищена кандидатская диссертация Х. Ю. Мухитдиновым на тему «Терракоты Саксопохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии» (руководитель — Б. А. Литвинский).

Работа посвящена источниковедческому анализу одного из интересных археологических комплексов терракотовых изделий, обнаруженных при раскопках античного городища Саксопохур. В выступлениях оппонентов доктора исторических наук А. М. Беленицкого и кандидата искусствоведения В. А. Менкерис отмечена актуальность темы и методики работы. Как положительный момент было названо привле-

чение фольклорных и этнографических материалов. Ряд вопросов признан требующим дальнейшего уточнения (например, интерпретация терракотовых скульптур, особенно отождествление женского божества с зеркалом с образом авестийской Митры). Х. Ю. Мухитдинов в ответном слове защищал свою точку зрения, но вместе с тем отметил, что ряд замечаний оппонентов учтет при опубликовании работы.

28 ноября 1973 г. на заседании Ученого совета Секции археологии и этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова была защищена кандидатская диссертация В. Л. Егоровым на тему «Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство)» (руководитель — Г. А. Федоров-Давыдов). Официальные оппоненты доктор исторических наук Л. Р. Кызласов и кандидат исторических наук Ш. Ф. Мухамедьяров отметили, что в работе содержатся выводы, важные для понимания развития средневековых городов Золотой Орды, Казахстана, Монголии, Тувы и Забайкалья. Дискуссия развернулась главным образом по вопросам градостроительства в Великоханском улусе (Монголия). Работа В. Л. Егорова показывает Золотую Орду как государство с множеством городов и развитой городской культурой. Вскрыты связи в домостроительстве с каракорумскими традициями. Выявлено своеобразие исторического развития золотоордынских городов по сравнению с русскими и среднеазиатскими средневековыми городами. Составлена карта городов и поселков Золотой Орды, обнаруженных археологами. Автор подчеркнул, что условия для быстрого роста городов были созданы агрессивными войнами ханов и привлечением подневольной рабочей силы, вывезенной из покоренных стран.

НАУЧНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В 1972—1973 гг.

Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР
1972 г.

- 21 января. С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции в 1971 г.
11 февраля. Обсуждение докторской диссертации А. М. Мандельштама «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии».
25 февраля. И. Н. Хлопин. Храмы огня.
3 марта. В. М. Массон. Культурно-хозяйственные зоны Азии; Г. М. Ахмедов. Городище Байлакан в свете новых раскопок.
10 марта. И. С. Масимов. Раскопки ремесленного квартала на Алтын-Дене.
29 марта. Н. Н. Пегматов. Раскопки дворца авшинов Усрушаны.
7 апреля. Рецензии на книги по археологии Средней Азии.
14 апреля. Ю. А. Заднепровский. Спорные вопросы изучения красноангобированной керамики Ферганы.
21 апреля. Г. В. Шипкина. Глазурованная керамика Самарканда второй половины VIII—начала XIII в.; А. И. Альбаум. Раскопки на Фаяз-Тепе.
28 апреля. С. С. Черников. Хронология памятников ранних кочевников Восточного Казахстана.
2 июня. О. Ф. Акимущкин. Археологические работы в Иране.
10 ноября. А. Н. Мелентьев. Разведочные работы в Северном Прикаспии в 1972 г.
17 ноября. Э. Кадыров. Могильник Обишир; В. М. Массон. О работе совещания по каменному веку Средней Азии и Казахстана.
24 ноября. А. Я. Щетенко. Раскопки на Теккем-Дене в 1972 г.
15 декабря. А. М. Боленицкий. Раскопки древнего Пенджикента в 1972 г.
22 декабря. Обсуждение диссертации И. С. Масимова «Изучение гончарного производства эпохи бронзы в Южном Таджикистане».
25 декабря. И. К. Кожомбердиев. Сакские памятники Кетмень-Тюбе; А. А. Абетеков. О случайных находках эпохи бронзы и скифского времени в Киргизии.

1973 г.

- 5 января. А. Я. Щетенко, Ш. Р. Пидаев, К. Сабиров. Раскопки в Северной Бактрии.
12 января. С. С. Черников. Социальный строй ранних кочевников Восточного Казахстана и их политическая история.
19 января. И. Н. Хлопин. Раскопки могильника Сумбар в 1972 г.

- 26 января. А. А. Аскаров. Продолжение раскопок на Сапалли-Тепе.
 16 февраля. Г. А. Помаскина. Наскальные изображения Иссык-Кульской котловины.
 28 февраля. И. Б. Бентович. Ткани и одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стених росписей VI—VIII вв.).
 2 марта. Г. Б. Здавич. Стратиграфия поселения Новоникольское I и относительная хронология керамических комплексов эпохи бронзы североказахстанского Прииршима.
 9 марта. О. Г. Большаков. О раскопках Ярм-Тепе I (Ирак).
 30 марта. О. В. Обельченко. Культура древнего Согда (по материалам раскопок курганов VII в. до н. э.—VII в. н. э. в долине Зеравшана).
 20 апреля. В. М. Массоп. Раскопки Алтын-Депе в 1972 г.
 4 мая. С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции в 1972 г.
 11 мая. Обсуждение работы С. С. Черникова «Ранние кочевники Восточного Казахстана».
 20 октября. В. М. Массоп. К семантике золотой головки быка из Алтын-Депе.
 16 ноября. И. Б. Бентович. Музыкальные инструменты по данным росписей Пенджикента.
 30 ноября. Обсуждение работы А. Я. Щетенко «Индия и Пакистан в III—II тыс. до н. э.».
 7 декабря. А. М. Беленицкий. Авары и Средняя Азия; обсуждение работы И. Н. Хлопина «Очерки по идеологии древних земледельцев Южного Туркменистана».

Отдел Востока Государственного Эрмитажа

1972 г.

- 12 февраля. Б. И. Маршак. Об одной группе согдийских терракот.
 15 марта. Отчет Т. И. Зеймаль о работах на Аджина-Тепе.
 11 мая. А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак. Результаты раскопок в Пенджикенте в 1971 г.
 26 мая. С. С. Сорокин. Проблема формирования и эволюции искусства ранних кочевников Азии.
 31 мая. Информация Е. А. Мончадской о ходе работ над аптичными источниками по этнотопонимике Средней Азии.
 25 октября. С. С. Сорокин. Использование перфокарт с краевой перфорацией в Эрмитаже.
 23 ноября. В. Г. Луконин. Изучение памятников древней культуры Таджикистана в Эрмитаже; Б. И. Маршак. Древний Пенджикент; Т. И. Зеймаль. Раскопки в Южном Таджикистане буддийского монастыря Аджина-Тепе.
 20 декабря. С. С. Сорокин. Симметрия в искусстве ранних кочевников Азии.

1973 г.

- 17 мая. А. М. Беленицкий. Древнейшее изображение осадных машин в Средней Азии; О. И. Смирнова. Об одном местном чекане домусульманского Согда; Б. Я. Ставиский. Древность или средневековье? (О культуре и искусстве Средней Азии в V—VIII вв.); Н. В. Дьяконова. Сюжет «сукхавати» в ранних пещерах Туяк-Мазарского комплекса; Л. С. Бретаницкий. А. Ю. Якубовский и изучение архитектурного наследия средневекового Востока.
 18 мая. Б. И. Маршак. Серебряные чаши X—XI вв.; М. Г. Крамаровский. О ранних истоках золотоордынского искусства; Г. Н. Балашова. Два кувшина со штампованным орнаментом из Мупчак-Тепе; А. А. Иванов. О бронзовых изделиях из мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви.
 27 июня. Обсуждение диссертации М. Г. Крамаровского: «Торевтика Золотой Орды XIII—XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа)».

Отдел истории первобытной культуры

1972 г.

- 11 мая. Н. Г. Горбунова. Работы Ферганской экспедиции в 1971 г.
 17 мая. Т. Г. Оболдуева. О датировке оборонительных сооружений Эйлатана; Ю. А. Заднепровский. Эйлатан и Шурабашат; Н. Г. Горбунова. Что знали о Фергане античные авторы.
 24 ноября. Н. Г. Горбунова. Древняя Фергана по сведениям китайских авторов.

1973 г.

- 16 мая. Н. Г. Горбунова. Поселения Ферганы первых веков новой эры; Ю. Ю. Пиотровский. Арсифский могильник эпохи бронзы в Фергане.

1973 г.

- 18 января. Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма.
 23 января. Н. Н. Вактурская. Средневековые сельские поселения пизовьев Сырдарьи.
 15 марта. А. И. Оськин. О наскальных изображениях Букаптау.
 22 марта. Обсуждение докладов к отчетно-экспедиционной сессии, посвященных работам на могильнике Тумек-Кичиджик: В. А. Шнирельман. О неолитических погребениях; Б. И. Вайнберг. О захоронениях, куксайской культуры.
 29 марта. Ю. А. Рапопорт. Космогонические сюжеты на древнехорезмийских сосудах; Р. Л. Садоков. Музыкальные ансамбли древней Средней Азии (по памятникам изобразительного искусства).

Сектор археологии Института истории АН КиргССР

1973 г.

- 17 января. Обсуждение работы П. П. Гаврюшенко «Куланчакское укрепленное поселение. (К истории Восточной Ферганы второй половины I тыс. до н. э.)».
 14 марта. А. Г. Макситов. Об археологических исследованиях на территории Башкирии и Южного Урала.
 22 марта. Обсуждение статей Е. З. Зауровой «Дворцовое здание XIV—XV вв. на городище Акчий в долине Кетмень-Тюбе» и Д. Ф. Винника «Резиденция феодала VI—VIII вв. в местности Отуз-Адыр».
 27 марта. П. П. Гаврюшенко. О схеме классификации средневековой керамики Киргизии.
 16 мая. Обсуждение первой главы книги С. М. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи».
 26 мая. О. Берсалиев. Отчет о полевых исследованиях 1971 г.; В. П. Мокрынин, П. П. Гаврюшенко. Курганы сакского времени в долине рек Тои и Туурасу; П. П. Гаврюшенко. Некрополи городищ Хан-Дюбе и Бейтеке.
 2 декабря. Обсуждение докладов к конференции по скифо-сарматской проблеме: А. А. Абетеков. Некоторые мотивы скифского звериного стиля в находках Киргизии; И. К. Кожомбердиев. Памятники сакского звериного стиля на территории Киргизии; В. П. Мокрынин. О традициях звериного стиля в ранне-средневековом искусстве Тянь-Шаня.
 11 декабря. В. Д. Горячева, Е. З. Заурова. Археологическое изучение узгенских мавзолеев; Е. Б. Пругер. Ферганская бирюза; М. Б. Юнусалиев. О работе совещания по каменному веку Средней Азии и Казахстана; П. П. Кожемяко. Сообщение о работе Научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана.
 18 декабря. М. Б. Юнусалиев, В. А. Ранов. Предварительные результаты исследования мусьерской стоянки Тоссор; В. Д. Горячева. Отчет о полевых исследованиях 1972 г.; О. Берсалиев. О научной командировке в Москву и Ленинград для изучения материалов по древней ирригации.

Сектор археологии Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР

1972 г.

- 27 января. Х. Ю. Мухитдинов. Отражение материальной культуры эпохи Саманидов в стихах Рудаки.
 4 февраля. В. А. Ранов. Раскопки стоянки Огзи-Кичик; В. А. Хмельницкая. О работе инспекции по охране памятников.
 18 февраля. Х. Ю. Мухитдинов. Новые памятники эпохи бронзы в пизовьях Кызылсу; А. Абдуллаев. Раскопки в Гиссарском районе; В. А. Ранов. Сообщение о новых работах по археологии Афганистана.
 3 марта. В. А. Жуков. Стоянки каменного века Памира и их палеогеография; В. А. Ранов. Новая литература по археологии Средней Азии.
 14 марта. Г. Ф. Коробкова. Локальные различия в хозяйстве раннеземледельческих обществ; А. Юсупов. Разведки стоянок каменного века в Яванской долине.
 20 марта. В. М. Массон. Изучение обмена и торговли первобытной эпохи.
 4 апреля. Е. П. Денисов. Раскопки на Кафир-Кале в 1971 г.; В. А. Ранов. Новая книга по кушанской археологии Средней Азии и Афганистана.
 2 июня. Х. Ю. Мухитдинов. О работах Шаартузского отряда в 1972 г.
 17 октября. И. В. Пьяшков. Хорасмий Гекатея Милетского.

- 16 ноября. В. А. Ранов. Совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана.
 30 ноября. Б. А. Литвинский. Новые работы в Южном Таджикистане.
 7 декабря. Л. Т. Пьянкова. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка.

1973 г.

- 4 января. Т. П. Кияткина. Антропология Алтып-Дене.
 28 февраля. В. А. Ранов. Палеолит Средней Азии и прилегающих районов; Ю. Я. Якубов. О работах Зеравшанского отряда в 1972 г.
 28 февраля. В. А. Ранов. Палеолит Индии; Э. Г. Гулямова. Резной шток из Сайёда.
 23 марта. И. В. Пьянков. Сырдарья в источниках древних авторов; М. А. Бубнова. О работах Памирского отряда в 1972 г.
 25 апреля. М. А. Бубнова, Т. П. Кияткина, Х. Ю. Мухитдинов, Ю. Я. Якубов. Проблемы среднеазиатской археологии. (О Всесоюзной годичной археологической сессии в Самарканде).
 11 мая. Х. Ю. Мухитдинов. Средневековые погребальные сооружения в Пиандже.
 12 июня. В. С. Соловьев. Результаты раскопок на городище Кафир-Кала.
 24 августа. С. П. Поляков. О полевых работах в кишлаке Пушинг Дангаринского района.
 22 октября. Б. А. Литвинский. О перспективах работы Южно-Таджикистанской археологической экспедиции.
 22 ноября. В. А. Ранов. Индия глазами туриста.
 6 декабря. Е. П. Денисов. Глиняная печать из Дангаринского района.
 21 декабря. И. В. Пьянков. Путешествие Аристея; В. А. Ранов. Сообщение о книге французских археологов «Мустьерский грот Ортюс».

Сектор истории культуры Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР

1972 г.

- 22 февраля. А. Э. Негмати. Навруз и его изучение; В. Л. Хмельницкая. О состоянии охраны и реставрации памятников Северного Таджикистана.
 21 апреля. Г. А. Федоров-Давыдов. Археологическое изучение Золотой Орды.
 16 мая. А. Мирбабаев. Медресе города Ходжента.
 21 июля. Обсуждение работы Н. Н. Негматова и В. М. Соколовского «Капитолийская волчица в Таджикистане и легенды Евразии».
 24 октября. Н. Н. Негматов, Э. В. Кильчевская. Калайбаладский клад бронзовых и медных изделий; обсуждение статьи А. Мирбабаева «Некоторые соображения о возникновении медресе».
 17 ноября. Е. Д. Салтовская. Предварительные итоги раскопок курумов и курганов Дешти-Ашт.
 24 ноября. Обсуждение словника Таджикской советской энциклопедии.

1973 г.

- 12 января. Обсуждение монографии П. П. Негматова «Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.)».
 30 марта. А. Э. Негмати. Навруз в древности.
 19 апреля. А. Э. Негмати. Навруз в раннем средневековье; обсуждение работы М. М. Ашрафи «Бухарская школа миниатюрной живописи 40—70-х годов XVI в.».
 28 апреля. Б. Я. Ставиский. О раскопках 1973 г. на Кара-Тепе.
 24 мая. Е. Д. Салтовская. К вопросу об этнокультурных взаимоотношениях Западной Ферганы и Усрушаны.
 8 июня. Обсуждение монографии У. П. Пулатова «Чильхуджра». (Материальная культура Усрушаны. В. III).
 7 сентября. В. М. Соколовский. О реставрации и технологии живописи Шахристана.
 16 октября. П. Т. Самойлик. Об итогах изучения древней керамики Усрушаны.
 7 декабря. Н. Н. Негматов. О периодизации и опыте изучения городов Таджикистана (к постановке вопроса).

Сектор археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР

1972 г.

- 16 ноября. Отчеты о работе археологических отрядов под руководством Е. А. Атагарыева, Д. Д. Дурдыева, В. Н. Пилишко, Х. Ю. Юсупова.
 13 декабря. Отчет Н. Е. Булгаковой о проделанной работе за период с 1966 по 1972 г.

1973 г.

- 29 января. О. К. Бердыев, Е. А. Атагарриев. Информация о ходе работ по теме «Археологическая карта Туркменистана».
- 14 марта. Обсуждение статьи Х. Ю. Юсупова «О городе Балхп и гавани ал-Бухейре».
- 25 мая. Е. А. Атагарриев. 1) Информация о результатах обследования памятника средневековья — Дашлыджа-Депе; 2) Отчет о командировке в МНР на симпозиум ЮНЕСКО.
- 22 июня. Х. Ю. Юсупов. Итоги весеннего полевого сезона работ на курганных памятниках северо-запада Туркмении.
- 13 августа. Обсуждение монографии В. П. Пилипко «Поселения Северной Парфии».
- 12 сентября. В. М. Массон. К вопросу о культе лунного божества в Южном Туркменистане в эпоху бронзы.
- 22 октября. Отчет Г. Гутлыева о научной работе за период с 1970 по 1973 г.; Х. Ю. Юсупов. Итоги осеннего полевого сезона работ в Западном Туркменистане.
- 23 ноября. Обсуждение рукописи сборника «Каракумские древности», в. VI; обсуждение монографии И. С. Масимова «Ремесленный квартал Алтын-Депе».

Кафедра археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина

1972 г.

- 1 марта. С. Б. Лунина. Культурные связи средневекового Мерва; Н. И. Крашенинникова. К вопросу о северных пределах Шахи-зидидского кладбища.
- 14 марта. Н. И. Крашенинникова. Хронология и стратиграфия городища Старая Ниса.
- 29 марта. В. И. Раец. О некоторых группах археологических памятников; Е. Б. Пругер. Из истории добычи талька в Узбекистане; С. Б. Лунина. Отчет о научной командировке в Ленинград.
- 3 апреля. Э. В. Ртвеладзе. К истории ферганских Саманидов; Б. Д. Кочнев. Некоторые вопросы серебряного обращения в Средней Азии в XVII в.; А. Сагдуллаев. Характеристика культурного слоя городища Кизил-Тепе.
- 5 июня. Е. Некрасова. Раннеантичная керамика с Дальверзин-Тепе; Т. Гувели. Подземная поливная керамика Алтын-Тепе.
- 6 июня. Р. Слепакова. Стратиграфия Kitabской крепости по материалам нижних слоев; О. Дубов. Стратиграфия городища Афрасиаб в пределах первой городской стены; У. Рахманов. Центральный раскоп на городище Алтын-Тепе.
- 9 июня. Т. Мела. Керамика Китаба XVIII—начала XX в.; С. Удалов. Стратиграфия центральной части Китаба; В. Минасянц. Устройство крепостных стен Эрк-Калы сасанидского времени.
- 14 июня. Н. И. Крашенинникова. Отчет о научной командировке в Москву.
- 17 сентября. С. Б. Лунина. Терракотовые средневековые игрушки Старого Мерва; Н. П. Столярова. Об археологических работах в древнем Дербенте.
- 1 октября. В. Н. Пилипко. Археологические раскопки на поселении Гарры-Кяриз в Южной Туркмении; Х. Ахунбабаев. О раскопках в Бухарской области.
- 2 декабря. Заседание, посвященное 75-летию со дня рождения академика АН ТуркмССР профессора М. Е. Массона; Г. Я. Дресвянская. Слово о юбилере; Н. И. Крашенинникова. Строительные материалы и приемы строительства Старой Нисы; А. Сагдуллаев. Об археологических работах в Сурхандарьинской области в 1972 г.
- 12 декабря. С. Б. Лунина. Годовой отчет о научной работе кафедры.

1973 г.

- 7 марта. З. И. Усманова, Г. Я. Дресвянская. Новые данные к археологической карте среднего течения Кашкадарьи.
- 12 мая. А. Сагдуллаев. Некоторые итоги археологических исследований в Северной Бактрии; В. Зотов. Раскопочные работы на центральном бугре Алтын-Тепе; В. Тихомиров. Археологические работы в пригороде Алтын-Тепе.
- 16 мая. Э. Джораев. Античные печи Дальверзин-Тепе; О. Дильмухамедов. Средневековое городище Талгар.
- 28 мая. А. Трофимов. Раскопки 1971—1972 гг. на Кумышкент-Тепе; Д. Матъякубов. Крепостная стена бекской калы Китаба.
- 28 ноября. З. И. Усманова. Работы в Мерве осенью 1973 г.; С. Б. Лунина. Раскопки на Алтын-Тепе.
- 6 декабря. С. Б. Лунина. Годовой отчет о научной работе кафедры; Н. И. Крашенинникова. Работы по составлению археологической карты Kitabского района Кашкадарьинской области.

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

В августе 1973 г. открылся Музей археологии в Алма-Ате. С его организацией качественно изменился уровень пропаганды исторических знаний, расширился фронт научных исследований по археологии, улучшились условия хранения и обработки археологических материалов. Основная задача музея — показать развитие человеческого общества на территории Казахстана с древнейших времен до эпохи позднего средневековья. Экспозиция музея состоит из четырех больших разделов, внутри которых материал систематизирован по регионам и хронологическим этапам.

Первый раздел посвящен памятникам каменного века. Экспонируются каменные орудия нижнего, среднего и верхнего палеолита, каменная индустрия неолитического времени. Следующий раздел музея отведен памятникам эпохи бронзы (андроновская культура). Инвентарь могильников Тау-Тары (Южный Казахстан) и Кара-Кудук (Семиречье) раскрывает особенности андроновской культуры в южных и юго-восточных регионах республики. Третий раздел музея охватывает период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. (эпоха раннего железного века). Центральный Казахстан представлен памятниками тасмолинской культуры. Наиболее полно дана сакская культура Семиречья (оружие, орудия труда, украшения, макет погребальной камеры из Бешшатырского могильника). В этом же разделе демонстрируются материалы раскопок кургана Иссык. Уникальна реконструкция одежды и головного убора из кургана. Нашивные бляшки, пластины головного убора, бляхи наборного пояса являются гальванокопиями. Подлинники хранятся в специальной кладовой. Скульптурные портреты сака и усуня выполнены М. М. Герасимовым. Четвертый раздел музея занимают памятники средневековья: керамика, стекло, изделия прикладного искусства средневековых городов — Отрара, Тараза, Алматы, Талгара, Жаксылыка, Каратумы, Актобе и Баба-Аты.

Архитектура и строительное искусство Казахстана в период средневековья представлены серией фотографий, среди которых аэрофото Саурана и Бузука. Имеются два макета мавзолеев Айша-Биби и Ходжа Ахмада Ясеви.

Изделия прикладного искусства казахов XIX—XX вв. — серьги, браслеты, перстни, наборные пояса, седла — свидетельствуют о традициях преемственности в материальной культуре населения Казахстана.

СОЗДАНИЕ СЕКТОРА ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

В феврале 1971 г. в Институте истории им. А. Дониша АН ТаджССР создан Сектор истории культуры. Заведующим назначен доктор исторических наук П. Н. Пегматов.

В настоящее время Сектор занимается двумя крупными темами: «Северотаджикский историко-культурный регион» и «Формирование таджикского народа и его культуры». В рамках первой многолетней темы Сектор проводит широкие стационарные полевые исследования в Северном Таджикистане. Разрабатываются проблемы изучения исторической географии и общей динамики экономического, социального и культурного развития трех древних и средневековых историко-культурных областей: Усрушаны, Ходжента и Западной Ферганы. Изучаются историческая топография, экономическая структура и материальная культура древних и средневековых городов: Ходжента, Ура-Тюбе, Бунджиката, Канибадама, Исфары и Ширина. Исследование сельских поселений проводится путем раскопок комплексов Актепа, Дунгчатепы, Тудан-Хурд и Тудан-Калон, Хоняйлов. Для выяснения истории ирригации Усрушаны осуществлены сплошные разведочные и частично раскопочные работы в зонах основных оросительных систем бассейнов рек Шахристансай, Гасмандасай, Каттасай, Аксу и др. Изучается архитектура и искусство Усрушаны. Исследуются позднесредневековые крепости. Ведется широкое историко-археологическое и архитектурное изучение медресе Северного Таджикистана.

По материалам археологических раскопок и письменных источников завершается написание серии книг по истории и культуре городов Ленинабада, Капибадама, Ура-Тюбе и др. В серии «Материальная культура Уструшаны» или в виде отдельных монографических исследований уже опубликован или сдан в печать ряд работ сотрудников Сектора.

Сектор занимается также рядом других тем историко-культурного плана, такими как исследование средневековой миниатюры, народных празднеств (навруз и др.), вопросы культуры и семьи таджикских рабочих. Работа Сектора координируется Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана и Научным советом по истории мировой культуры АН СССР.

ОБРАЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ УЗБЕКИСТАНА

В марте 1967 г. в Узбекистане состоялся учредительный съезд новой общественной организации — Общества охраны памятников Узбекистана.

К настоящему времени в Узбекистане известно более 5000 памятников материальной культуры, поэтому Общество уделяет большое внимание изучению археологических объектов и организации их пропаганды. Интересной формой сотрудничества Общества и научных организаций явилось создание Республиканской археологической секции Общества под председательством академика Я. Г. Гулямова и ее филиалов в областях. В состав секции входят специалисты Института археологии АН УзССР, Института истории языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР, Института искусствоведения Министерства культуры УзССР, Музея истории народов Узбекистана, Ташкентского университета им. В. И. Ленина и Самаркандского университета им. А. Навои, ряда местных музеев, а также археологи Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Хорезмской археологической экспедиции Института этнографии АН СССР, Государственного Эрмитажа, ведущие исследования на территории Узбекистана. К работе секции привлекаются краеведы, историки, преподаватели школ и целые краеведческие коллективы.

На настоящем этапе основной задачей секции является составление археологической карты Узбекистана. Исследования проводятся на средства, выделяемые Обществом, а Республиканская секция служит координационным центром.

К настоящему времени подготовлена и выпущена археологическая карта Ташкентской области (исполнители — Ю. Ф. Бурыков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев, под ред. академика Я. Г. Гулямова). Завершается работа по составлению карты Хорезмской (В. Н. Ягодина), Кашкадарьинской (Р. Х. Сулейманов, С. Б. Лунипа, Т. Я. Дресвянская), Сурхандарьинской областей (Г. А. Пугаченкова, А. А. Аскаров, Э. В. Ртвеладзе). Проводится составление карты Самаркандской (Ш. С. Ташходжаев, Т. Б. Беляева, Ю. Ф. Бурыков, О. М. Ростовцев), Бухарской (А. Р. Мухамеджапов, П. В. Валиев, Т. Мирсаатов), Ферганской (У. И. Исламов, Н. Г. Горбунова), Андижанской (Ю. А. Заднепровский, Б. Абулгазиева), Джизакской (Н. Б. Немцева), Наманганской областей (И. Ахбаров, Ю. А. Заднепровский). Материалы археологической карты будут использованы в археологических разделах «Свода памятников культуры Узбекистана».

ИЗ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Новая палеолитическая стоянка Каратау I в Южном Таджикистане

Хребет Каратау, отделяющий Яванскую долину от узкого, глубоко врезанного ущелья р. Вахш, хорошо известен специалистам, изучающим лёсс.

В 1972 г. в одной из канав, расчищенных на склонах и водораздельном гребне Каратау, на глубине 64 и 68 м от кровли опорного разреза Каратау I А. А. Лазаренко были обнаружены два каменных изделия. Первое из них — острие, изготовленное из короткого массивного отщепца, сохраняющего на спинке первичную, оглаженную поверхность гальки, а на брюшке обработанного серией уплощающих сколов, идущих от краев к центру. Вторая находка является отщепом, также сня-

тым с речной галькой. Именно место первой находки и было выбрано для проведения раскопок, которые осуществлялись в октябре 1973 г. отрядом по изучению каменного века Южно-Туркменистанской археолого-этнографической комплексной экспедиции (пачальник объекта — В. Ф. Зайберт, начальник отряда — В. А. Ранов).

Стоянка, получившая название Каратау I, находится в северной части хребта в 1 км к востоку—юго-востоку от кишлака Утогаи (расположенного в 2 км к югу от развилки дороги от Явна на Душанбе и Нурек). Абсолютная высота Каратау здесь около 1760 м, а уреза р. Вахш 600 м. Раскоп высотой около 1720 м связан с приводораздельной частью юго-восточного (вахшского) склона Каратау и расположен в левом борту большого оврага Юргай-Дара, вскрывающего не только лёссовую толщу (более 100 м), но и подстилающие ее коренные породы палеогена (голубоватые глины, серые известняки). Раскоп (11×3×3 м) приурочен к нижней, наиболее развитой почве пятого педокомплекса и находится ниже водораздельного гребня примерно на 45 м. В то же время вследствие наклона указанного педокомплекса, как и всей лёссовой толщи, на запад истинная мощность лёссовой толщи, залегающей над раскопом, оказалась равной 62 м. По вертикали раскоп вскрывает основную, темноокрашенную часть (мощностью до 2,7 м) отмеченной погребенной почвы, представленную очень плотной глинистой породой красновато-коричневого цвета. В основании раскопа лежит плотная известковая корка (до 10 см), венчающая пыльный, белесый иллювиально-карбонатный горизонт (общей мощностью до 0,95 м) этой же погребенной почвы.

Каменные изделия были обнаружены по всей площади раскопа на разных его уровнях, преимущественно на среднем. Находки расположены в почвенном слое небольшими группами, не образуя, однако, значительных концентраций. В лёссе, покрывающем почву, находок не найдено, за исключением нескольких мелких кремневых чешуек, выявленных отмывкой. При расчистке стенок раскопа и разработке материала почвы были встречены крупные угли, небольшая липза покраснения (следы очага?), а также буровато-серая, несколько темнее вмещающей почвы полоса шириной до 10 см, протянувшаяся по всей длине раскопа (культурный слой?). В целом же пока трудно сказать, захватил ли раскоп участок неразмытого культурного слоя (периферическая часть стоянки?) или же найденные изделия переотложены. Никаких фаунистических остатков, к сожалению, пока не найдено.

Коллекция, полученная в результате раскопок 1973 г. и изученная В. А. Рановым, сравнительно небольшая (всего 54 предмета), но все же она дает возможность составить представление о характере археологических находок стоянки Каратау I.

Первичным материалом многих изделий служили хорошо окатанные гальки, очевидно речные. Петрографический состав их довольно однообразен: это темно-серые, с зеленоватым или синеватым оттенком изверженные и метаморфические породы. Подобный материал встречается в аллювии р. Вахш, а также некоторых рек, берущих начало с Гиссарского хребта. В районе Каратау местных источников такого материала нет. Это же, по всей вероятности, касается и кремния, изделий из которого встречено очень мало.

Подавляющее большинство находок — отщепы и их осколки. Бросается в глаза отсутствие сколько-нибудь хорошо выраженных нуклеусов или их обломков. Основной техникой раскалывания гальки было расщепление без специальной подготовки площадки для скалывания, поэтому на многих отщепах сохранились участки первичной, оглаженной поверхности — на ударных площадках или на спилках. Это хорошо известная в горных районах Средней Азии «галечная» техника, дающая в отдельных случаях не отщепы, а осколки с утолщенным основанием. Они описаны в специальной литературе как результат специфических приемов раскалывания гальки, которые на западе имеются техникой «цитрус» (quartier d'orange — «долька апельсина» — Северная Африка, Вертешселеш, погтийская группа памятников и т. д.).

Основная группа находок, кроме нескольких отщепов, имеет небольшие размеры (средняя длина 5—6 см). Вторичная обработка встречается редко, и типологически хорошо выраженных орудий, кроме двух галечных чопперов, не обнаружено. Можно отметить несколько острий, концы которых обработаны не ретушью, а гладкими сколами, скребки с неустойчивым рабочим краем (рис. 28).

Датировать коллекцию стоянки Каратау I археологическими методами пока очень трудно. Можно только сказать, что по своему облику, технике раскалывания и характеру вторичной обработки она ближе всего к позднесоанской индустрии Индии и Пакистана. Большое сходство найденные предметы обнаруживают и с каменной индустрией гиссарской культуры, сохраняющей в технике обработки камня древние пережитки вплоть до неолитического времени. По предварительным данным термолюминесцентного метода (определения В. Н. Шовкопляса), возраст пачки погребенной почвы в лёссовой толще, к которой приурочена стоянка, — 200—250 тыс. лет. Этой датировке не противоречит и общая геологическая ситуация в районе хребта Каратау. Таким образом, у нас есть все основания считать стоянку Каратау I самой древней лёссовой стоянкой не только в Средней Азии, но и

в СССР. Отдельные находки палеолитических изделий в ряде других разрезов лёссовой толщи на современном водоразделе Каратау подчеркивают перспективность намечающихся здесь стационарных археологических исследований.

А. А. Лазаренко, В. А. Ранов

Поселение неолитических земледельцев Гиевджик-Депе в Южном Туркменистане

Поселение Гиевджик было открыто сотрудником Сектора археологии Института истории АН ТуркмССР В. Н. Пилипко. Им же произведены сборы подъемного материала и шурфовка памятника. Последний расположен на вершине естественного холма в 61 км южнее шоссе Ашхабад—Красноводск и в 20 км к западу от Гюек-Депе. Разведочный шурф, заложенный на месте поселения, но не доведенный до материка, позволил вскрыть два культурных комплекса. Верхний дал материалы времени позднего Намазга II, нижний, мощностью более 1.4 м, включал кремневые изделия джейтунского облика. Последние и явились предметом трассолого-типологического исследования, проведенного автором.

В коллекции кремневых находок из Гиевджика 122 предмета. Это орудия, обломки пластин и отщепов, пуклеус. Сырьем для изготовления орудий служил типичный для джейтунской культуры кремнь коричневатого-медового цвета. Характер заготовок и приемы вторичной обработки также типично джейтунские. Преобладают призматические пластины средних размеров ($2.5-4.1 \times 0.8-1.2$ см) — 84 экз., или 68.9% от общего количества изделий (рис. 29, 1). Второе место занимают микропластины ($1.2-3.4 \times 0.5-0.7$ см) — 19 экз. (15.5%). Третье — мелкие отщепы ($0.8-1.5 \times 0.6-1.2$ см) — 15 экз. (12.3%). Эпизодически представлены заготовки в виде крупных пластин ($3.5-4.8 \times 1.5-1.7$ см) — 3 экз. (2.5%). В основу типологии вторичной обработки положены характер ретуши и способы ее нанесения. Изделий с признаками ретуширования обнаружено 48 экз. (39.3%), без вторичной обработки — 73 экз. (60.7%). Выделено семь типов ретуши (рис. 29, 2): 1) затупливающая, нанесенная по одному продольному краю со стороны спинки, — 4 экз. (8.3%); 2) затупливающая, нанесенная по двум продольным краям со стороны спинки, — 16 экз. (33.3%); 3) затупливающая на скошенном конце — 7 экз. (14.6%) [следует выделить два подтипа: а) затупливающая на скошенном конце и противоположащая на двух продольных краях — 3 экз. (6.2%) и б) затупливающая на скошенном конце и двух продольных краях, нанесенная со стороны спинки, — 1 экз. (2.075%); 4) противоположащая на двух продольных краях — 6 экз. (12.5%); 5) круговая ретушь, нанесенная со стороны спинки, — 5 экз. (10.3%); 6) зубчатая ретушь на двух продольных краях — 4 экз. (8.3%); 7) двусторонняя ретушь, нанесенная по двум краям, — 2 экз. (4.15%). Таким образом, наиболее распространенным видом ретуши в индустрии Гиевджика следует назвать затупливающую одностороннюю, нанесенную по двум, реже одному краю. Характерным типом является мелкая затупливающая ретушь, оформляющая верхний скошенный конец пластин.

В индустрии Гиевджика можно выделить три класса: А — класс орудий — 50 экз. (41.3%; рис. 29, 3); Б — класс пластин и отщепов без ретуши — 71 экз. (58.7%); В — класс нуклеусов — 1 экз. (0.8%). В свою очередь класс состоит из групп, типов и подтипов (см. таблицу).

В классе орудий выделено 7 групп, 17 типов и 13 подтипов (рис. 29, 4).

Итак, согласно типологической характеристике каменного инвентаря из Гиевджика, наиболее представительной группой являются пластины с видимой первооружепным глазом зеркальной заполировкой. Второе место занимают выемчатые орудия и скребки.

Трассологический анализ этого же материала во многом уточнил и дополнил типологическую характеристику. Функциональная классификация позволила выделить 11 групп изделий: 1) вкладыши серпов — 30 экз.; 2) скобели для обработки дерева — 13; 3) резчики-скобели — 4; 4) скребки — 16; 5) вкладыши ножей — 24; 6) сверла — 5; 7) проколки — 2; 8) пилки — 1; 9) геометрические микролиты без следов использования — 2; 10) пластины без следов использования — 19; 11) отщепы без следов использования — 6 экз. Таким образом, количество орудий увеличилось почти вдвое — 80.2% (рис. 29, 5). Изменился состав орудий и их процентные соотношения (рис. 29, 6). Наиболее представительными группами оказались вкладыши серпов и ножей (соответственно 30.9 и 24.7%). Третье и четвертое места заняли скребки и скобели (16.5 и 13.4%). Выделились новые группы — ножи, резчики-скобели, пилки; новые типы — боковые скребки, однолезвийные и двухлезвийные ножи, орудия, изготовленные на излопаченных вкладышах серпов, и т. д. В подразделениях функциональной классификации учитывались также количество изделий с одним лезвием, двумя, круговым, концевым и характер лезвий.

Название групп, типов, подтипов	Количество
А. Орудия	
I. Пластины с видимой зеркальной заполировкой (серпы)	18 (36)
1. Со скошенным ретушью краем	4 (8)
2. С зубчатым краем	3 (6)
3. С односторонней краевой ретушью со стороны спинки	6 (12)
3а. На двух продольных краях и скошенном конце	2 (4)
3б. На одном продольном краю	3 (6)
3в. На двух продольных краях	1 (2)
4. С противолежащей ретушью	5 (10)
4а. На двух продольных краях	3 (6)
4б. На двух продольных краях и скошенном конце	2 (4)
II. Выемчатые пластины	10 (20)
5. С односторонней краевой ретушью со стороны спинки	9 (18)
5а. На одном лезвии	1 (2)
5б. На двух продольных краях	8 (16)
6. С противолежащей ретушью на двух краях	1 (2)
III. Острия или сверла	5 (10)
7. В виде стержня	4 (8)
7а. С противолежащей ретушью на двух краях	2 (4)
7б. С двусторонней краевой ретушью на двух продольных краях	2 (4)
8. Со специально выделенным острием	1 (2)
IV. Проколки	1 (2)
9. В виде стержня с односторонней краевой ретушью	1 (2)
V. Скребки	9 (18)
10. Микроскребки	7 (14)
10а. Подчетырехугольной формы	2 (4)
10б. Миндалевидной формы	1 (2)
10в. Округлой формы	3 (6)
10г. Подтреугольной формы	1 (2)
11. Концевые	2 (4)
VI. Пластины с ретушью	5 (10)
12. Односторонней краевой со стороны спинки по двум краям	1 (2)
13. Зубчатой со стороны спинки по двум продольным краям	1 (2)
14. Односторонней краевой со стороны спинки по скошенному концу	2 (4)
15. Противолежащей по двум краям	1 (2)
VII. Геометрические микролиты	2 (4)
16. Трапеция асимметричной формы укороченных пропорций	1 (2)
17. Треугольник асимметричной формы укороченных пропорций	1 (2)
Б. Пластины и отщепы без ретуши	
I. Пластины	59 (83)
1. Средние	51 (71.8)
2. Микропластинки	8 (11.2)
II. Отщепы	12 (17)
3. Мелкие	12 (17)
В. Нуклеусы	
I. Конусовидной формы	1 (100)
1. С круговым скалыванием	1 —

Примечание. Во второй графе в скобках — проценты по классам.

Как свидетельствует гистограмма типологической и функциональной классификации орудий (рис. 29, 4, 6), построенная на основании выделения групп, типов и подтипов с учетом их процентных соотношений, ее спектр полностью соответствует аналогичным спектрам, составленным по данным индустрий среднего этапа джейтунской культуры, например верхнего комплекса Чопан-Депе (рис. 29, 7, 8). Все вышеизложенное позволяет говорить о типологическом и хронологическом сходстве индустрии Гиевджика с индустриями среднего периода джейтунской культуры и, стало быть, об отнесении первой к этому же периоду. Данные функциональной гистограммы орудий Гиевджика (рис. 29, 6) и Чопан-Депе (рис. 29, 8) служат прекрасным доказательством экономического единства джейтуновских племен, основой хозяйства которых было земледелие и скотоводство, а в домашних промыслах преобладали выделка шкур и обработка дерева. Лишь в экономике некоторых поселений джейтунской культуры можно наблюдать отдельные локальные изменения хозяйственного порядка. В целом комплекс Гиевджика полностью соответствует комплексу позднего Чопан-Депе.

Трассолого-типологический анализ каменной индустрии раздвигает рамки узкоформального исследования и является одним из важных компонентов изучения данного конкретно-исторического явления.

Г. Ф. Коробкова

Новые памятники эпохи бронзы Южного Туркменистана

В 1972—1973 гг. было обследовано поселение эпохи бронзы в Ашхабадском районе близ Новой Нисы, в 900 м к востоку от парфянского святилища Мансур-Депе. Статистический подсчет материала с площади 200 кв. м (около 2500 фрагментов) показывает, что основная часть изделий (48%) — сосуды столовых видов из красновато-коричневой глины, 20,5% составляет сероглиняная черноангобированная керамика, почти лишенная прочерченного орнамента. Весьма характерно появление светлоглиняной тонкостенной круговой керамики, свойственной периоду Намазга V (10%), а также практическое отсутствие расписной посуды — на всей площади памятника найдено лишь два таких обломка.

Из отдельных находок отметим небольшие двусторонние сероглиняные печатки (?) в виде коцентрических чашечек-розеток. Многочисленны женские статуэтки. У многих из них на плечах есть налесьи. Двум фигуркам приданы черты гермафродита. Интереснейшие из находок — две керамические печатки: одна в виде мальтийского креста, другая в виде косого креста.

Топосъемкой границ массовых находок керамики выявлена приблизительная площадь объекта — 6,8 га. Мощность культурного слоя, с учетом имеющихся наблюдений, более 2 м.

Аналогичный по материалу памятник пайден в 1972 г. археологом-любителем А. Пенжиевым на территории колхоза «Мир» Геок-Тепинского района, в 200—300 м к юго-западу от Караул-Депе. Здесь наряду со светлоглиняной керамикой обнаружены типичные для времени Намазга V вазы, кубки и ваз, выполненные из красновато-коричневой глины. Площадь объекта примерно такая же, как и первого.

Общий облик материалов позволяет отнести памятники к самому концу периода Намазга IV, однако можно проследить зарождение и становление элементов, присущих периоду Намазга V. Важной чертой этого периода является прекращение жизни малых и средних населенных пунктов. Двум рассмотренным объектам, видимо, синхронны верхние слои довольно крупного поселения на Парс-Депе к западу от Безмеша.

А. А. Ляпин

Новые данные о торговых связях Туркмении и Индостана в бронзовом веке

В 1973 г. во время раскопок Алтын-Депе — крупного городского центра Южного Туркменистана, производившихся силами Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН ТуркмССР, в слоях начала II тыс. до н. э. было вскрыто богатое погребение женщины 30—35 лет. В нем на специальном возвышении из сырцового кирпича, располагавшемся около головы усопшей, найден туалетный набор, состоящий из се-

ребриного зеркала, двойного каменного сосуда, керамического флакончика, различных изделий из бронзы и серебра и палочки из слоновой кости, квадратной в сечении, с кружковым орнаментом. Весьма разнообразным оказался и набор личных украшений: около височных костей лежали бронзовые подвески, каждая из двух витков проволоки; мелкие пастовые провизки и бисер (темный и белый) располагались прямо на черепе и скорее всего служили украшением расшитой шапочки (тщательная расшивка позволила проследить орнамент в виде уплощенных полуovalов). Кроме того, на шее паходилось ожерелье из 28 бусин разного материала.

По составу инвентаря, особенно по значительному количеству металлических предметов, данное погребение принадлежит к числу наиболее богатых одиночных захоронений, обнаруженных на Алтып-Дене в слоях развитой бронзы (или Памазга V, по существующей хронологии). Поэтому особенно примечательно нахождение здесь палочки из слоновой кости, являющейся изделием индийского импорта. Палочки с кружковым орнаментом характерны для хараппских городов древнего Индостана, и прежде всего для самого Мохенджо-Даро. Три такие палочки уже были обнаружены на Алтып-Дене в составе клада, замурованного в стену одного из раскопанных домов.

Изделия из слоновой кости на Алтып-Дене отмечены и в самых ранних наслоениях комплекса Памазга V, относящихся к концу III тыс. до н. э. Мы имеем в виду храмовый погребальный комплекс, открытый в 1972 г. Там алтарь святилища был покрыт тканью, расшитой плоскими бусинами, выточенными из лазурита и слоновой кости. находка бус из слоновой кости в одном комплексе с золотой головой быка и другими ценными вещами ясно указывает, что изделия из этого привозного материала были предметами роскоши.

Все эти находки свидетельствуют о том, что поступление из Индии на Алтып-Дене слоновой кости или изготовленных из нее предметов имело место на протяжении длительного промежутка времени и что перед нами не случайное явление, а многочисленные свидетельства торговых связей Южной Туркмении с первыми городами Индостана. Вопрос о древних связях и торговле между Южной Туркменией и Индией подробно рассмотрен в работах В. М. Массона и А. Я. Щетенко.

Д. Гульмурадов

Исследование стратиграфии Афрасиаба в 1973 г.

Одной из задач отряда Института археологии АН УзССР, работающего под руководством Ш. С. Ташходжаева на Афрасиабе, является исследование эллинистического городского квартала, прилегающих к нему городских укреплений и стратиграфии северных районов городища. В 1973 г., помимо изучения средневековых наслоений, перекрывающих древний квартал, вскрывались фортификационные сооружения северного фаса городища в северной части 40-метрового квадрата 31/XVIII. Последовательность выявленных здесь строительных периодов дополняет полученные прежде представления об истории фортификации города.

Один из неизвестных ранее этапов строительства оборонительных сооружений представлен стенами из квадратного кирпича (37—38×37—38×11—12,5 см), многократно ремонтировавшимися тем же строительным материалом с использованием забутовок. Квадратный кирпич еще связывает ступу с укреплениями эллинистического периода, но извлеченный из ремонтных кладок керамический материал уже сближает ее с тем переходным временем, когда в гончарном производстве происходит смена форм, так или иначе продолжающих эллинистическую традицию, но вымив, впоследствии определившими облик раннесредневековых комплексов. Ремонтные ступы (их отмечено не менее трех) и скопление зольно-гумусных слоев у подножия стены — ярусы X—XII (рис. 30, 1) — проходили в пределах одного периода, когда одни и те же керамические формы попадали и в ремонтные кладки, и в хозяйственные свалки.

В керамическом комплексе из зольно-гумусных слоев (рис. 30, 2—11) в изобилии встречены кубки на неустойчивой ножке, характерные для периода Афрасиаб IV, и редкие экземпляры так называемых кубков-ваз, обычных уже для следующего — V периода жизни города. Очажные подставки, широкогорлые сосуды с двумя ручками (предшественники сосудов с рожком-сливом), полые конические крышки для них, кубки-вазы — все это новые формы, начавшие свою жизнь в недрах комплекса, корнями уходящего в эллинизм. Появление новых форм иной раз сопровождалось огрублением старых, производившихся прежде в более стройных пропорциях и с тонким черепком. Одновременно с топкостенными кубками на

неустойчивой ножке изготавливаются тяжелые толстостенные сосуды той же формы.

Выявление переходного комплекса керамики приобретает особое значение в связи с существованием представления о разрыве между периодами Афрасиаб IV и V, подтверждая непрерывность развития жизни на Афрасиабе (хотя и с изменениями в облике города) между рубежом новой эры и ранним средневековьем.

Г. В. Шишкина

Изучение погребальных памятников в Пархарском районе Таджикистана

В 1973 г. Пархарский отряд Института истории АН ТаджССР работал на двух объектах в зоне строительства дороги Пархар—Саманчи. Первый объект — могильник эпохи бронзы Ахтам-Сахоба — расположен в 3 км южнее совхоза «Сурхоб». Здесь обнаружены могильные холмы, выделяющиеся каменными выкладками. В пяти раскопанных курганах встречены два типа погребений. Первый — могильные ямы прямоугольной формы, имеющие с узкой стороны небольшие овальные камеры-катакомбы. Дромосы в них очень глубокие (более 4 м). Погребения одиночные, реже парные, скорченные, с инвентарем. Второй тип погребений более сложный, крестовидной формы.

В наиболее богатом захоронении (погр. 5) обнаружены 10 сосудов с остатками разнообразной пищи, каменные палочковидные стрелы, бусина.

Весь погребальный инвентарь, а также обряд погребения и типы погребальных сооружений свидетельствуют о том, что могильник относится к так называемой вахшской культуре.

Вторым объектом является многослойный могильник Иттифак, расположенный у одноименного кишлака колхоза «Ленинский путь», в начале дороги. Здесь раскопано более 60 погребений. Ранние относятся к эпохе бронзы. К сожалению, в них сохранилась только посуда, антропологический материал отсутствует.

Второй тип погребений этого могильника — групповые ямы почти прямоугольной формы, вытянутые в широтном направлении. На дне их лежат на спине погребенные, головами на юг или запад. Обнаружены украшения, сосуды, в том числе сероглиняные миски. Третий тип погребений представляет собой такие же прямоугольные ямы, по обложке по периметру кирпичом-сырцом. Это делает яму похожей на кирпичный ящик. Костяки лежат на дне в вытянутом положении. Инвентарь — главным образом узко- и широкогорлые небольшие грушевидные кувшины и миски. Четвертый тип — сагана из кирпича-сырца. Погребенный в вытянутом положении, на спине, положен в кирпичный ящик, к которому наклонно приставлены крупные сырцовые кирпичи квадратной формы (40×40×13; 37×37×10—12 см). Найдены сосуды, в том числе миниатюрные, украшения, оружие, а также зеркала и массивные ножные браслеты. Пятый тип захоронений — в хумах; хумы крупные и средние. Иногда в качестве погребальных урн использовались небольшие корчаги или двуручные широкогорлые горшки. Все погребальные сосуды положены на бок, горла их направлены на юг. Обычно у горла таких урн стоит сосуд. В большинстве случаев это хорошей выделки красноглиняный бокал на высокой ножке. Внутри урны находятся части человеческого скелета; челюсть, кусок черепа или зубы. Целого костяка ни в одном сосуде не найдено. Керамический и иной инвентарь показывает, что подобный, еще не совсем понятный обряд мог существовать в кушанскую эпоху.

Шестой тип погребений (последний в данном могильнике) не дает никакого инвентаря. Костяки в них лежат на правом боку, головами на север. Датировочных материалов нет. Можно предположить, что эти погребения относятся к XIV—XV вв. н. э.

Х. Ю. Мухитдинов

Раскопки памятников парфянского времени

Отряд по изучению памятников парфянского времени Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР осуществлял работу в Каахынском районе, обследовал ряд памятников середины I тыс. до н. э.—первых веков н. э. в окрестностях селений Чаача, Арман-Сагат, Баба-Дурмаз и провел раскопки на двух из них:

Ярык-Депе (в районе Меаны и Чаачи) и Коша-Депе (вблизи Баба-Дурмаза). Ярык-Депе — это крупное поселение площадью около 40—50 га. Шурфы, заложенные на цитадели и собственно поселении, показали, что оно сложилось в парфянский период и продолжало частично обживаться в сасанидский период. К парфянскому времени, вероятно, относится крупная керамическая печь, вскрытая на западной окраине поселения. Среди подъемного материала наибольший интерес вызывают пять медных монет, по предварительному определению, относящихся к позднепарфянскому чекану Мерва. Коша-Депе состоит из двух холмов. Верхний слой восточного из них относится к сасанидскому времени; нижние — к эпохе бронзы; они перекрыты культурными отложениями IV—III вв. до н. э. На западном холме в раскопе площадью около 400 кв. м вскрыта примерно треть верхнего здания — восемь помещений и часть двора. В оформлении центральных помещений примечательны ниши разных форм и арочные перекрытия. Однако конструкция здания еще недостаточно ясна, так как вскрыта только часть его, к тому же лишь до верхних полов (200—215 см ниже репера), с которыми связаны значительные изменения в планировке (основания степ имеют отметку 350—365 см). По этим же причинам рано еще делать выводы о назначении постройки. Возможно, ясность внесет расшифровка двух найденных во время раскопок парфянских документов. По внешнему виду они близки документам из Старой Нисы. Один из них, выполненный на внутренней поверхности крупного обломка хума, представляет собой полностью сохранившуюся надпись примерно из 60 знаков; ниже подписи имеется ряд каких-то графических обозначений. Основой для второго документа послужил обломок тонкостенного сосуда. Надпись двусторонняя: на внешней стороне более 60 знаков, на внутренней — не менее 35. Интересна также находка фигурного сосуда в виде лошади, пока уникального для Южного Туркменистана (рис. 31).

В. Н. Пилипко

Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане

Могильник Лоилаган, открытый в 1973 г., расположен в 35 км к северу от Шерабада. Протяженность его более 5 км. Могильник состоит из круглых, овальных, прямоугольных или квадратных камешных оград, состоящих из плашмя положенных булыжников. Было раскопано семь оград разной формы и размеров. В них не обнаружено могильных ям, но, судя по остаткам пепла, можно предполагать трупосожжение. Слой пепла встречался обычно на глубине от 35 до 50 см и почти сразу начинался материк. Вещевой материал невелик — это железный наконечник стрелы с узкой головкой, вырезом при переходе к длинному черешку, найденный в ограде 7. Различные варианты такого рода наконечников представлены в находках из ряда могильников Средней Азии, в основном V—VII вв. н. э., а также с городища Пенджикент. Они также распространены в приаральских, прикаспийских и причерноморских степях в первой половине I тыс. н. э. Подобные наконечники стрел найдены и среди материалов тюркского времени VI—VII вв. н. э. (Тали-Барзу). Керамика могильника маловыразительна. В ограде 2 был обнаружен большой фрагмент стенки сосуда с целой ручкой, причем последняя находит аналогии среди керамики сельских поселений афригидского Хорезма. Однако ребристые ручки, подобные нашей, как и вообще керамика из хорезмского городища у с. Шах-и-Минг, датируются очень широко. Таким образом, исходя из приведенных данных мы ориентировочно датируем могильник Лоилаган тюркским временем (VI—VII вв. н. э.).

Хуан Дукэ

Средневековые гончарные печи в Кашкадарьинской области

Во время работ Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции на городище Алтын-Тепе были впервые для этого района открыты остатки двух гончарных обжигательных печей. Одна из них оказалась круглой, двухъярусной, с подом диаметром 1,3 м. В последнем кольцеобразно у стенок печи расположен ряд круглых отверстий — продухов; несколько продухов имеется и в центральной части печи. Высота топочной камеры 1,7 м, свод ее образован наклонно поставленными кирпи-

чами. В топке найдены фрагменты керамики с голубой поливой, процарапанным орнаментом на белом фоне и др. В остатках кладки из сырцовых кирпичей обнаружено 30 монет, являющихся, по предварительному определению археолога Б. Д. Кочнева, дирхемами караханида Арсланхана Ибрахима (конец 70-х годов XII в.). В кладке же стены, перекрывавшей под печи, обнаружена монета, чеканенная в 30-х годах XIII в. Таким образом, керамическим и пумизматическим материалом печь датируется концом XII—началом XIII в. Другая печь сохранилась хуже, но зато на дне ее топки и на остатках полки найдены десятки фрагментов однотипных небольших крышек со штампованным орнаментом, что позволяет говорить либо о специализации мастера, либо во всяком случае о том, что именно этот вид продукции загружался в печь при последнем производившемся в ней обжиге.

Исследование печей дает новые материалы для истории ремесленного средневекового производства долины Кашкадарьи.

С. Б. Лунина

Раскопки средневекового городища Сайёд в Южном Таджикистане

Раскопанный в 1973 г. комплекс городища Сайёд представляет собой группу хозяйственных и жилых помещений с прилегающими к ним дворами и выложенными жжеными кирпичами дорогой и улицей. Помещения прямоугольные, расположены в ряд вдоль восточного края раскопа. Стены пахсовые, по внешней стороне облицованные сырцовыми квадратными кирпичами. Полы компат и частично двора, а также коридора вымощены жжеными кирпичами. В одной из комнат кирпич был шестигранный. В некоторых комнатах в обмазке полов использовался алебастр. Так, в пом. 3 пол обмазан плотным с примесью мелких камешков алебастром серого оттенка. Пол пом. 8 покрыт несколькими слоями ослепительно белого алебаstra. Под стенами в полу имеются овальные углубления с желобками для стока воды. В центре комнаты обнаружен небольшой водопоглощающий колодец. В помещениях найдены и обогревательные сооружения в виде открытых очагов, квадратных или прямоугольных. Очаг мог быть сооружен и из алебаstra, в таком случае делалась небольшая оградка (высота 10 см, ширина сторон 85×85 см) или же дно очага мостилося обломками жженных кирпичей. Стены некоторых комнат (3, 4, 14, 15 и коридора) были покрыты резным алебастровым шtukом; общая протяженность таких стен около 15 м.

В резном шtukе по характеру резьбы различаются три стиля. Первый, по времени ранний, — пластичный, мясистый, резьба как бы выступает из плоскости, орнамент растительный. Таков стиль шtukа пом. 3 и частично 14 и 15, а также двух фрагментов алебастровых капителей и изображения льва. Второй стиль — тоже глубокая резьба, но на одной плоскости. Третий стиль — неглубокая резьба — на квадратах и прямоугольниках стен двумя-тремя штрихами создается растительный и геометрический орнамент.

Резной шtuk, обнаруженный непосредственно на стенах, а не в завале, в Южном Таджикистане встречается впервые, и поэтому памятник представляет несомненный интерес. Керамический материал, найденный на городище, можно датировать концом XI в. Строительный материал городища, резной шtuk и керамика позволяют датировать памятник XI—началом XII в.

Э. Гулямова

КНИГИ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1972—1973 гг.

- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермаков Л. Б. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата. «Наука», 1972. 216 с. с ил., карт. (АН КазССР. ИИАЭ). Рез. на англ. яз.
- Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX—начале XX в. Душанбе, «Довип», 1972. 164 с.; 22 л. ил. (АН ТаджССР. ИИ).
- Артамонов М. И. 1973. Сокровища саков. (Амударьинский клад. Алтайские курганы. Минусинская бронза. Сибирское золото). М., «Искусство», 1973. 280 с. с ил. (Памятники древнего искусства). Библиогр.: с. 243—255. Рез. на англ. яз.

- Археологические исследования в Казахстане. [Сб. статей]. Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата, «Наука», 1973. 208 с. с ил.; 1 л. ил. (АН КазССР. ИИАЭ).
- Аскаров А. А. Сапалли-Тепе, Ташкент, «Фан», 1973. 172 с. с ил. (АН УзССР. ИА).
- Атагарриев Е. А. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, «Ылым», 1973. 101 с. с ил. (АН ТуркмССР. ИИ).
- Афрасиаб. Матер. Афрасиабск. археол. эксп. Отв. ред. Я. Г. Гулямов. В. 2. Ташкент, «Фан», 1973. 236 с. с ил.; 1 л. ил. (АН УзССР. ИА).
- В. 1 вышел в 1969 г.
- Бабаев А. Д. Крепости древнего Вахана. Душанбе, «Дониш», 1964 с. с ил. (АН ТаджССР. ИИ).
- Белепицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., «Искусство», 1973. 68 с.; 5 л. ил. (Памятники древнего искусства). Рез. на англ. яз.
- Белепицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., «Наука», 1973. 390 с. с ил., 1 л. ил. (АН СССР. ИА). Библиогр.: с. 353—370.
- Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965—1971 гг. [Сб. статей]. Отв. ред. Б. Я. Ставиский. М., «Наука», 1972. 175 с. с ил.; 15 л. ил. (АН СССР. ИВ. Гос. Эрмитаж... Материалы совместной археол. экспедиции на Кара-Тепе. В. 3).
- Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, «Фан», 1972. 94 с.; 10 л. ил. (АН УзССР. ИА).
- Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, «Фан», 1973. 115 с. с ил.; 1 л. карт. (АН УзССР. ИА. О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана). Библиогр.: с. 109—113.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М., «Наука», 1973. 160 с. с ил.; 1 л. ил. (ХАЭЭ. Тр. Т. 8).
- Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. [Сб. статей]. Отв. ред. В. Н. Ягодин. Ташкент, «Фан», 1973. 140 с. с ил., карт. (АН УзССР. Каракалп. филиал ИИЯЛ).
- Воробьева М. Г. Дигильдже. Усадьба сер. I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., «Наука», 1973. 220 с. с ил.; 1 л. ил. (АН СССР. ИЭ. ХАЭЭ. Матер. В. 9).
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., «Наука», 1972. 371 с. с ил. (АН СССР. ИЭ). Библиогр. с. 344—364.
- Горбунова Н. Г. В древней Фергане. Ташкент, «Узбекистан», 1972. 40 с. с ил. (О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана).
- То же. На узб. яз.
- Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-Бека (XIII в.). М., «Наука», 1972. 176 с. с ил. (АН СССР. ИВ. АН ТаджССР. МИ).
- Джалилов А. Жемчужина древней культуры. Душанбе, «Ирфон», 1973. 55 с. с ил.
- Джалилов А. Д. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем средневековье. Душанбе, «Ирфон», 1973. 148 с. с ил. (Тадж. ун-т).
- Древний город Средней Азии. Крат. тез. докл. к заседанию на конф., посвящ. полевым иссл. в обл. археол., 8—11 апр. 1973 г. Л., 1973. 41 с. (АН СССР. ЛОИА. Научн. совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана).
- Древний Ташкент. Отв. ред. И. Ахбаров. Ташкент, «Фан», 1973. 144 с. с ил. (АН УзССР. ИА). Авт.: Л. Г. Брусенко, В. А. Булатова, Г. Дадабаев, Д. Г. Зильпер, Л. Л. Ртвеладзе, М. И. Филанович.
- Из истории античной культуры Узбекистана. [Сб. статей]. Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент, 1973.
- Из истории искусства великого города. (К 2500-летию Самарканда). [Сб. статей]. Научн. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент, Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1972. 336 с. с ил. (Ин-т искусствознания М-ва культуры УзССР. О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана).
- История материальной культуры Узбекистана. [Сб. статей]. Под ред. А. Аскарова. В. 9—10. Ташкент, «Фан», 1972—1973. (АН УзССР. ИА).
- В. 9. 1972. 140 с. с ил.
- В. 10. 1973. 124 с. с ил.
- Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. совещ. Самарканд, 1972. Ташкент, «Фан», 1972. 103 с. (АН УзССР. ИА. Научн. совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана).
- Каракумские древности. [Сб. статей]. Отв. ред. В. М. Массон. В. 4. Предварит. сообщ. об археол. работах в 1970 г. Сектора первобытной археологии и Сектора древней и средневековой археологии Ин-та истории АН ТуркмССР. Ашхабад, «Ылым», 1972. 184 с. с ил., карт.
- В. 1—3 вышли в 1968 и 1970 гг.

- Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, «Фан», 1972. 160 с. с ил., карт.; 1 л. ил. (АН УзССР. ИА).
- Куатбаев К. К., Пужанов Р. Т. Керамика Казахстана. Алма-Ата, «Казахстан», 1972. 80 с. с ил.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., «Наука», 1972. 272 с. с ил., карт. (АН СССР. ИВ. АН ТаджССР. ИИ). Библиогр.: с. 230—252.
- Литвинский Б. А. Могильники Западной Ферганы. В. 1—3. М., «Наука», 1972—1973. (АН ТаджССР. ИИ).
- В. 1. Курганы и курумы Западной Ферганы. (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). 1972. 258 с.; 60 л. ил., карт. Библиогр.: с. 214—250.
- В. 2. Керамика из могильников Западной Ферганы (I тыс. н. э.). 1973. 202 с.; 27 л. ил. Библиогр.: с. 174—195.
- В. 3. Украшения из могильников Западной Ферганы. 1973. 211 с.; 10 л. ил. Библиогр.: с. 173—208.
- Массон В. М., Сарианиди В. И. Каракумы: заря цивилизации. М., «Наука», 1972. 167 с. с ил., карт.; 1 л. ил. (АН СССР. Сер. «Из истории мировой культуры»). Список рекомендов. лит.: с. 164 (23 назв.).
- Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М., «Наука», 1973. 210 с. с ил.; 22 л. ил. (АН СССР. ИВ. Культура народов Востока. Материалы и исследования). Библиогр.: с. 196—202. Рез. на англ. яз.
- Массон М. Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент, «Узбекистан», 1972. 45 с. с ил. (О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана).
- Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. (Из работ Кенской археолого-топографической экспедиции ТашГУ, 1965—1966 гг.). Ташкент, 1973.
- Материальная культура Уструшаны. В. 2. Душанбе, «Дониш», 1973. 146 с. с ил. (АН ТаджССР. ИИ).
- В. 1 вышел в 1966 г.
- Материалы по истории и археологии Средней Азии. Под ред. Г. А. Хидоятова и Л. А. Коналева. Ташкент, 1972. 268 с. (Ташк. ун-т. Научн. тр. В. 423).
- Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-Тепе. Под общ. ред. Б. Я. Станиского. В. 3. М., «Наука», 1972. (АН СССР. ИВ. Гос. Эрмитаж...). В. 1—2 вышли в 1964 и 1969 гг.
- Мирсаатов Т. Древние шахты Учтута. Ташкент, «Фан», 1973. 108 с. с ил. (АН УзССР. ИА).
- Негматов Н. Н. Загадки Истаравшана. Душанбе, «Ирфон», 1972. 52 с. с ил. На тадж. яз.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Термизак-Тепе. Душанбе, «Дониш», 1973. 146 с. с ил. (АН ТаджССР. ИИ. Материальная культура Уструшаны. В. 2).
- Оразов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973.
- Оразов О. Археологические памятники Марыйской области. (Материалы к лекции). Ашхабад, 1973. 25 с. (Туркм. о-во охраны памятников истории и культуры).
- Поиски и раскопки в Казахстане. [Сб. статей]. Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата, «Наука», 1972. 216 с. с ил.; 1 л. ил. (АН КазССР. ИИАЭ).
- Поляков С. П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., Изд-во МГУ, 1973. 199 с. с ил., карт.
- Помаскин Б. В. Гумбез Манаса. Фрунзе, «Кыргызстан», 1972. 56 с. с ил.
- Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М., Стройиздат, 1973. 228 с. с ил. (Гос. ком-т по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Научн.-иссл. ин-т теории, истории и перспективных проблем сов. архитектуры).
- Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканда) в известиях античных авторов. (Собрание отрывков и комментариев). Душанбе, «Дониш», 1972. 60 с. (АН ТаджССР. ИИ).
- Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, «Дониш», 1973. 162 с. с ил., карт., 5 л. ил. (АН ТаджССР. ИИ). Библиогр.: с. 155—160.
- Сайко Э. В. Становление города как производительного центра. (Формирование экономической основы ремесла Средней Азии). Душанбе, «Дониш», 1973. 112 с. (Тадж. ун-т).
- Сепигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, «Наука», 1972. 219 с. с ил.; 2 л. ил. (АН КазССР. ИИАЭ).
- Снесарев Ч. П. Под небом Хорезма. (Этногр. очерки). М., «Мысль», 1973. 160 с. с ил.; 12 л. ил.

- Средняя Азия и Иран. [Сб. статей]. Ред. А. А. Иванов, С. С. Сорокин. Л., «Аврора», 1972. 192 с. с ил. (Гос. Эрмитаж). Рез. на англ. яз.
- Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, «Фан», 1972. 172 с. с ил. (АН УзССР. ИА). Библиогр.: с. 165—170.
- Успехи среднеазиатской археологии. [Сб. статей]. Под ред. В. М. Массона. В. 1—2. Л., «Наука», 1972.
В. 1. 96 с. с ил.
В. 2. 80 с. с ил.
- Ходжаниязов Т. Мавзолей Абу-Саида. Ашхабад, 1972. 16 с. с ил. На туркм., рус. и англ. яз.
- Ходжаниязов Т. Археологические памятники Чарджоуской области. (Материалы к лекции). Ашхабад, 1973. 20 с. (Туркм. о-во охраны памятников истории и культуры).
- Шацкий Г. В. Рисунки на камне. Ташкент, Изд-во лит. и искусства, 1973. 160 с. с ил. (О-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана). Библиогр.: с. 151—158.

ЛИТЕРАТУРА ПО РАННИМ КОЧЕВНИКАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА, ОПУБЛИКОВАННАЯ В 1972—1973 гг.

За последние два года вышло в свет несколько монографий и статей, посвященных истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Прежде всего следует назвать труд М. И. Артамонова «Сокровища саков», в котором рассматривается искусство племен скифского периода, населявших обширные пространства Средней Азии, Сибири и Центральной Азии. Основное внимание автор уделяет проблемам сложения и эволюции скифо-сибирского звериного стиля. Помимо уже широко известных комплексов, таких как Амударьинский клад и Сибирская золотая коллекция, объектом исследования служат новые находки из раскопок курганов на Памире и в Приаралье. Включены в работу даже сведения об уникальном кургане Аржан в Туве. Объединенный в одной книге анализ выдающихся художественных произведений древних мастеров дает наглядное представление о высоких достижениях прикладного искусства кочевников евразийских степей скифской эпохи. Следует особо отметить, что впервые памятники среднеазиатских саков заняли подобающее место в общей картине истории искусства ранних кочевников Евразии.

Книга О. А. Вишневской «Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.» составляет восьмой том «Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Это полная публикация материалов могильника Уйгарак, одного из нескольких исследованных этой экспедицией памятников кочевников в Приаралье.

В ней дано подробное и четкое описание всех 74 раскопанных захоронений из 80 зарегистрированных в могильнике. Уйгарак — один из самых интересных среди всех известных синхронных памятников Средней Азии. Обстоятельное описание сопровождается планами, а также фотографиями большей части раскопанных могил. Несмотря на то что многие из них были разграблены, могильник в целом дал богатую коллекцию предметов вооружения, конской упряжки, украшений и глиняной посуды. Описание и анализ их занимают основное место в книге. Рассматриваемый труд несомненно войдет в основной источниковедческий фонд среднеазиатской археологии. Дата могильника в целом, установленная традиционным путем сравнительного изучения, не вызывает сомнений. Однако нельзя не заметить недооценки отмечаемых самим автором генетических связей Уйгарака с могилами более раннего периода в Тагискене.

Памятникам ранних кочевников Памира посвящена монография Б. А. Литвинского «Древние кочевники „Крыши мира“». Появление ее свидетельствует об успешном продолжении исследований, начатых еще А. Н. Бернштамом. Труд Б. А. Литвинского построен на результатах многолетних раскопок в 40 могильниках более 260 курганов и является первой обобщающей работой по ранним кочевникам Памира. Однако полного представления обо всех раскопанных памятниках он не дает, поскольку кратко описаны лишь наиболее типичные могилы. К тому же опубликованы планы и разрезы только примерно 15% вскрытых курганов. Основное место занимают классификация и анализ разнообразных находок, а также исследование особенностей материальной культуры, хозяйства, погребального обряда и верований, этнической принадлежности и т. д. Автор излагает свои точки зрения, не всегда, правда, достаточно аргументируя их, по важным проблемам, и в частности по вопросу о происхождении и исторической роли кочевого населения Памира. Вызывает некоторые сомнения отнесение курганов к сакам-хаумаварга, значение племенного

союза которых автор явно сильно преувеличил. Не касаясь оценки историко-культурных разделов книги Б. А. Литвинского в целом, следует признать, что она в отличие от работы О. А. Вишневецкой не удовлетворяет возросшим требованиям полноты публикации исследованных комплексов.

В статье К. А. Акишева «Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре)» («Археологические исследования в Казахстане») поставлен важный вопрос о необходимости различать культуры скифского периода южных областей Евразии. Достаточно аргументированно автор выступает против концепции монокультурности на всем пространстве «великого пояса степей». Он отмечает локальные особенности культуры среднеазиатских племен и генетические связи их с предшествующей эпохой поздней бронзы (предсакской) в первую очередь в Семиречье и Приаралье. Автор обращает внимание на то, что при изучении памятников Средней Азии археологи традиционно опираются на скифскую хронологическую шкалу «с обязательной коррекцией на омоложение примерно на два века». В противовес этому Акишев считает возможным уже сейчас датировать эти памятники более ранним временем и на сводной синхронистической таблице отодвигает их нижнюю границу в VIII столетие до н. э. В свете новейших открытий и установления факта сходства между комплексами Высокой Могилой (Украина) и Аржана (Тува) подобная точка зрения, к тому же опирающаяся на исторические сведения о движении скифов с востока на запад, приобретает большую значимость.

Малоисследованной проблеме посвящена другая работа К. А. Акишева «К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана» («Поиски и раскопки в Казахстане»).

О. В. Обелеченко в статье «Курганы в окрестностях Самарканда» («Афрасиаб», в. 2) вводит в научный оборот новые памятники когеного населения. Впервые на землях древнего Согда выявлены захоронения в могилах с захпечниками, которые по аналогии с сарматскими датированы исследователем IV—III вв. до н. э. и сопоставлены с сакскими. Кроме того, публикуются курганы II—I вв. до н. э. с погребением в катакомбной могиле, непонятно почему именуемой в тексте подбойной. Исследованные в окрестностях Самарканда памятники IV в. до н. э.—IV в. н. э. позволили автору сделать важный вывод о длительном активном участии скифо-сарматских племен и саков в жизни Согда. Обстоятельное описание курганов одного из упоминаемых памятников дано в другой статье этого же автора «Агалыкские курганы» (ИМКУ, в. 9).

Новые материалы по усуньскому периоду приводит А. Г. Максимова в работе «Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар» («Поиски и раскопки в Казахстане»). Они основаны на исследовании могильника, расположенного к востоку от г. Джамбула, в котором было раскопано 15 курганов, большей частью относящихся к локальному варианту усуньской культуры; последнее находит яркое выражение в устройстве в могилах пещ для помещения сосудов. В другой статье этого же автора — «Курумы хребта Каратау» («Археологические исследования в Казахстане») — описано несколько курганов с каменной насыпью и погребальной камерой, стенки которой сложены из каменных плит. Исследователь обращает внимание на сходство их с так называемыми курумами в Северо-Западной Ферганае и на этом основании говорит о более широком ареале их, нежели ранее было известно.

Новые данные о древних курганах в малоизученном районе Узбека приводит Х. Юсупов в статье «Археологические работы в предгорьях севера Западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом» («Каракумские древности», в. 4).

Упомянем также интересную публикацию Л. Р. Кызласова «Сакская коллекция с Иссык-Куля» («Новое в археологии», М., 1972).

В деле изучения могильников Ферганы I тыс., пожалуй, наиболее крупным событием последних десятилетий является выход в свет трех выпусков труда Б. А. Литвинского «Могильники Западной Ферганы»: «Курганы и курумы Западной Ферганы»; «Керамика из могильников Западной Ферганы»; «Украшения из могильников Западной Ферганы». Производит впечатление само количество раскопанных автором курганов (259) и курумов (160), в которых добыт огромный вещевой материал, включающий 700 сосудов и множество других находок. Однако это не полная публикация всех исследованных могильников, а только частичная и выборочная и к тому же выборочно иллюстрированная чертежами.

В первом выпуске автор разрабатывает типологию погребальных сооружений и подробно исследует элементы погребального обряда и при этом приходит к важным выводам, порой не соглашаясь и критикуя положения своих предшественников. Вопросу датировок уделено в книге несколько страниц. Отмечая существующие в литературе мнения о хронологии и особую сложность разработки датировок, автор останавливается на анализе одной категории, а именно китайских зеркал и монет, и убедительно показывает, что они практически ничего не дают для установления хронологии подбойно-катакомбных памятников. Затем, ссылаясь на результаты «анализа каждого могильного комплекса», сопоставления их друг с другом внутри могильника и сравнения комплексов целых могильников, он излагает хронологическое членение памятников на три группы: раннюю — I—II вв. н. э., основную —

II—IV вв. и позднюю — V—VII вв. Но упомянутый анализ комплексов в работе отсутствует и вообще в ней археологические комплексы не выделены, не рассматриваются и взаимовстречаемость пакодок в конкретных могилах. Таким образом, вопрос о хронологии по существу не исследуется и нет анализа датирующих оснований. В подтверждение своей хронологической схемы автор не приводит доказательств. Далее он утверждает, что в некоторых могильниках есть курганы первой и второй хронологической группы, но, какие именно курганы относятся к этим группам, не указано. Из всего сказанного следует вывод, что вопрос о датировке исследованных могильников, и прежде всего катакомбных и подбойных, в книге не решен и остается открытым.

Подробная типологическая классификация керамики из могильников и обстоятельное исследование эволюции отдельных форм сосудов составляет содержание второго выпуска. Эта работа обобщает некоторые итоги изучения керамики могильников Ферганы в целом и содержит много ценных наблюдений и выводов. Б. А. Литвинский использовал новейшие методы статистической обработки массового материала и факт взаимовстречаемости в могилах форм керамики. Однако все это не позволило проследить изменения типов во времени, синхронность отдельных типов и не привело к созданию хронологической шкалы.

В третьем выпуске классифицируются и анализируются разнообразные предметы украшений: браслеты, кольца и перстни, серьги, пряжки, фибулы и бусы. Последние две книги, как и первая, вводят в научный оборот большой материал и тем самым обогащают источниковедческую базу и расширяют возможности для дальнейшего всестороннего изучения культуры древних скотоводов Ферганы.

И наконец, назовем имеющую особое значение книгу В. В. Гипзбурга и Т. А. Трофимовой «Палеоантропология Средней Азии», в которой обобщены результаты многолетних палеоантропологических исследований кочевого населения Средней Азии и Казахстана древнего периода.

В заключение можно с полным основанием утверждать, что в рассмотренной нами литературе содержится значительный объем новой информации о памятниках и культуре древних кочевников разных областей Средней Азии начиная от VIII—VII вв. до н. э. и до V—VII в. н. э. В книгах и статьях обобщаются итоги многолетних исследований больших регионов (Памир, Западная Фергана, Приаралье) и намечаются перспективные пути разработки самостоятельной хронологической шкалы, а также поставлены и частично рассмотрены важные вопросы определения локальных особенностей культуры ранних кочевников и сложения специфической формы хозяйства — кочевого скотоводства и ряд других. Вся эта литература в совокупности верно отражает современное состояние исследования культуры кочевников в средизападной археологии.

Ю. А. Заднепровский

А. А. Семенов, П. С. Маланова, Е. Н. Романова,
Ю. С. Свеженцев, В. И. Тимофеев

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ОБРАЗЦОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНА, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛАБОРАТОРИЕЙ ЛОИА АН СССР В 1972—1973 гг.

Датирование образцов производилось сцинтилляционным методом, в качестве посетителя радиоуглерода применялся бензол. Определение радиоактивности велось на двух счетных установках с одиночными ФЭУ. Предельный измеряемый возраст составляет 43 000 лет. Все датировки рассчитаны по периоду полураспада C^{14} , равному 5570 ± 30 лет. Возраст приведен относительно 1950 г.

Большинство дат настоящей серии (12 из 14) установлено по образцам из памятников бронзового—раннего железного века юга Средней Азии и Афганистана. Новые даты получены для Алтын-Дене, Улуг-Дене и Саналли-Тене (ранние см.: Романова, Семенов, Тимофеев, 1972, с. 57—62). Следует особо отметить дату образца из пещеры Огзи-Кичик — первая датировка плейстоценового возраста для памятников Средней Азии.

ЛЕ-1050. Уголь из «черепахового слоя» пещеры Огзи-Кичик, Даггарипский район Таджикской ССР. Раскопки В. А. Рапова. В материалах стоянки выделяются два комплекса — мустьерский и мезолитический или раннеолитический (Рапов, 1972, с. 522—523). Полученная дата говорит о связи «черепахового слоя» с микролитическим (мезолитическим?) комплексом инвентаря стоянки (Рапов, Шаропов, Никонов, 1973, с. 61).

$15\,700 \pm 900$ ($13\,750 \pm 900$ до н. э.)

ЛЕ-1049. Уголь из культурного слоя (стратиграфический шурф) поселения Алтын-Депе близ Меана, Тедженский район Ашхабадской области Туркменской ССР. Раскопки В. М. Массона. Образец связывается с материалами Намазга II.

5110±50(3160±50 до н. э.)

ЛЕ-1048. Уголь из культурного слоя поселения (раскоп 8, пом. 10, гл. 1.2 м) Алтын-Депе. Образец связывается с материалами раннего Намазга V.

3770±50(1820±50 до н. э.)

ЛЕ-1097. Уголь из культурного слоя поселения Алтын-Депе (раскоп 9, пом. 26, очаг, гл. 0.5 м). Образец связывается с материалами Намазга V.

3540±80(1590±80 до н. э.)

ЛЕ-1098. Уголь из культурного слоя поселения Улуг-Депе, Теджепский район Ашхабадской области Туркменской ССР (раскоп 3, слой Улуг III, гл. 1.5 м). Раскопки В. И. Сарияниди. Комплекс типа Намазга V.

3910±50(1960±50 до н. э.)

ЛЕ-1096. Уголь из культурного слоя поселения Улуг-Депе (раскоп 6, слой V, пол помещения, гл. 2.2 м).

3500±50(1550±50 до н. э.)

ЛЕ-1053. Уголь из культурного слоя поселения Улуг-Депе (горелое помещение на южном склоне холма, слой Яз I—Яз II).

2270±70(320±70 до н. э.)

ЛЕ-1095. Уголь из культурного слоя поселения Теккем-Депе близ Каахка, Каахкинский район Ашхабадской области Туркменской ССР (раскоп 2, пом. В, с пола жилища, гл. 0.7 м). Раскопки А. Я. Щетинко. Образец связывается с материалами типа Намазга VI (Щетинко, 1973, с. 485).

2460±60(510±60 до н. э.)

ЛЕ-1051. Уголь из культурного слоя поселения Бешгуван-Депе, Красноводская область Туркменской ССР (усадебка 19, шурф 6-2, гл. 0.8 м). Раскопки Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко. Образец связывается с материалами культуры архаического Дахистана.

3230±50(1280±50 до н. э.)

ЛЕ-1052. Уголь из культурного слоя поселения Тапгсыкылджа, Красноводская область Туркменской ССР (шурф I, ярус I). Раскопки Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко. Образец связывается с материалами культуры архаического Дахистана.

2540±50(590±50 до н. э.)

ЛЕ-1078. Уголь из культурного слоя Сапалли-Тепе, Гагаринский район Сурхандарьинской области Узбекской ССР (жилое помещение, гл. 2.5 м). Раскопки А. А. Аскарова. Предполагаемый возраст XVIII—XVII вв. до н. э.

3500±50(1550±50 до н. э.)

ЛЕ-1039. Уголь из культурного слоя поселения Тилля-Тепе (шурф I, ярус XII, из очага), Северный Афганистан. Раскопки советско-афганской экспедиции. Образец представлен В. И. Сарияниди. Предполагаемый возраст середина II тыс. до н. э.—начало I тыс. до н. э. (Сарияниди, 1972, 1973, с. 17—22).

2810±60(860±60 до н. э.)

П р и м е ч а н и е. Автор раскопок отмечает параллели материалам Тилля-Тепе в комплексах типа Яз I Южной Туркмении и Кучук-Тепе на юге Узбекистана (Сарияниди, 1973, с. 21—22). Полученная дата близка определению образца из Кучук-Тепе (2850±60, ЛЕ-773; Романова, Семенов, Тимофеев, 1972, с. 60).

ЛЕ-1038. Уголь из культурного слоя поселения Гирдай-Тепе (шурф I, ярус XII, из очага), Афганистан. Раскопки советско-афганской экспедиции. Образец представлен В. И. Сарияниди. Предполагаемый возраст II—начало I тыс. до н. э.

3450±70(1500±70 до н. э.)

ЛЕ-1041. Уголь из культурного слоя поселения Гирдай-Тепе (шурф I, ярус X).

3580±40(1630±40 до н. э.)

ЛИТЕРАТУРА

- Ранов В. А. 1972. Раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик. — АО 1971 г., 1972.
- Ранов В. А., Шарапов Ш., Никонов А. А. 1973. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи-Кичик (Южный Таджикистан). — ДАН ТаджССР, т. XVI, № 7.
- Романова Е. Н., Семенов А. А., Тимофеев В. И. 1972. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана Лаборатории ЛОИА АН СССР. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. В. 2. Л.
- Сарианиди В. И. 1972. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М.
- Сарианиди В. И. 1973. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. — КСИА, в. 136.
- Щетенко А. Я. 1973. Раскопки Теккем-Депе. АО 1972 г., 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ДАН ТаджССР	— Доклады Академии наук Таджикской ССР.
ИА	— Институт археологии АН СССР.
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.—Пгр.
ИАН КазССР	— Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИВ	— Институт востоковедения.
ИИ	— Институт истории (АН Таджикской ССР).
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии.
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы (АИ Узбекской ССР, Каракалпакский филиал).
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИООН	— Известия Отделения общественных наук. Душанбе.
ИУзФАН	— Известия Узбекского филиала АН СССР. Ташкент.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.—М.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Л.—М.
МКТ	— Материалы культуры Таджикистана. Душанбе.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии. СПб.—Пгр.
ПТКЛА	— Протоколы Туркостанского кружка любителей археологии. Ташкент.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.—Л.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. Л.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Система датировки и метод исследования памятников поздних кочевников по Г. А. Федорову-Давыдову.
- Рис. 2. Система датировки и метод исследования памятников Памира по Б. А. Литвинскому.
- Рис. 3. Керамика из могильников Талмазар (1, 3, 5) и Урюкзор (2, 4, 6—8).
1, 5 — к. 2; 2, 4 — к. 13; 3 — к. 1; 6 — к. 11; 7 — к. 1; 8 — к. 1.
- Рис. 4. Могильник Урюкзор.
Курган II₁: 1—7 — бусы браслета; 8—16 — бусы ожерелья, 17, 18 — бляшки; 19 — серьги; 20 — браслет; 22 — зеркало. Курган I₁: 21 — пряжка.
- Рис. 5. Могильник Гурмирон. Курган 3. План и разрез погребения.
1—3 — керамика; 4 — стержень для сурмления; 5, 6 — прясла; 7 — бусы; 8 — кольца; 9 — пряжка; 10 — трубочка.
- Рис. 6. Могильник Гурмирон. Курган 4. План и разрез погребения.
1—3 — керамика; 4, 5, 12, 13 — серьги; 6, 14 — бусы; 7 — разные предметы; 8, 9, 15 — фрагменты сосудов; 10 — кольцо; 11 — монеты «у-шу»; 16 — кости животного.
- Рис. 7. Могильник Гурмирон. Керамика.
1, 4, 6—10 — станковая; 2, 3, 5 — лепная.
- Рис. 8. Могильник Гурмирон. Железные наконечники стрел.
1—4 — к. 9; 5—7 — к. 10; 8 — к. 12; 9 — к. 22; 10—18 — к. 15;
- Рис. 9. Могильник Дешти-Ашт. План и разрез кургана.
- Рис. 10. Могильник Дешти-Ашт. Станковая и лепная керамика.
- Рис. 11. Могильник Дешти-Ашт.
1—11 — бронзовые украшения.
- Рис. 12. Могильник Дешти-Ашт.
1, 3—9 — бронза; 2 — кость.
- Рис. 13. Могильник Южбок.
1 — погр. к. 1; 2 — погр. к. 2.
- Рис. 14. Могильник Южбок. Керамика.
1, 2 — к. 1; 3 — к. 3.

Рис. 15. Поселение Куюсай 2.

1—74 — керамика; 75—78 — ювелирные украшения.

Рис. 16. Могильник Тумек-Кичиджик.

1—14 — керамика.

Рис. 17. Могильник Тумек-Кичиджик.

1—6 — планы погребений в ямах.

Рис. 18. Могильники Дордуль, курган 1, Чырышлы и у дороги на Акиниш.

1—3, 4, 6—10, 12, 14 — лепная керамика; 5, 13, 15, 16 — каменные сосуды; 11 — станковая керамика.

Рис. 19. Могильники Дордуль, курган 1, и Чырышлы, восточный и западный курганы.

1—15 — прясла; 16, 17 — зеркала; 18 — пряжка; 19, 20 — фрагменты изделий.

Рис. 20. Могильники Чырышлы, восточный и западный курганы, и Дордуль.

1, 2 — височные кольца; 3, 4, 8, 10—14 — серьги; 5 — пластинка; 6, 7, 9, 13, 17 — перстни; 15, 16, 18 — фрагменты изделий; 19 — нашивное украшение; 20—22 — бусы.

Рис. 21. Могильники южнее колодца Чырышлы и у дороги на Акиниш.

1 — меч-акинак; 2, 3 — фрагменты мечей; 4, 5 — оселки; 6 — фрагмент кинжала; 8, 9 — ножи; 10 — курительница; 11 — крючок от колчана; 12 — стержень от шила (?); 14—33, 35, 36 — наконечники стрел; 34 — серьга; 37 — бусина; 38 — обкладки лука; 7, 13, 39, 40—42 — фрагменты изделий.

Рис. 22. Могильник Дордуль, курган 2.

1, 3 — керамика станковая; 2, 4, 7, 8 — лепная; 5, 6 — пряжки; 9, 14 — крючки от колчанов; 10 — прясло; 11 — фрагментированное изображение человека (?); 12, 13 — кресала (?); 15, 16 — наконечники стрел; 17 — ракушечник; 18—28 — бусы; 29 — кинжал; 30 — фрагмент кинжала; 31, 33, 34 — фрагменты ножей; 32 — стержень от шила (?).

Рис. 23. Могильник Субмар I. Инвентарь из погребений.

1 — поделка; 2 — наконечник стрелы; 3 — стержень; 4, 8 — кольцо; 5, 6, 9 — бусы; 7, 11 — оселки; 10 — пронизка; 12—14 — керамика.

Рис. 24. Могильник Уч-Ат. План и разрез кургана.

Рис. 25. Могильник Уч-Ат. Керамика.

Рис. 26. Могильник Уч-Ат. Изделия из металла.

Рис. 27. Ювелирные украшения. Могильники Актий-Карасу (вверху), Уч-Ат (внизу).

Рис. 28. Стоянка Каратау I.

1, 2, 5 — отщепы; 3 — чоппер или нуклеус; 4 — чоппер на массивном отщепе.

Рис. 29. Гистограммы типов заготовок, ретуши и орудий.

1—6 — Гиевджик-Депе; 7, 8 — Чопан-Депе.

Рис. 30. Афрасиаб.

1 — профиль южной стены раскопа в кв. 31/XVIII; 2—11 — гончарная керамика; 12 — лепная; 13 — каменное изделие из зольно-гумусных слоев.

Рис. 31. Коша-Депе. Зооморфный сосуд парфянского времени.

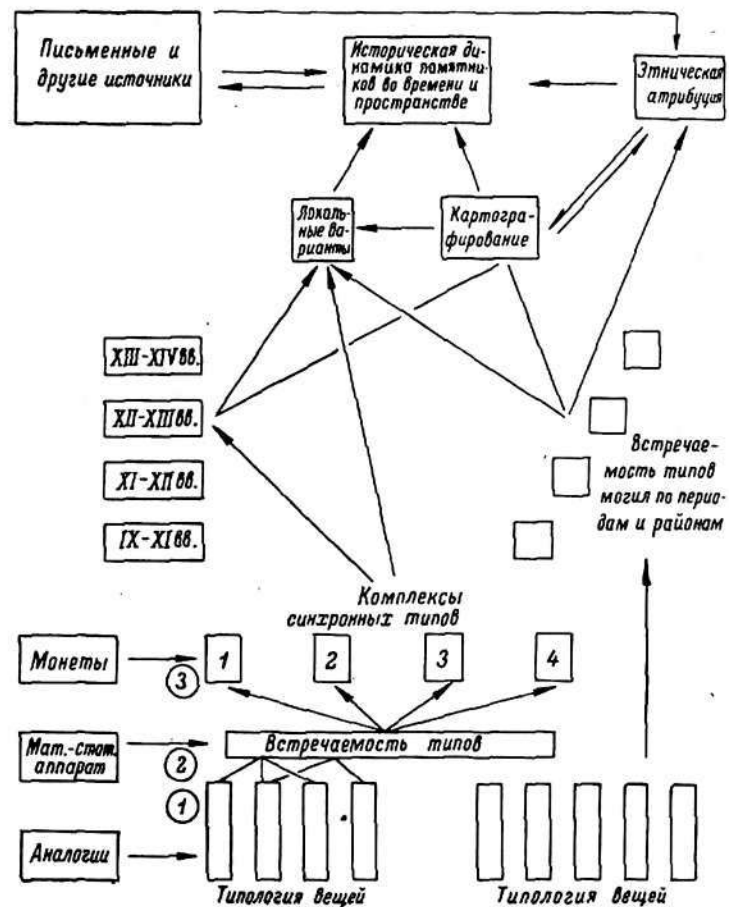

Рис. 1.

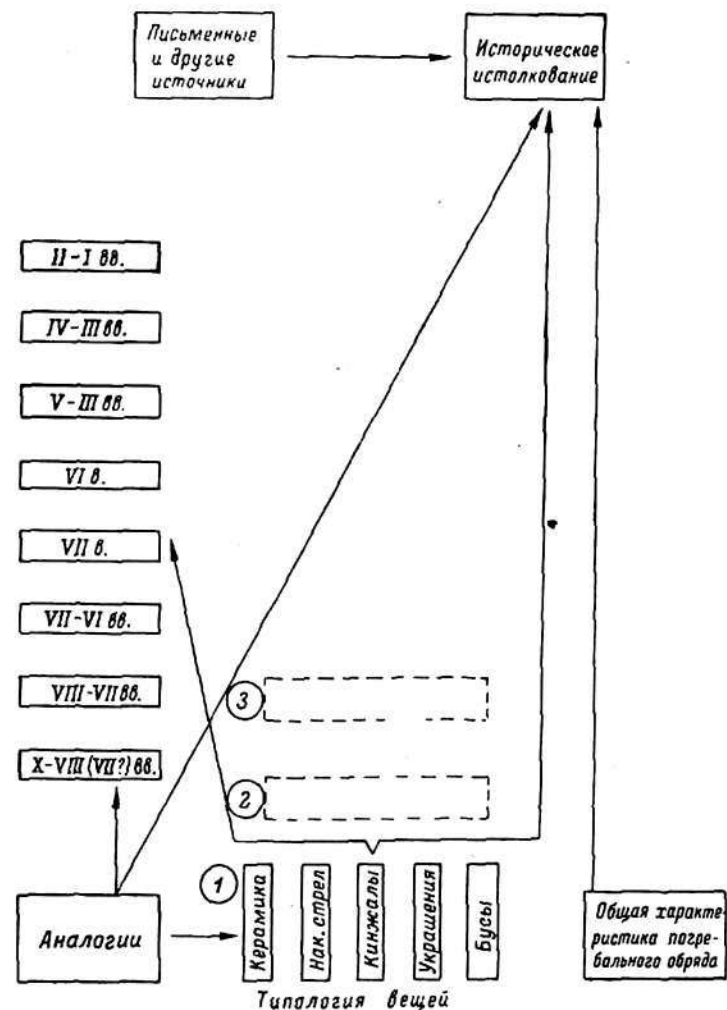

Рис. 2.

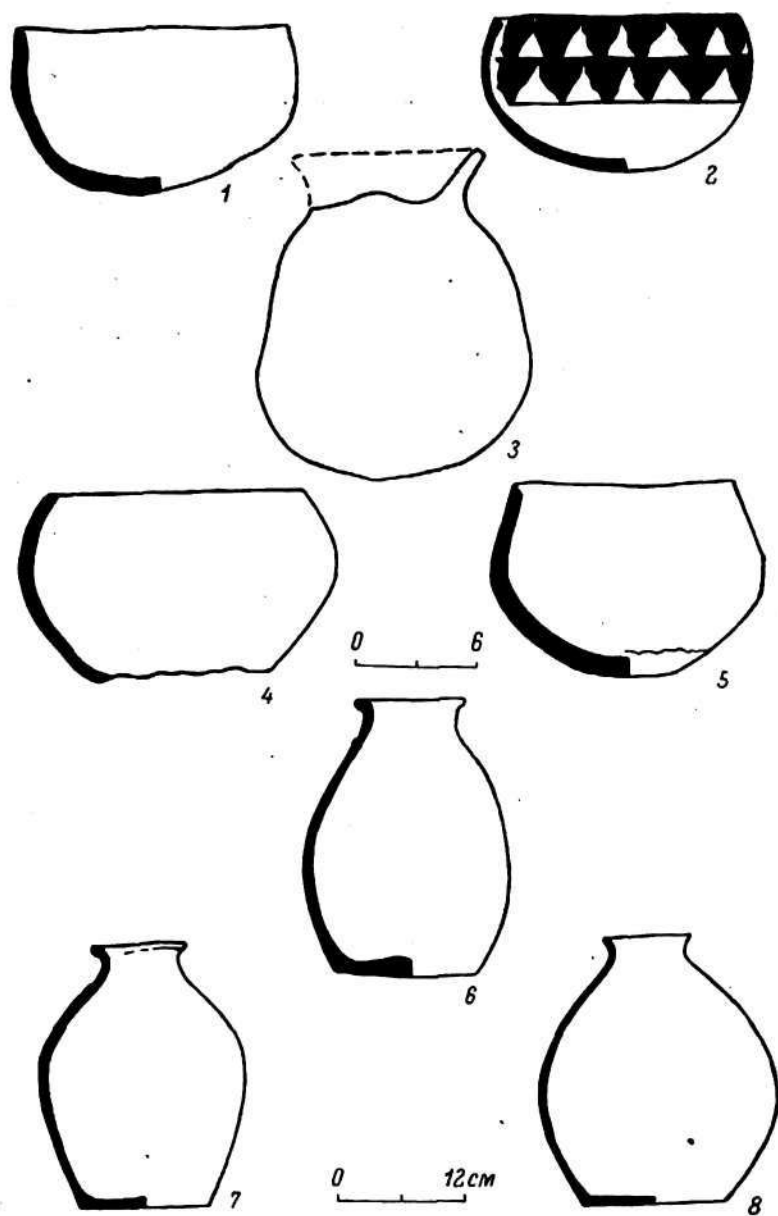

Рис. 3.

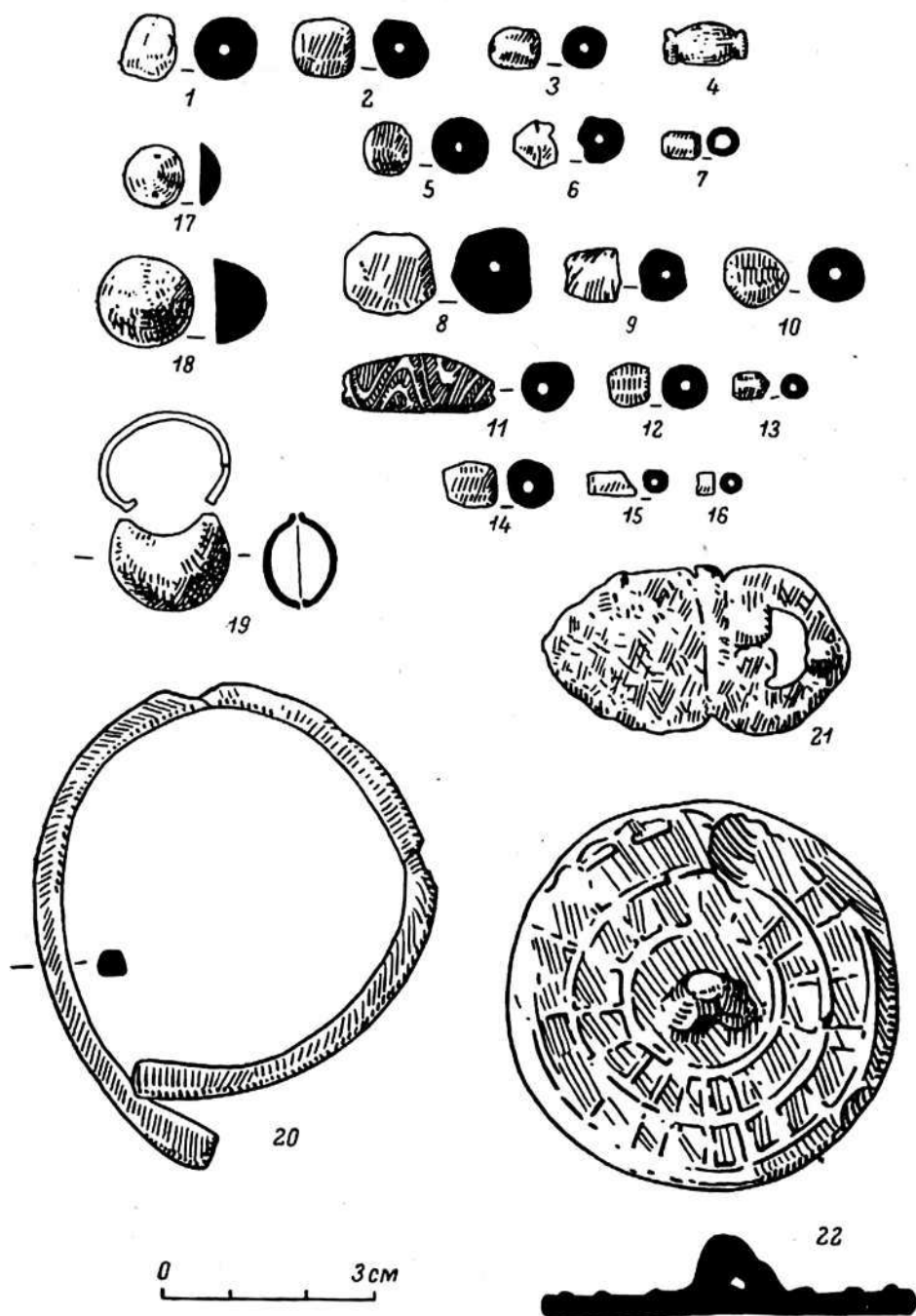

Рис. 4.

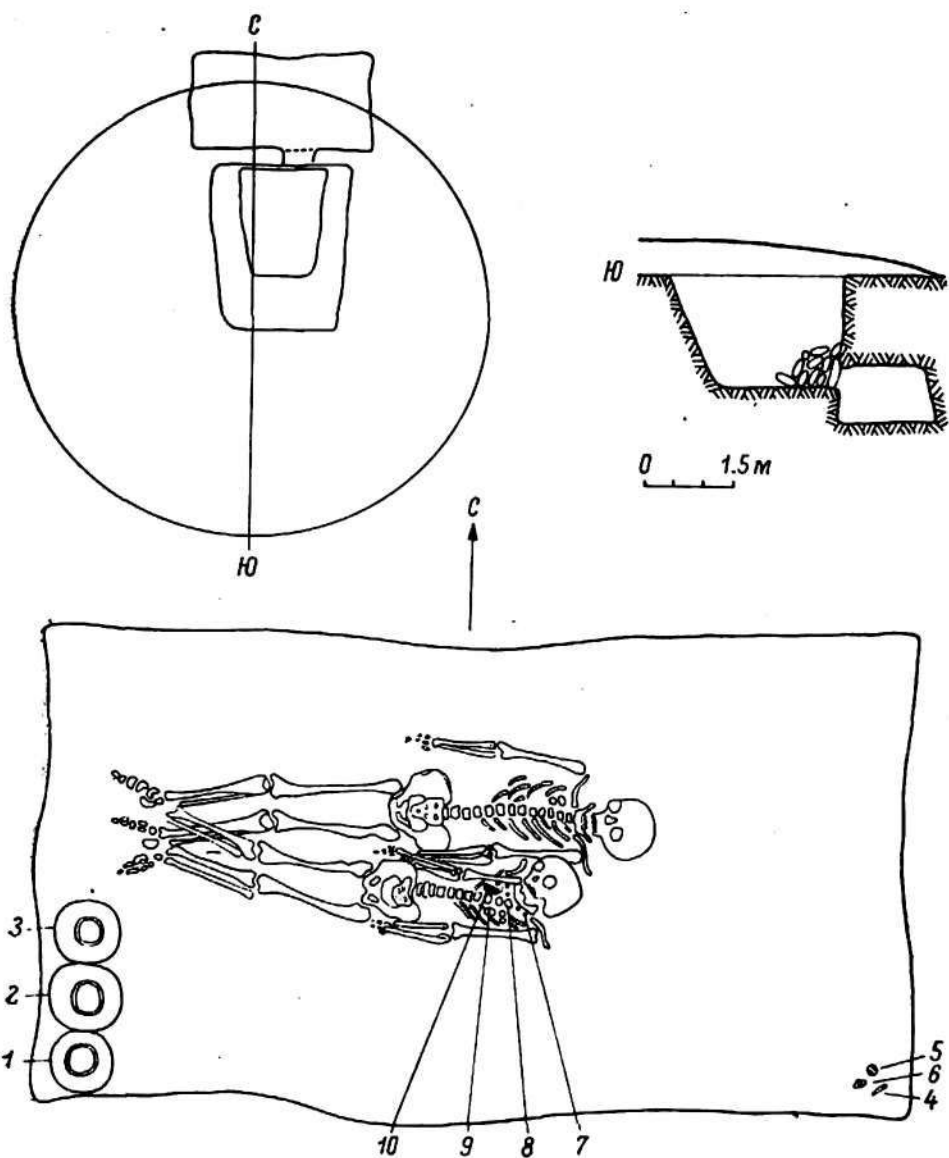

Рис. 5.

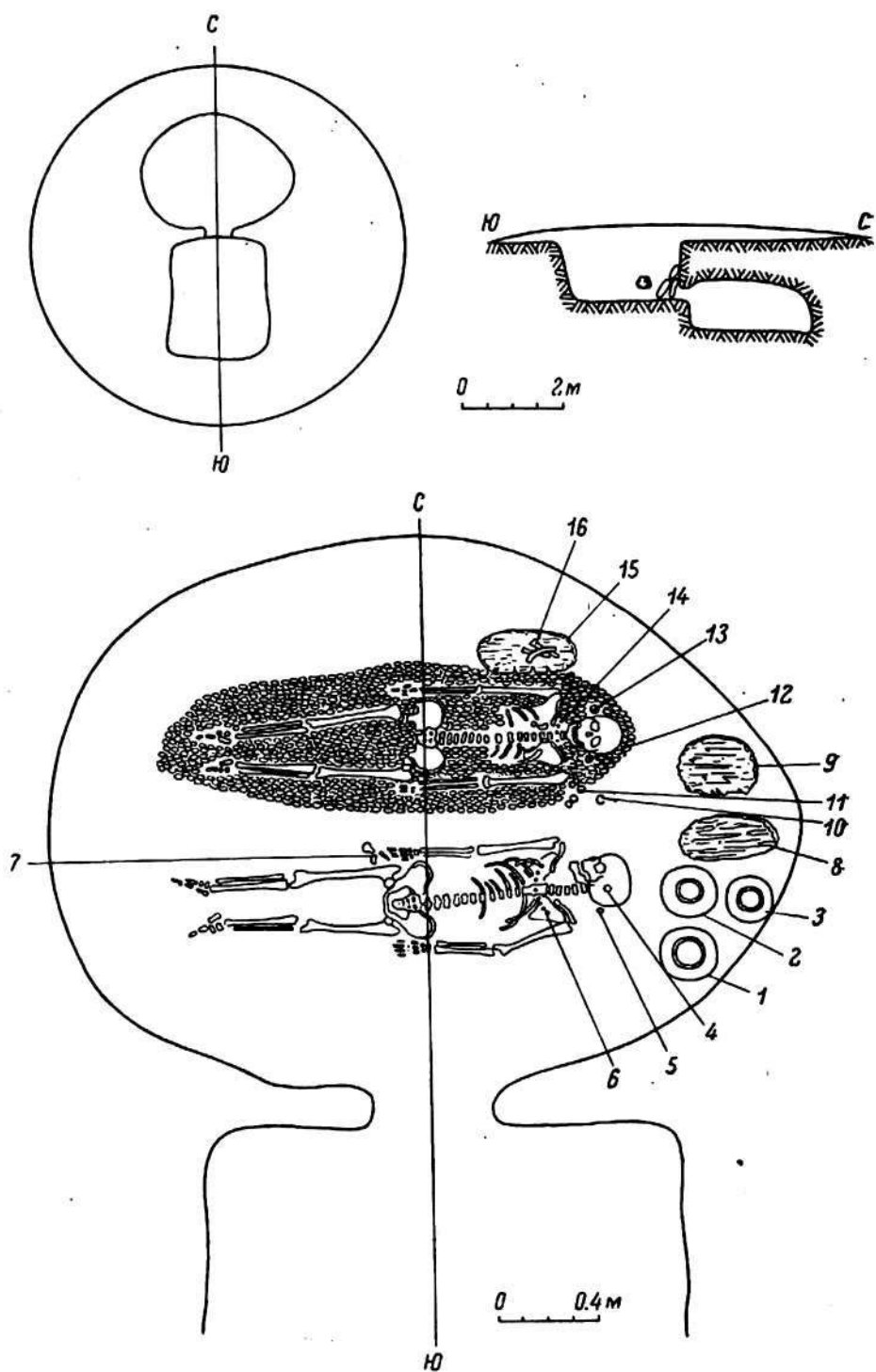

Рис. 6.

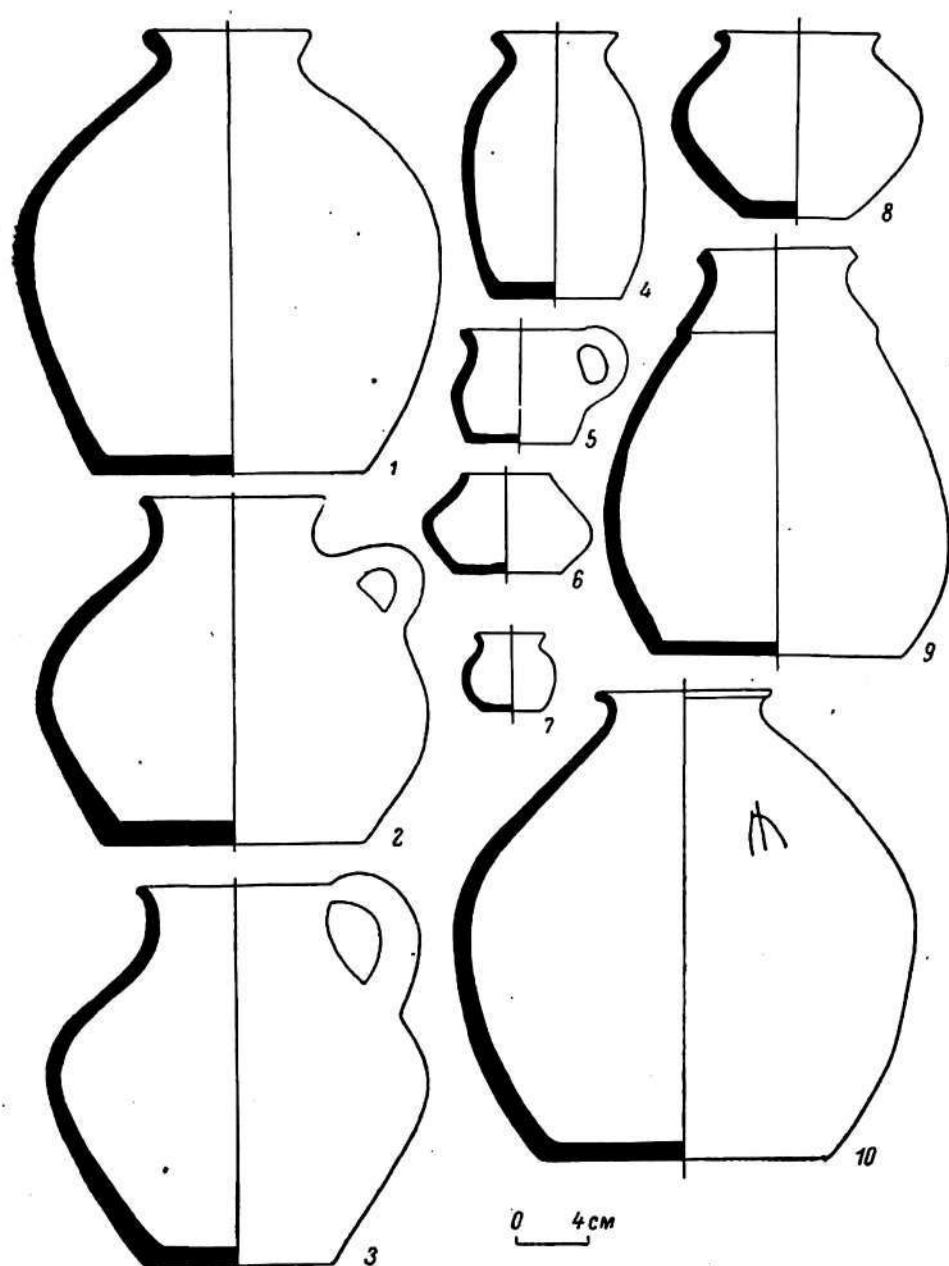

Рис. 7.

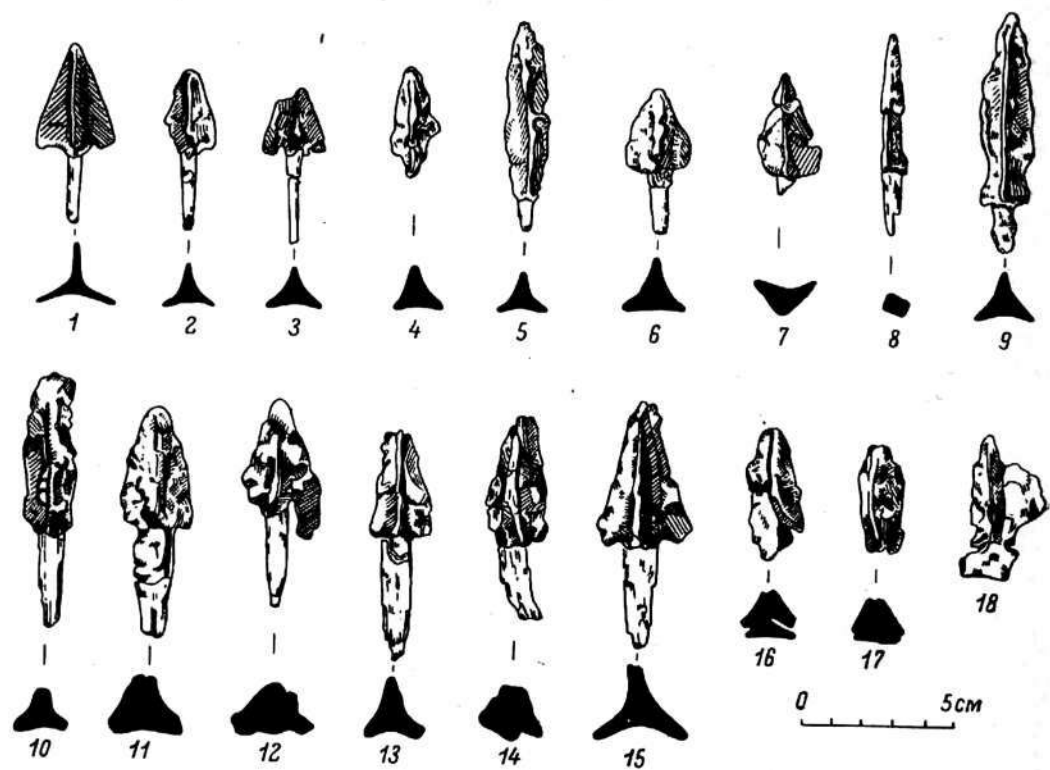

Рис. 8.

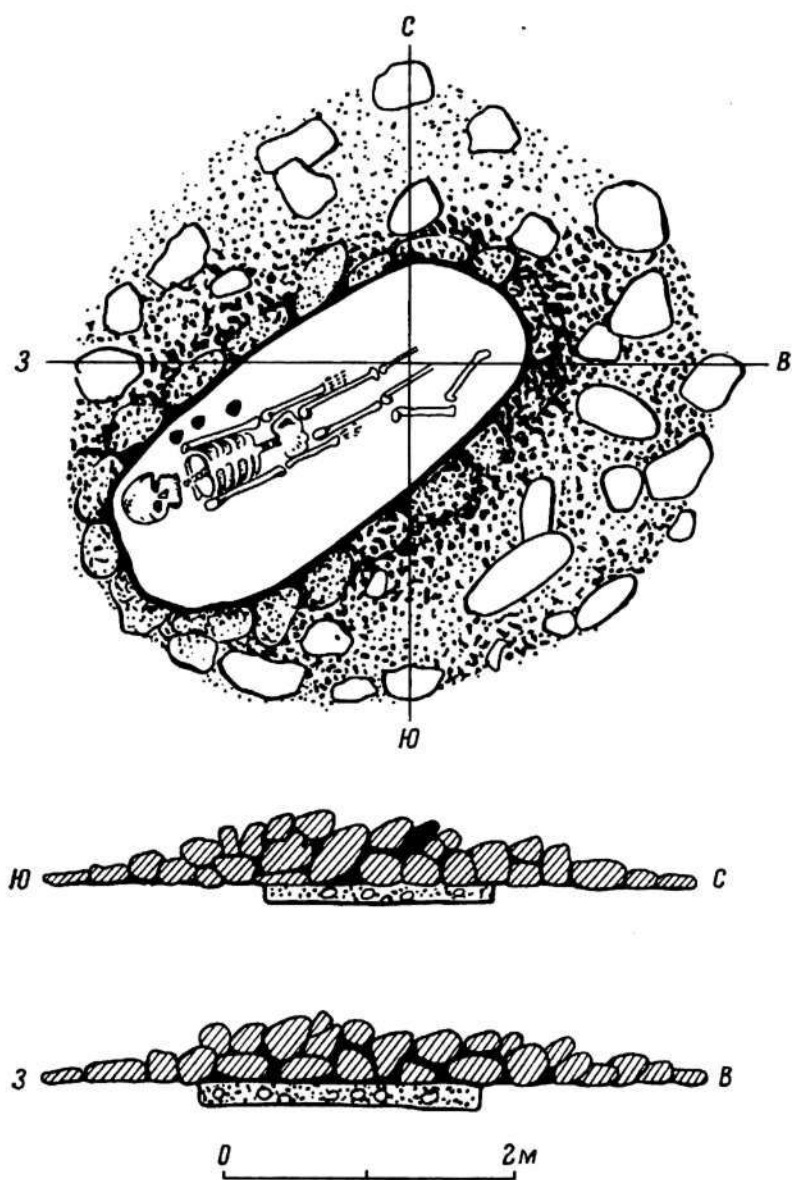

Рис. 9.

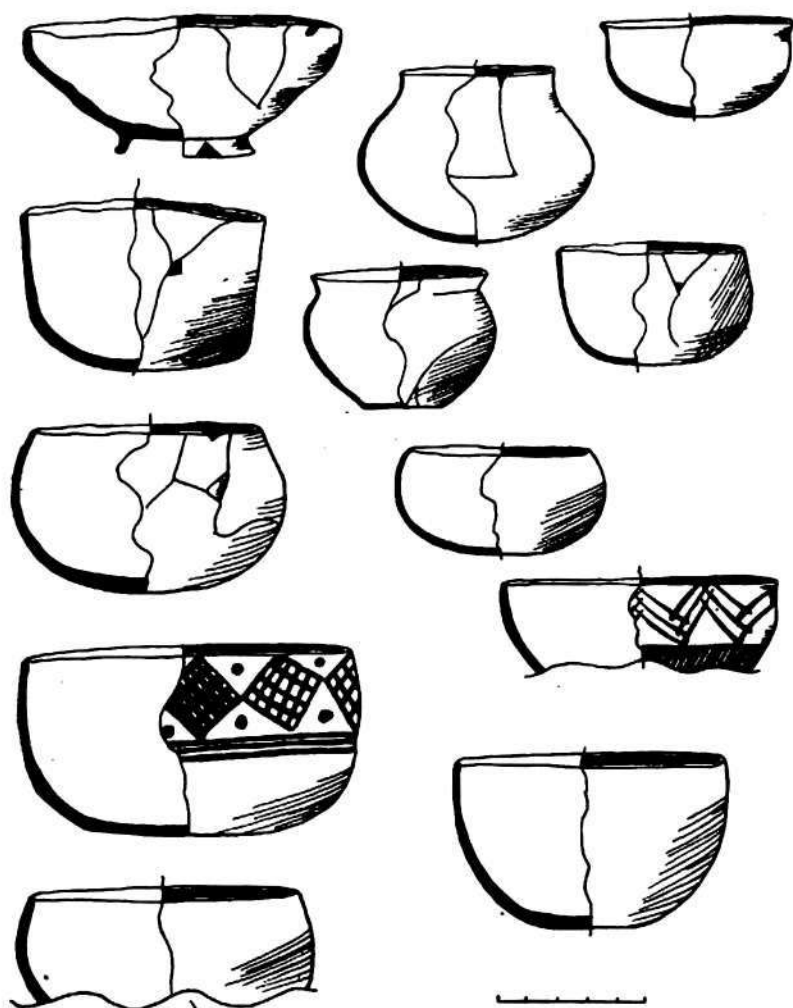

Рис. 10.

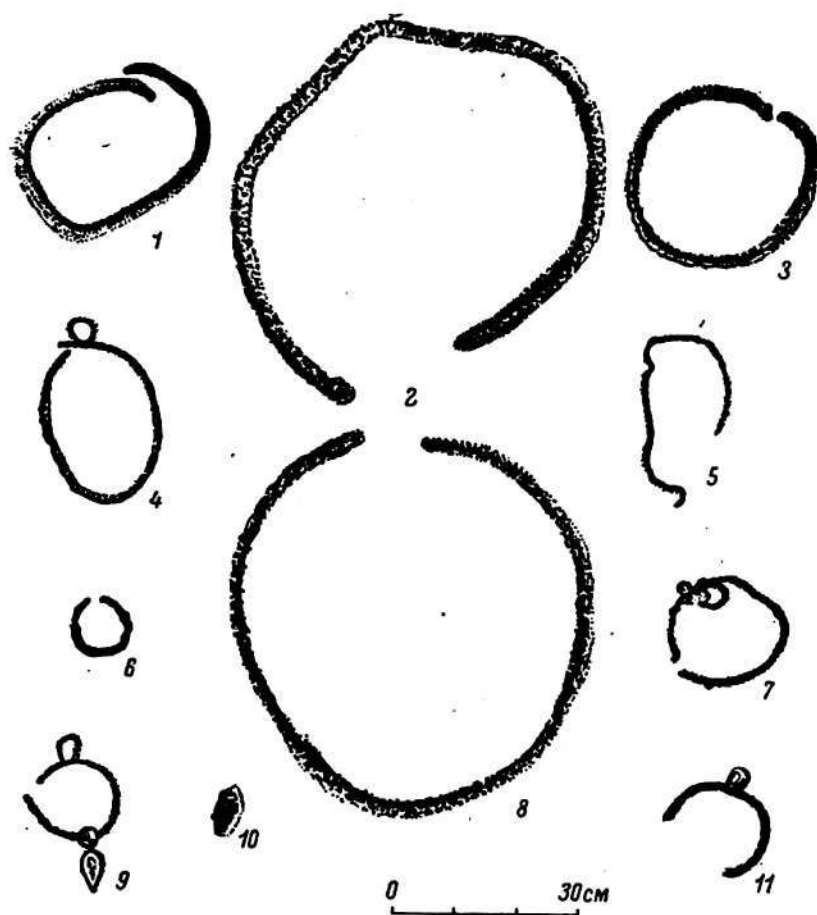

Рис. 11.

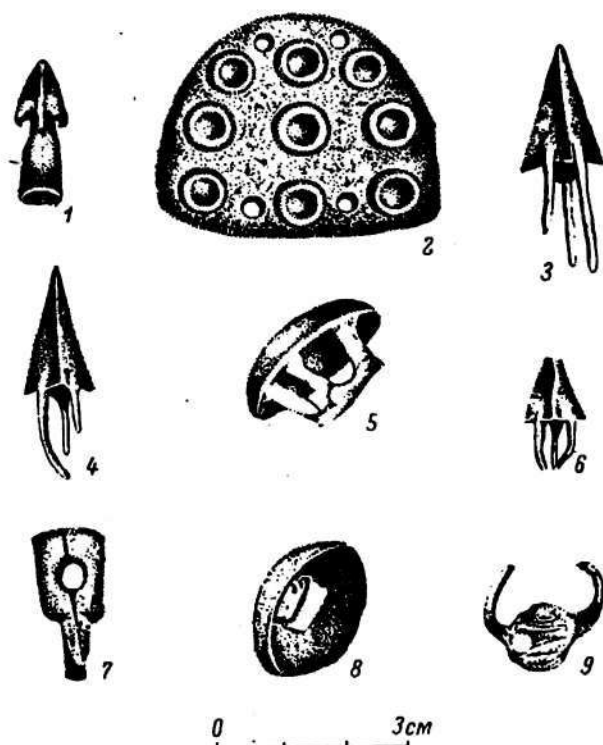

Рис. 12.

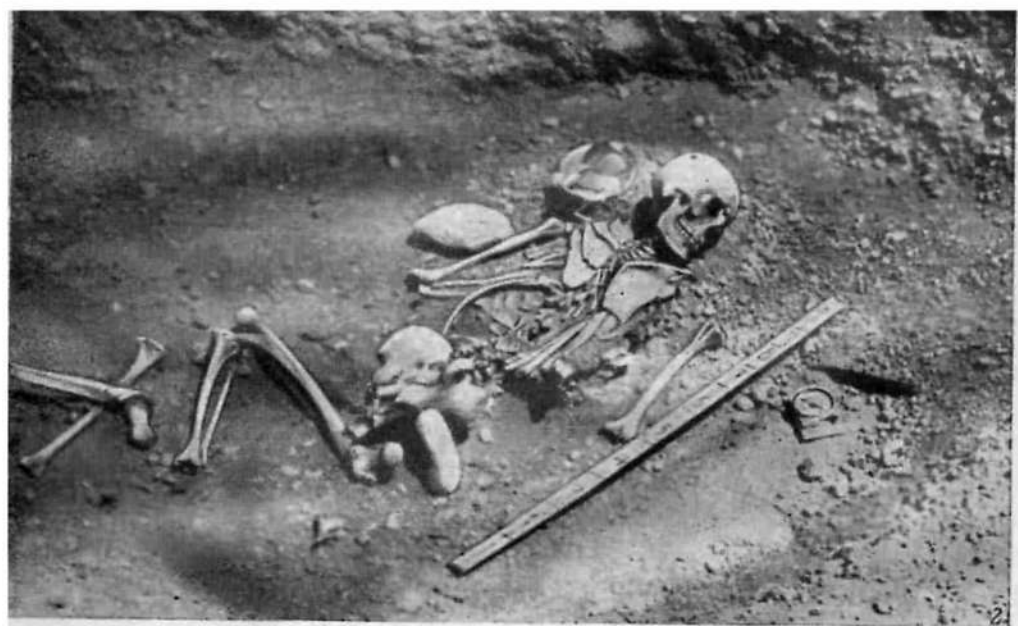

Рис. 13.

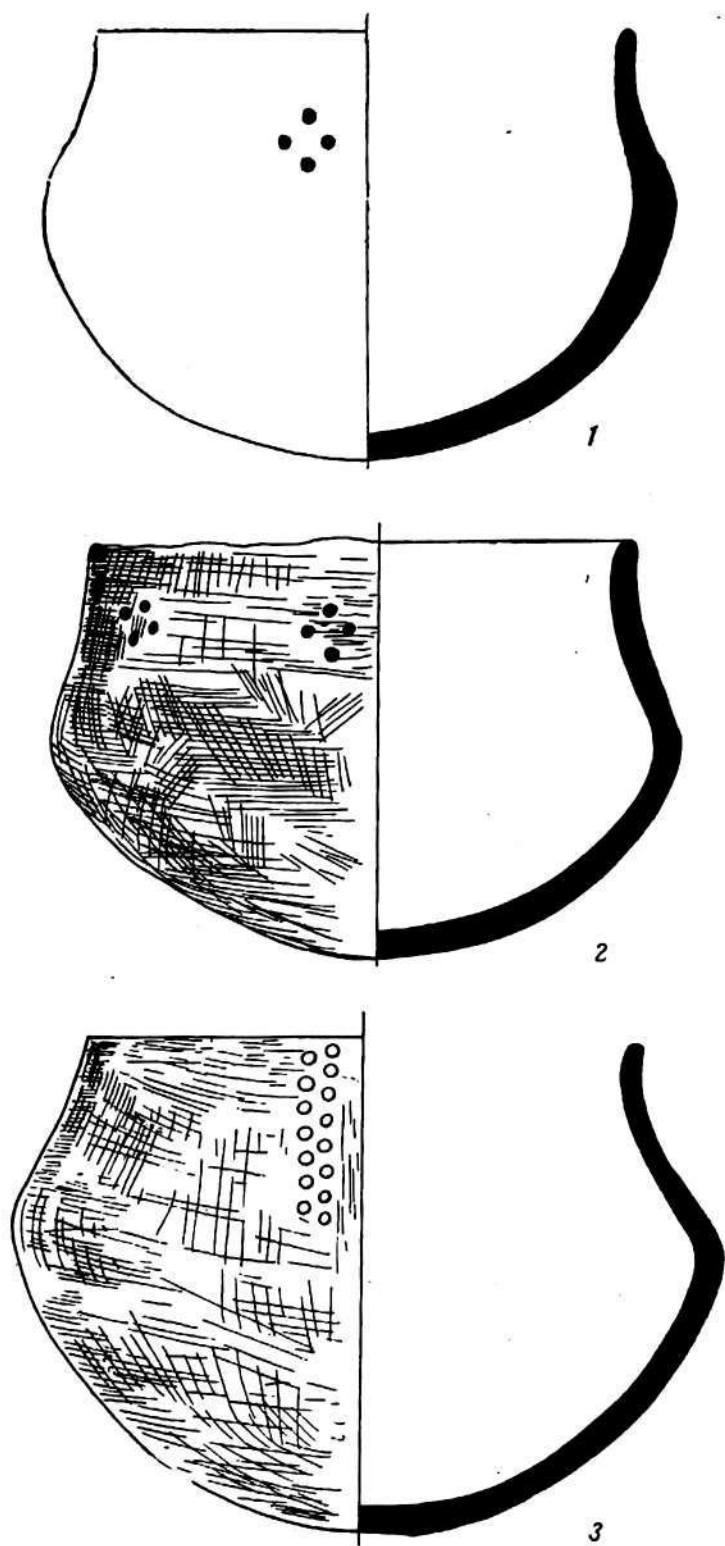

Рис. 14.

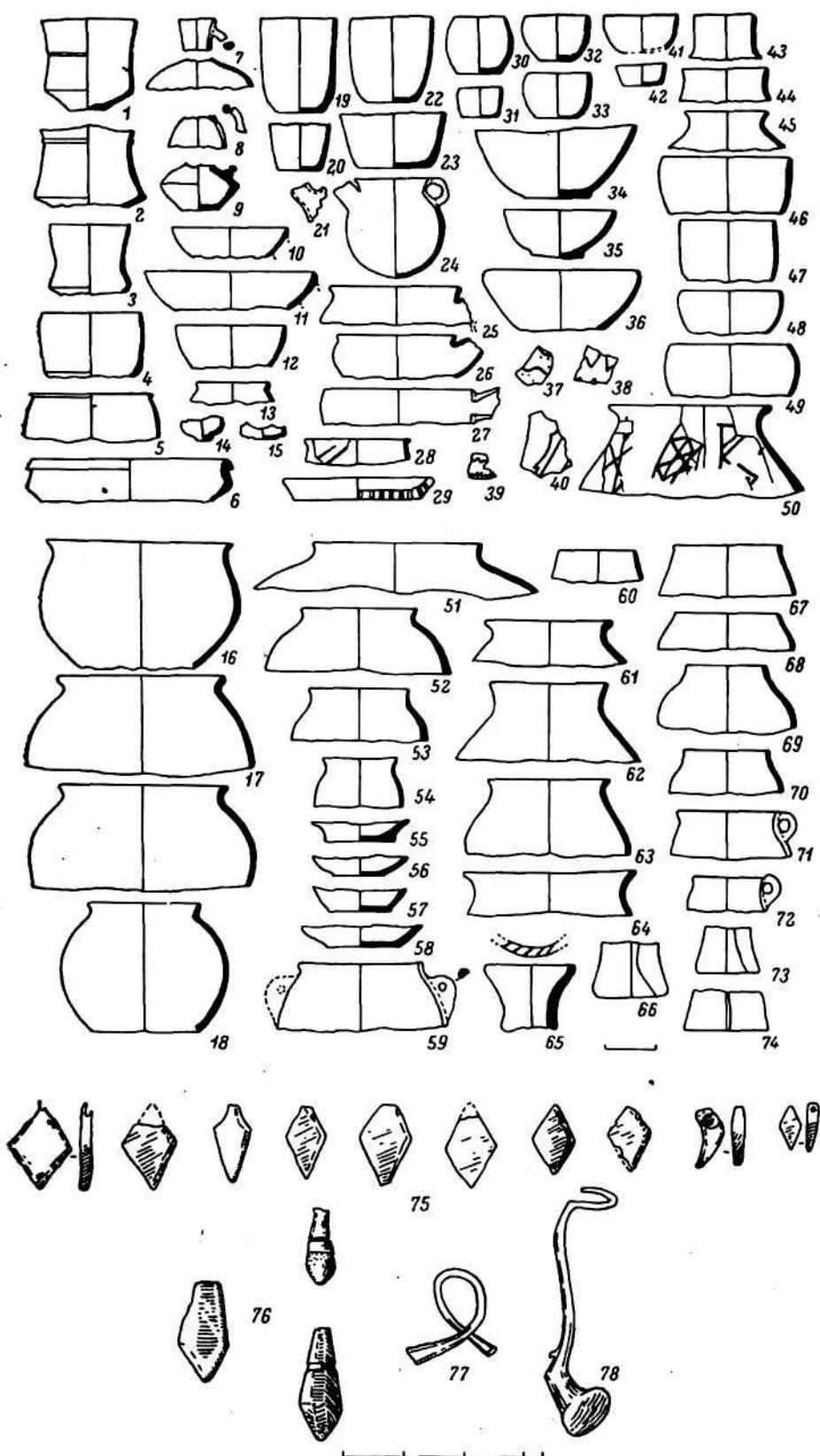

Рис. 15.

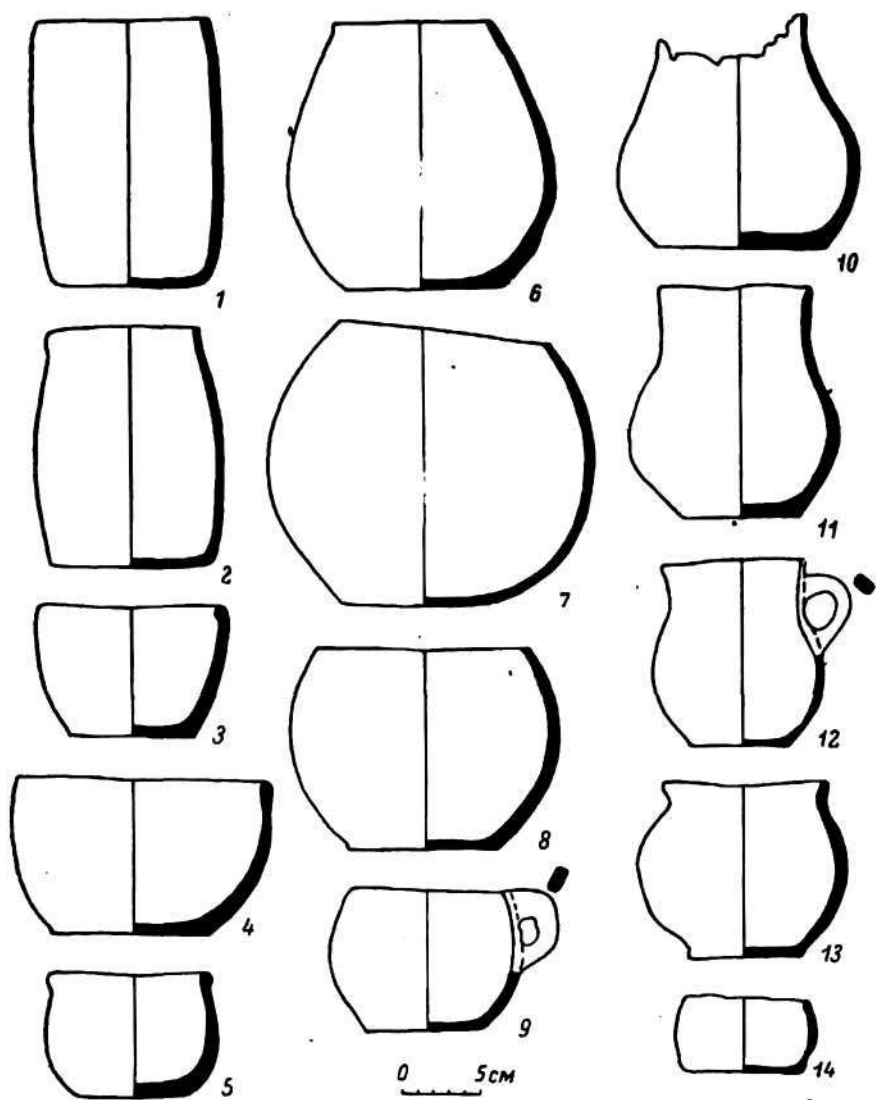
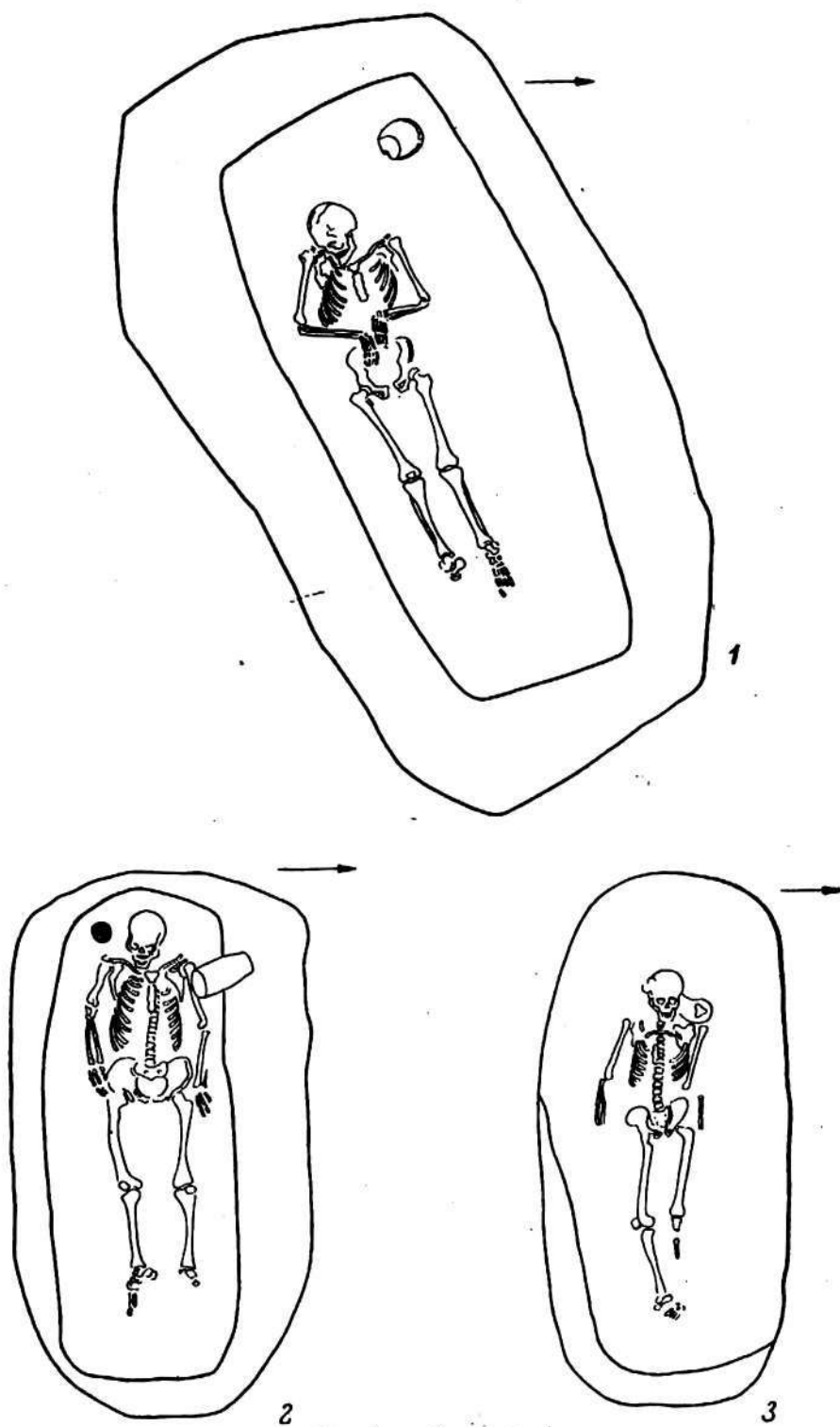

Рис. 16.

0 1m

Рис. 17.

Рис. 17 (продолжение).

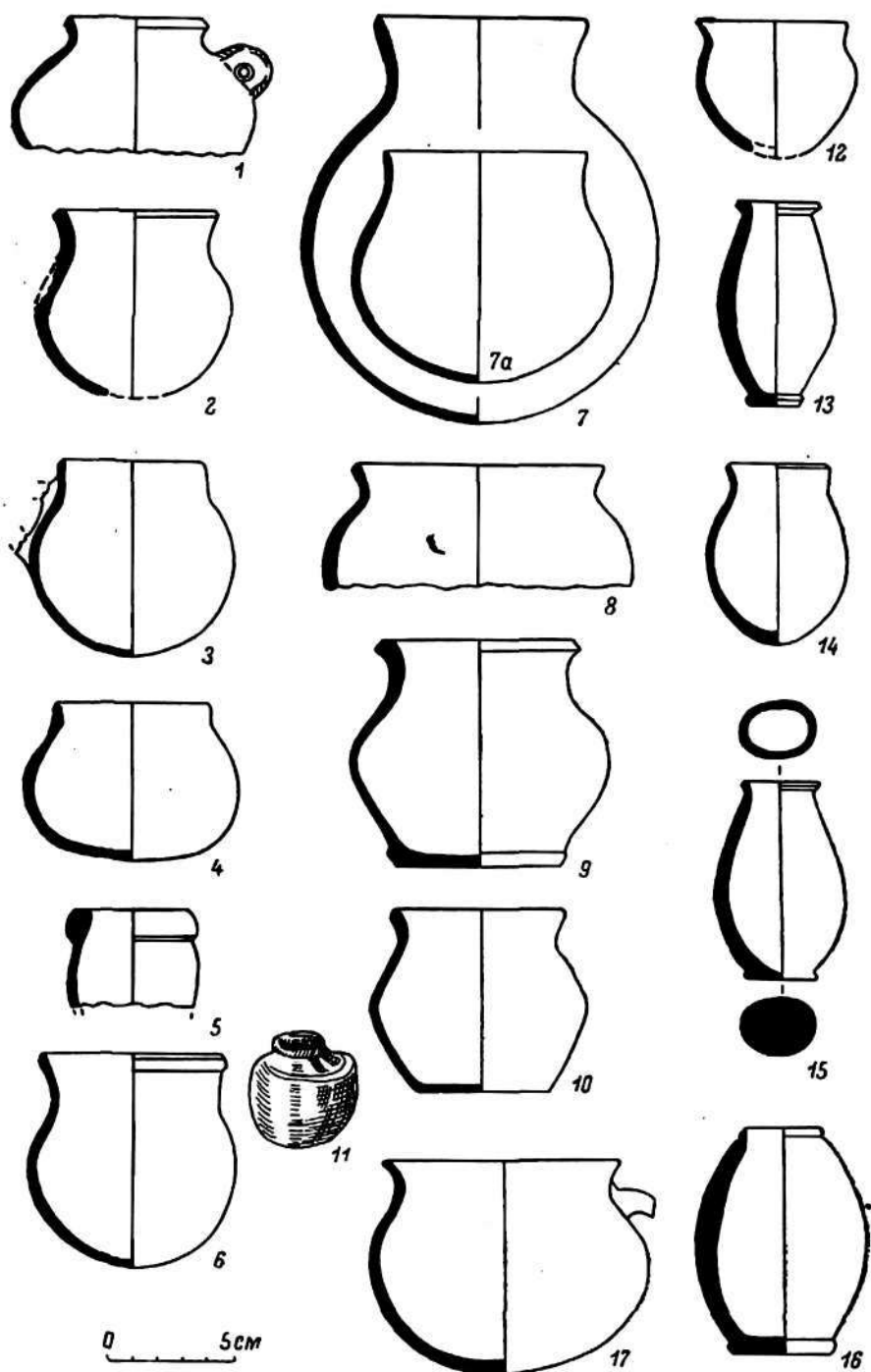

Рис. 18.

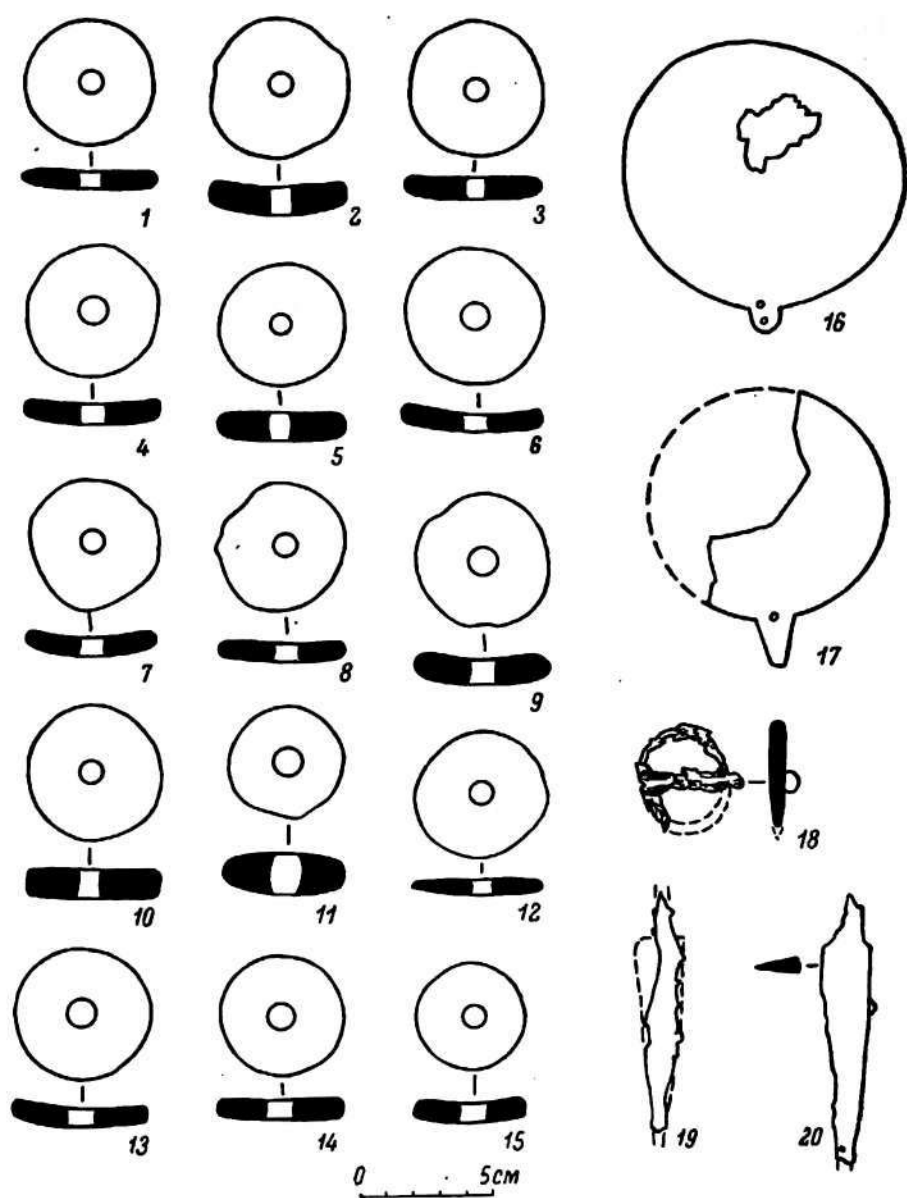

Рис. 19.

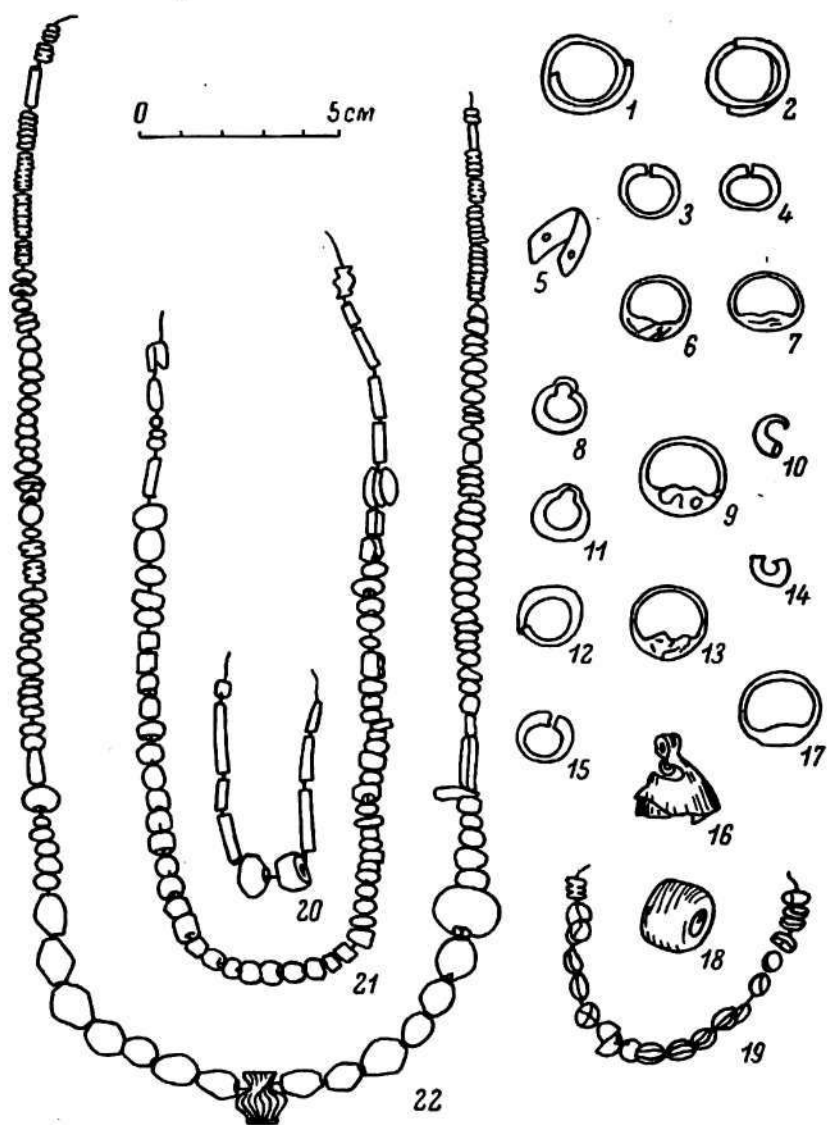

Рис. 20.

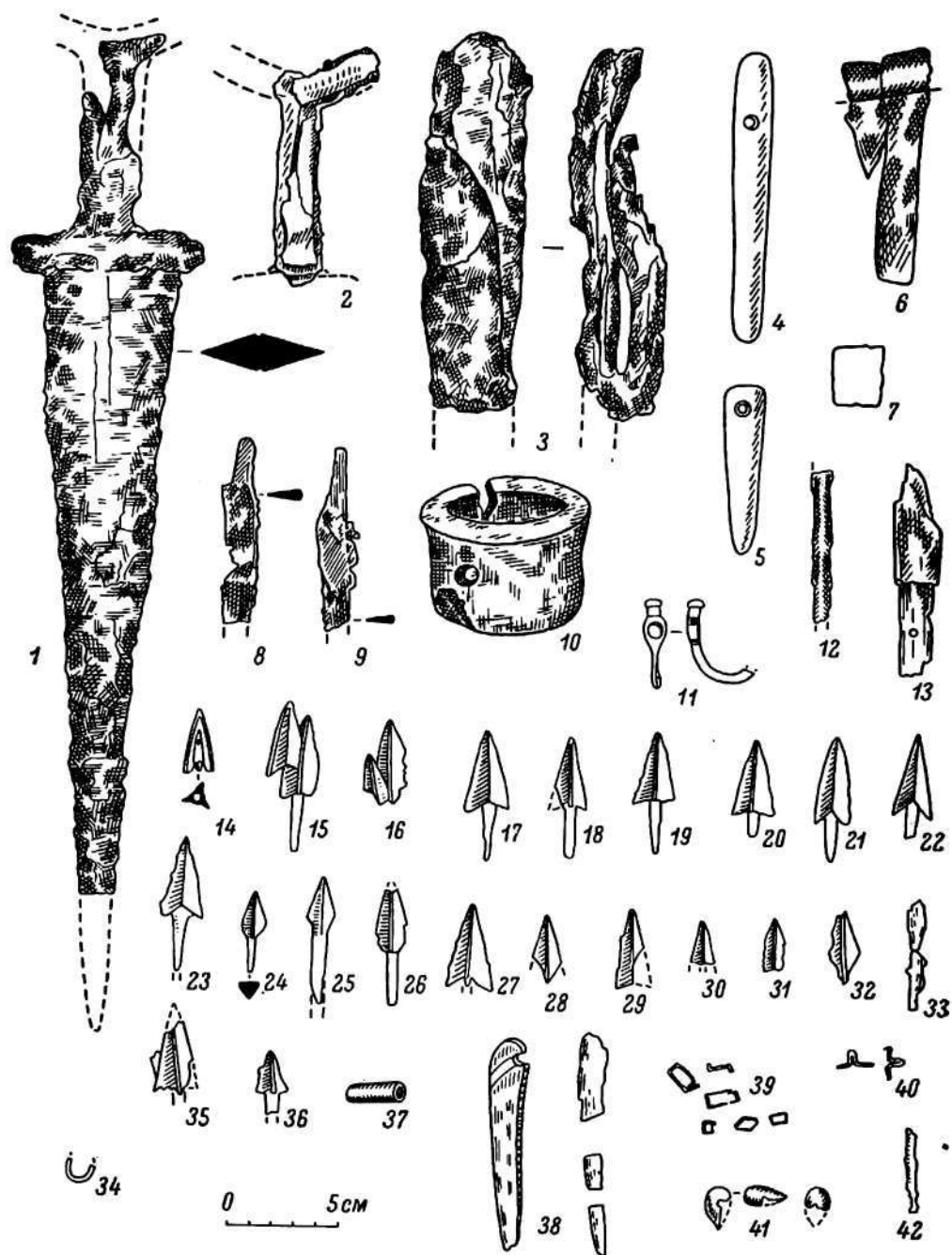

Рис. 21.

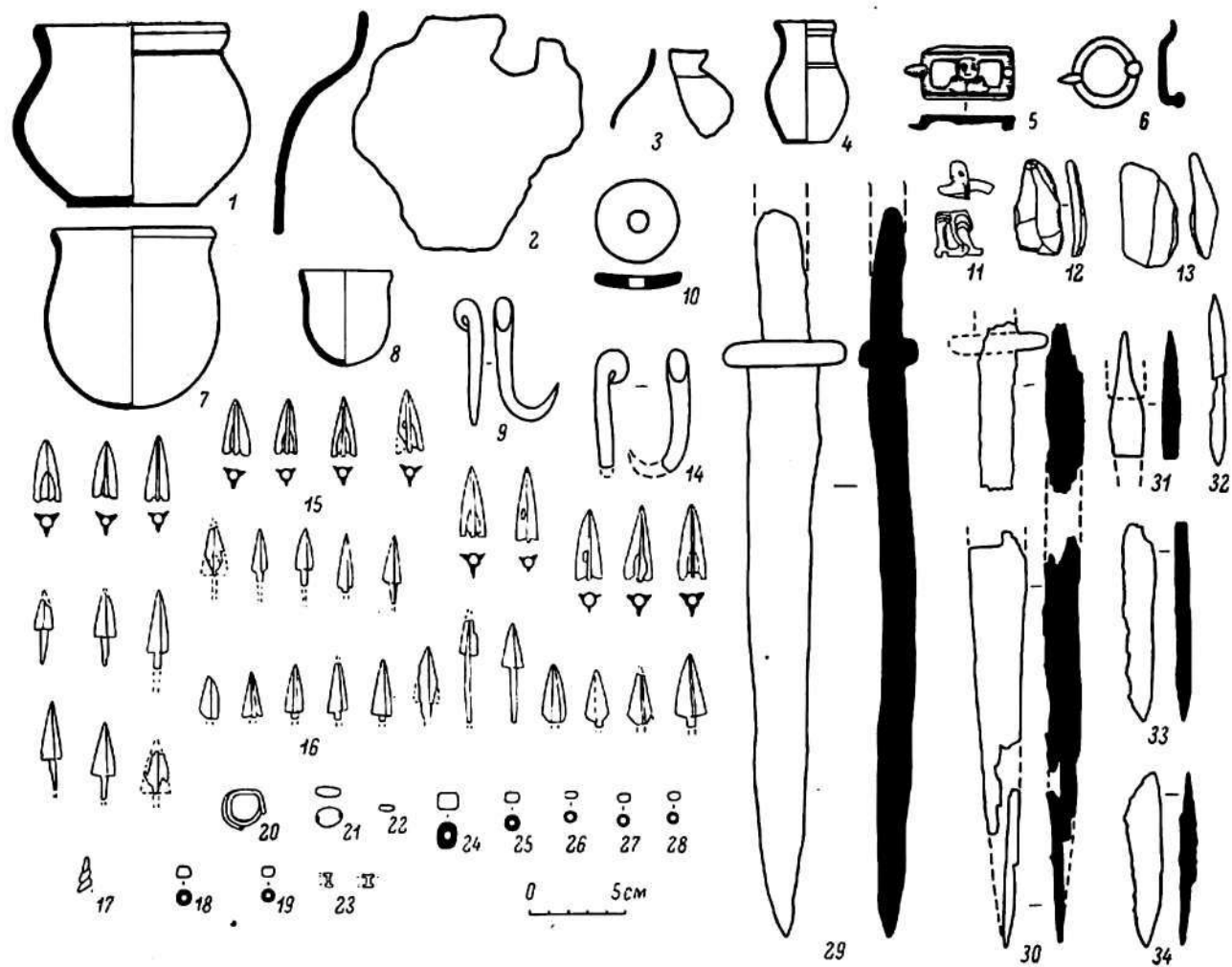
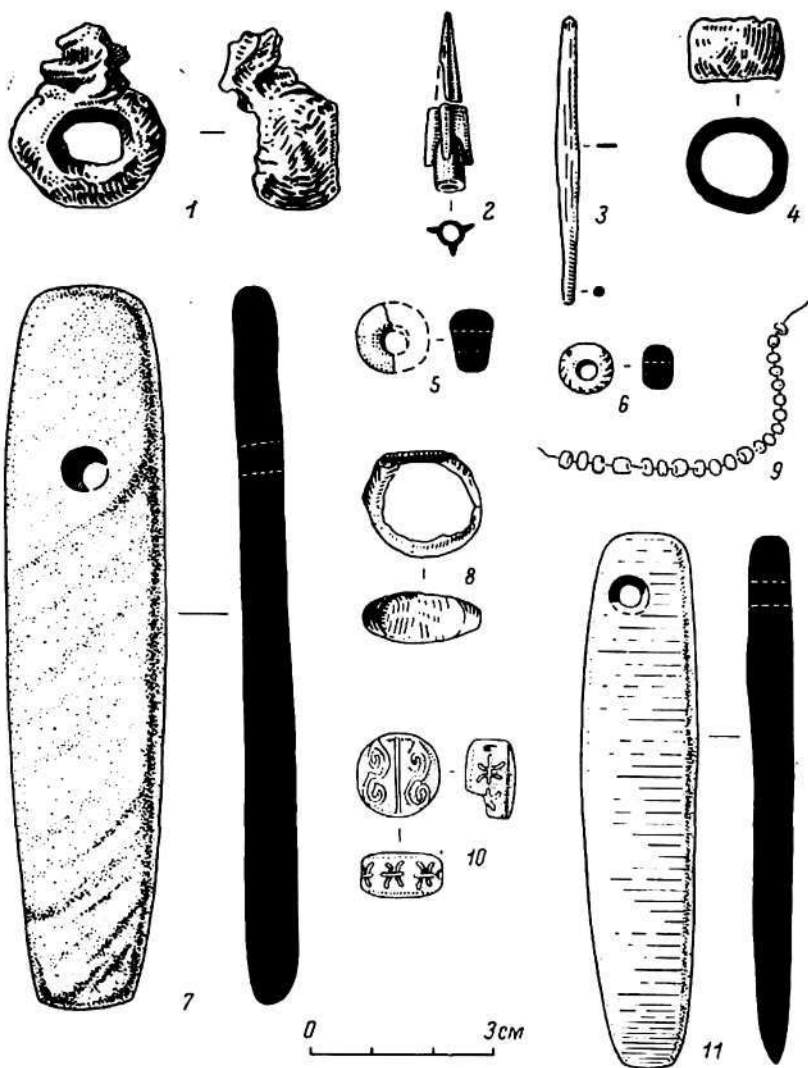

Рис. 22.

0 5cm

Рис. 23.

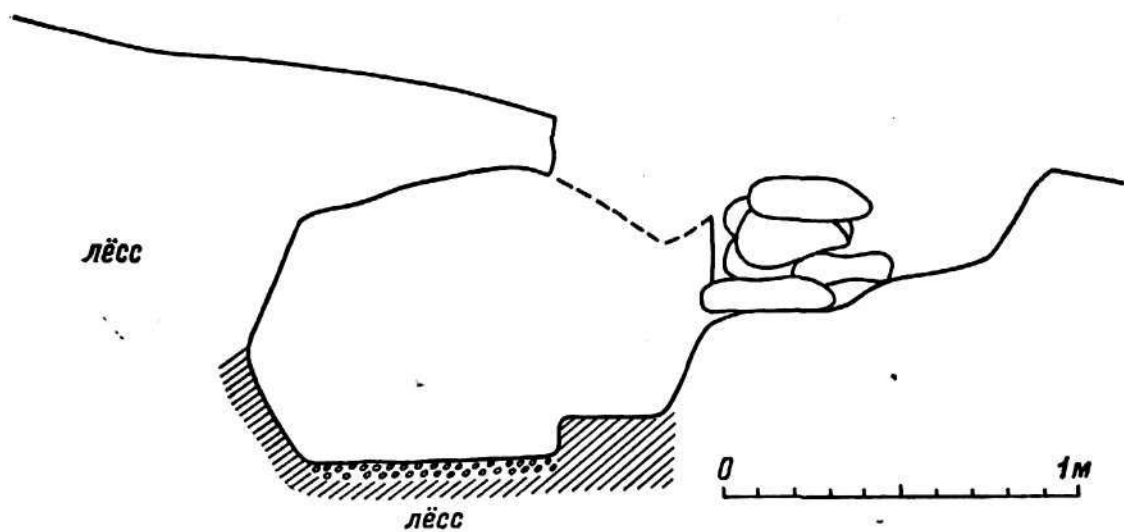
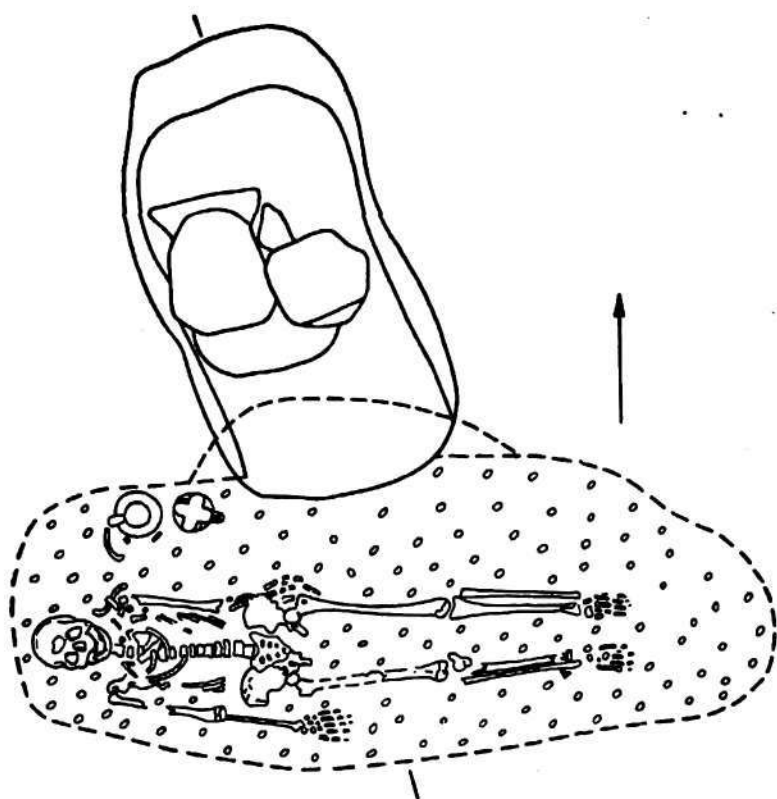

Рис. 24.

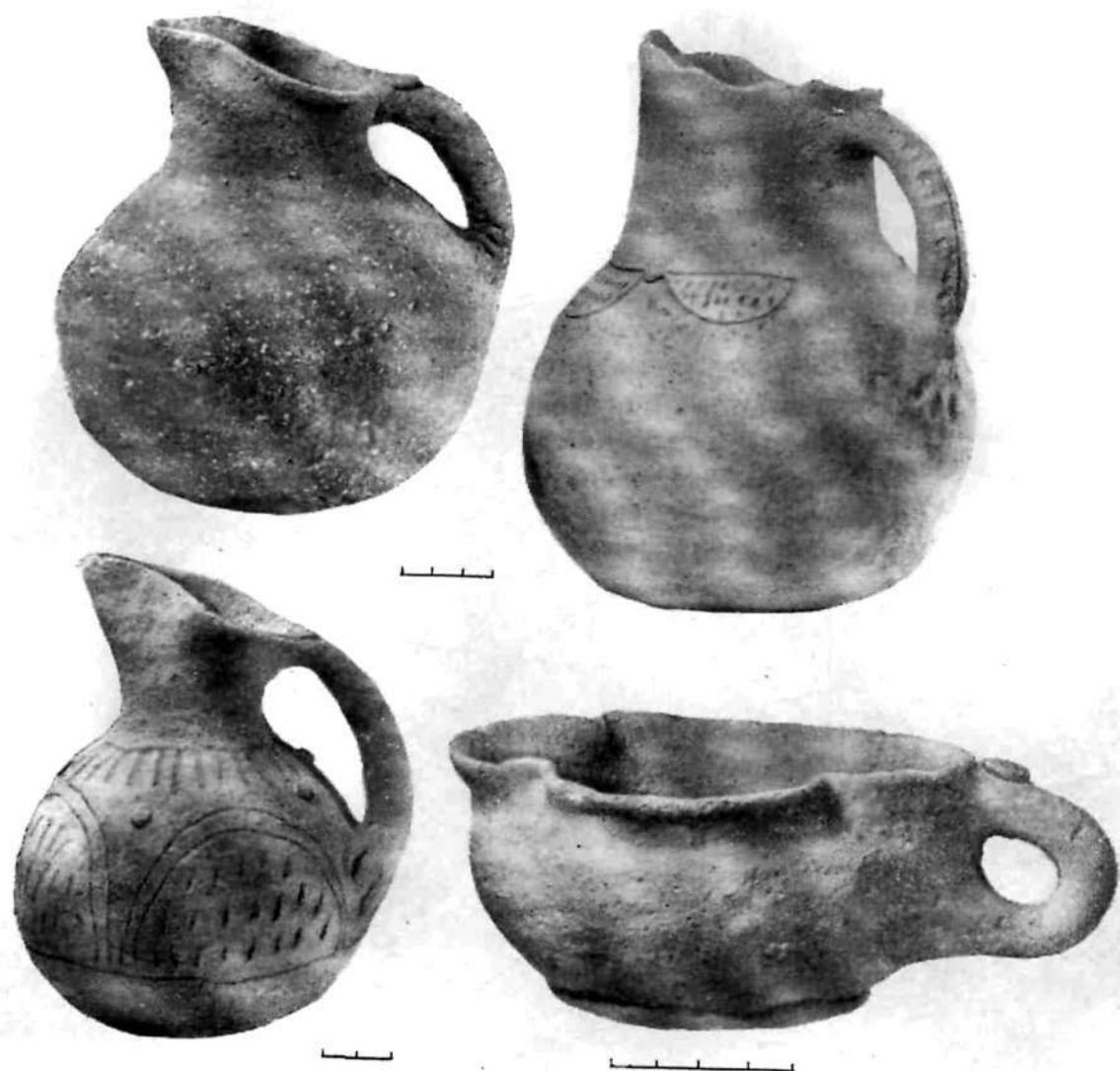

Рис. 25.

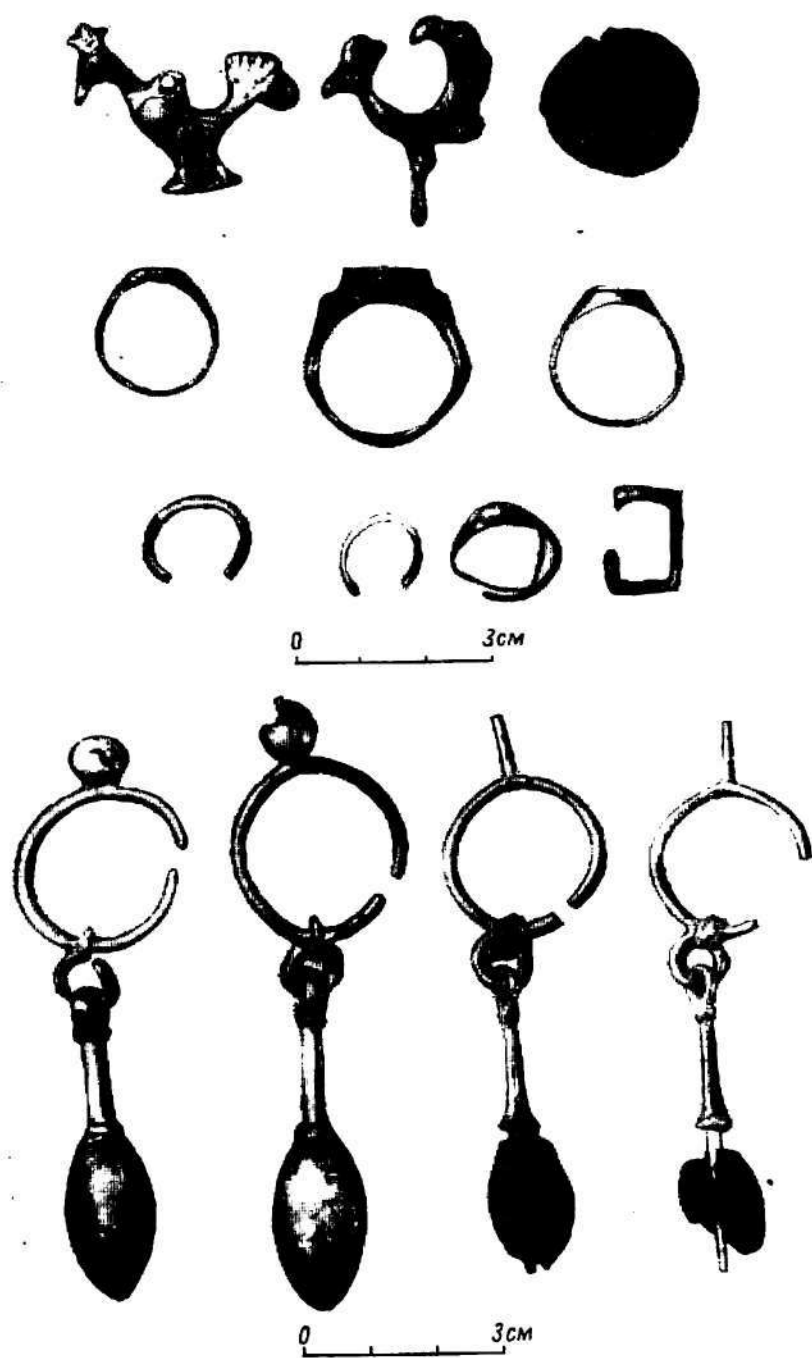

Рис. 26.

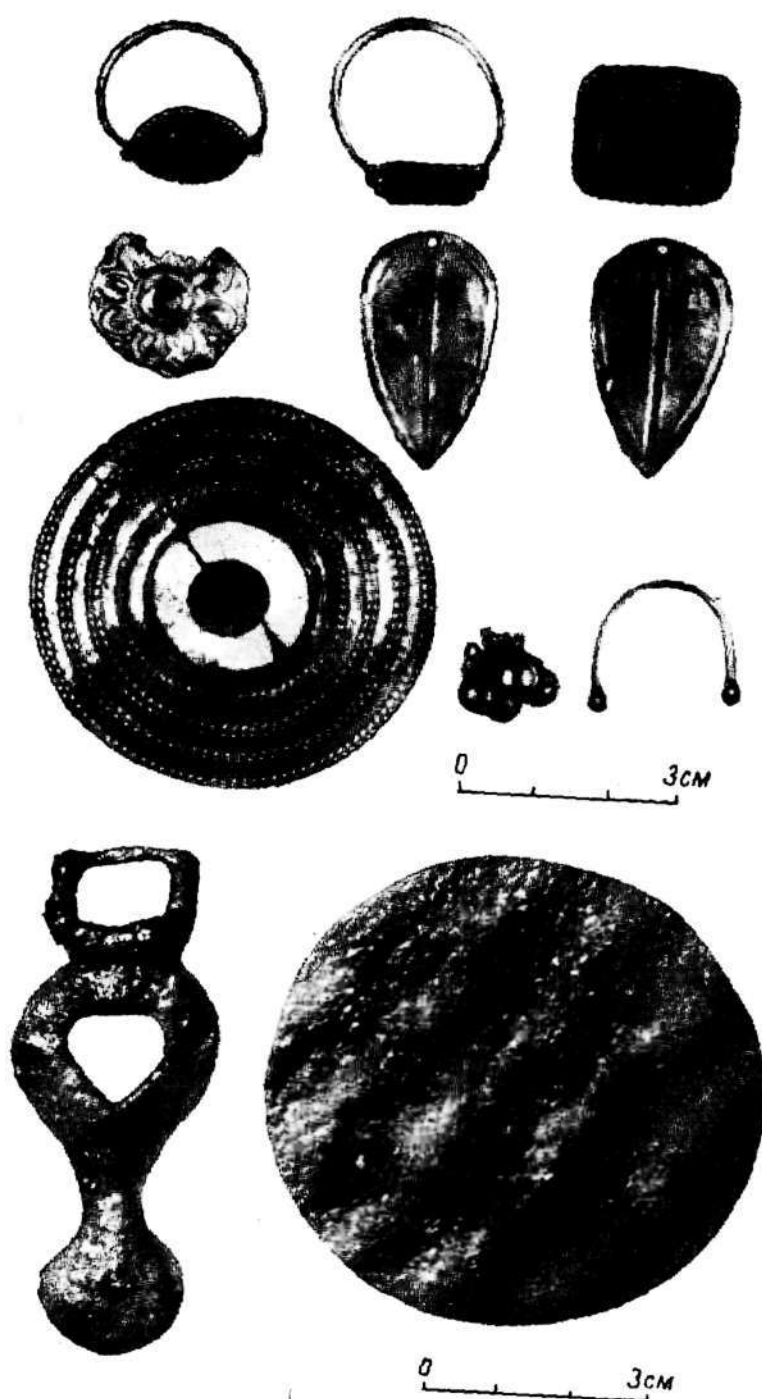

Рис. 27.

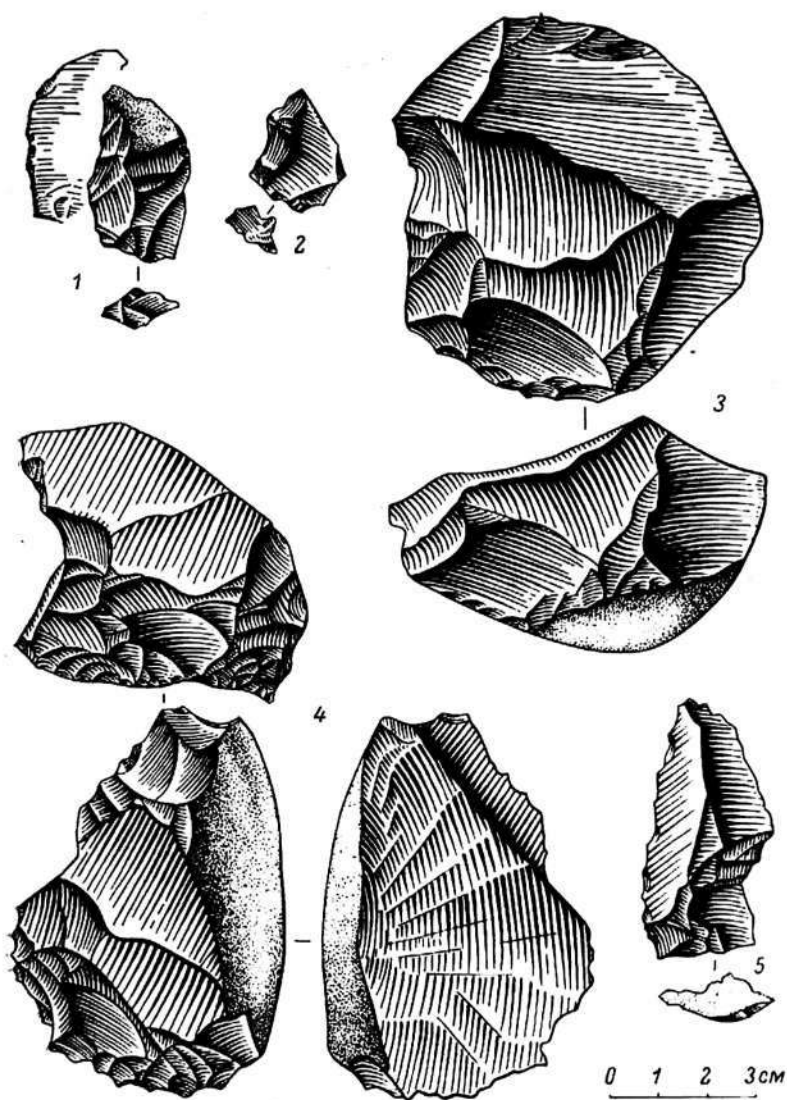

Рис. 28.

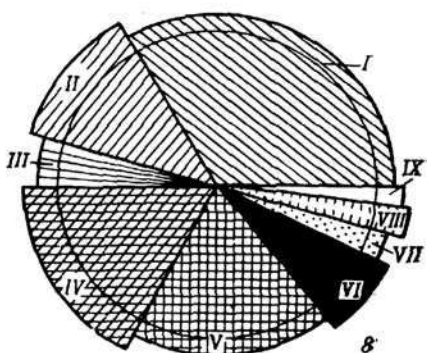
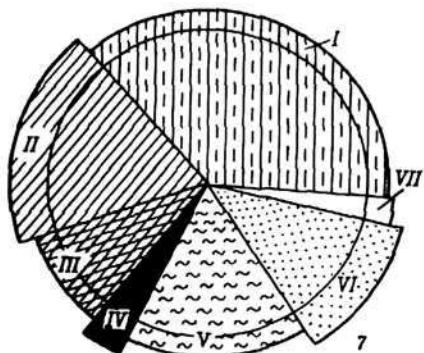
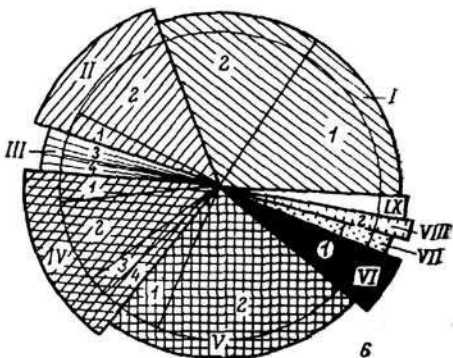
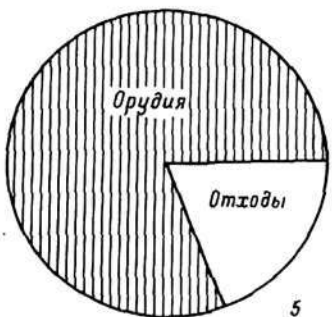
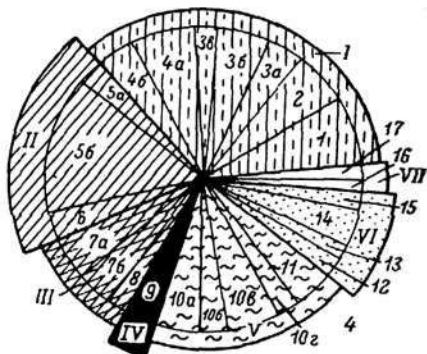
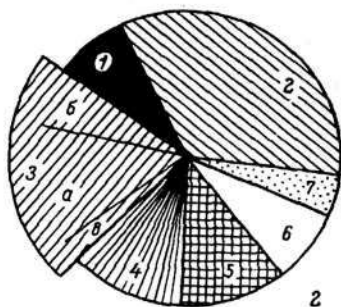
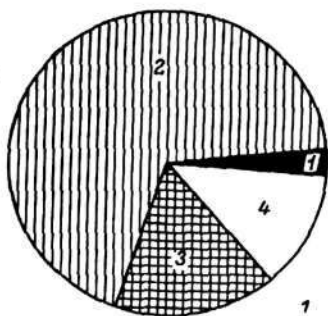

Рис. 29.

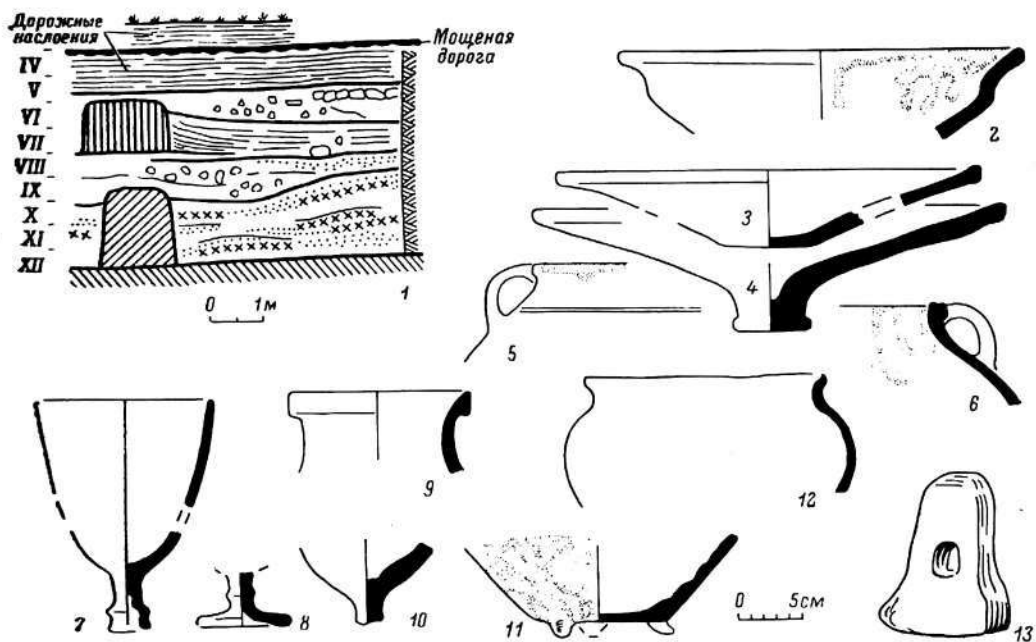

Рис. 30.

Рис. 31.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Общие вопросы. Хронология и историческая интерпретация культур ранних кочевников

А. М. Мандельштам. О некоторых проблемах изучения истории кочевников Средней Азии и Казахстана	3
М. П. Грязнов. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников	9
Ю. А. Заднепровский. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии	13
С. С. Сорокин. О хронологических формулах и значении термина «могильник»	17
Г. А. Федоров-Давыдов. О спенах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства	23

II. Изучение памятников ранних кочевников Средней Азии и Казахстана

Н. Г. Горбунова. Раскопки курганов в Ферганской области	29
Э. Кадыров. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы. (По материалам раскопок могильника Гурмироп в 1973 г.)	33
Е. Д. Салтовская. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках»	36
А. Д. Бабасв. Могильник Южбок на Западном Памире	39
Б. И. Вайнберг. Куксайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи	42
Х. Ю. Юсупов. Исследование курганных памятников вдоль Верхнего Узоя весной 1973 г.	48
И. Н. Хлопин. Погребения скифского времени в долине Сумбара	51
Ю. А. Заднепровский. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии в 1973 г.	53
И. К. Кожомбердиев. Археологические памятники долины Кетмень-Тюбе	56
Т. П. Кияткина. Антропологические находки из раннекочевнических памятников в долине Кетмень-Тюбе	57

III. Информация и хроника

Совещание по вопросу изучения древнего города Средней Азии	60
Совещание по вопросу реконструкции общественных отношений по археологическим данным жилищ и поселений	60
Защита диссертаций по археологии Средней Азии и Казахстана	61
Научные заседания по археологии Средней Азии и Казахстана в 1972—1973 гг.	63
Открытие Музея археологии Академии наук Казахской ССР	68
Создание Сектора истории культуры в Институте истории Академии наук Таджикской ССР	68
Образование Археологической секции Общества охраны памятников Узбекистана	69
Из новых археологических открытий	69
Новая палеолитическая стоянка Каратау I в Южном Таджикистане (А. А. Лааренко, В. А. Ранов) — 69. Поселение неолитических земледельцев Гиевджик-Депе в Южном Туркменистане (Г. Ф. Коробкова) — 71. Новые памятники эпохи бронзы Южного Туркменистана (А. А. Ляпин) — 73. Новые данные о торговых связях Туркмении и Индостана в бронзовом веке (Д. Гульмуратов) — 73. Исследование стратиграфии Афрасиаба в 1973 г. (Г. В. Шишкина) — 74. Изучение погребальных памятников в Пархарском районе Таджикистана	

(Х. Ю. Музитдинов) — 75. Раскопки памятников парфянского времени	
(В. Н. Филиппко) — 75. Новый могильник тюркского времени в Южном	
Узбекистане (Хуан Дукэ) — 76. Средневековые гончарные печи в Каш-	
кадарьинской области (С. Б. Лунина) — 76. Раскопки средневекового го-	
родища Сайёд в Южном Таджикистане (Э. Гулямова) — 77.	
Книги по археологии Средней Азии и Казахстана, опубликованные в 1972—	
1973 гг.	77
Литература по ранним кочевникам Средней Азии и Казахстана, опубликован-	
ная в 1972—1973 гг. (Ю. А. Заднепровский)	80
А. А. Семенов, Н. С. Маланова, Е. Н. Романова, Ю. С. Свежен-	
цев, В. И. Тимофеев. Радиоуглеродные даты образцов из Средней	
Азии и Афганистана, определенные лабораторией ЛОИА АН СССР	
в 1972—1973 гг.	82
Список сокращений	85
Список иллюстраций	86

Успехи среднеазиатской археологии

В ы п у с к 3

Утверждено к печати

Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочев*

Технический редактор *Р. А. Кондратьева*

Корректоры *Э. Н. Липпа* и *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 31/I 1975 г. Подписано к печати
29/VIII 1975 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$.
Печ. л. $7\frac{1}{2}$, = 10.50 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.26.
Изд. № 6010. Тип. зак. № 61. М-26781. Тираж 1000.
Бумага № 2. Цена 69 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

69 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ